

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

научное издание

Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Учредитель: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор Ашимбаев М.С.,
директор КИСИ при Президенте РК

Редакционный совет: Ашимбаев М.С.
Ергысбаев Е.К.
Косиченко А.Г.
Лаумулин М.Т.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.
Умбеталиева Т.Б.
Шоманов А.Ж.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 480100, Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

Ответственные за выпуск: Утешев Д.А., Досымов А.С.
Корректор: Шестакова Н.И.
Верстка: Бакбергенев К.С.

Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации Республики Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других формах копирования статей ссылка на журнал обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «Digital Print».
г. Алматы, ул. Карасай батыра, 191а.

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2003.

НАУЧНЫЙ ЗАЛ

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

№2 (24), 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ	
<i>Нысанбаев А.Н.</i> Казахстан в поисках национальной идеи	3
<i>Казкенов К.М., Нургазиев Д.А.</i> Религиозные процессы в Казахстане: диалог, дискуссии, дискурс	9
<i>Абишева М.А., Бекбутаев Б.А.</i> Проблема бедности в контексте безопасности Казахстана	18
<i>Коновалов С.А.</i> Социологические опросы как фактор коммуникативного воздействия	23
<i>Калетаев Д.А.</i> Основные направления взаимодействия государства и молодежных объединений: российский опыт	30
<i>Амиргазин С.Т.</i> Некоторые проблемы духовной ответственности религиозных конфессий и международной безопасности	35
<i>Шалтыков А.И.</i> О проблемах институционализации таможенной службы и таможенной политики Республики Казахстан	40
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ	
<i>Кукеева Ф.Т.</i> Некоторые аспекты трансатлантического сотрудничества США и ЕС в сфере безопасности	45
<i>Байзакова К.И.</i> Сотрудничество Республики Казахстан со структурами Европейской безопасности	51
<i>Холики А., Рахимов Н.Т.</i> Водные ресурсы – источник конфликтов в Центральной Азии	56
<i>Жусинов Б.С.</i> Политика участия Республики Казахстан в освоении космического пространства	61
ЭКОНОМИКА	
<i>Гусева Л.Ю., Дмитриенко Т.А., Смирнов С.Л., Лян Е.Е., Нысанбек У.М.</i> Глобальные тенденции экономического развития ведущих стран	71
<i>Айгожсина С.А.</i> Анализ проблем и тенденций развития мирового рынка зерна	79
<i>Жуматаева А.Р.</i> К вопросу о проблемах инвестиционной политики в угольной промышленности	86
<i>Батпенев Т.</i> Состояние и перспективы формирования инновационной инфраструктуры в Казахстане	93
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ	
<i>Мукаенова Н.А.</i> Электоральное поведение в период выборов и референдумов: общее и особенное на общенациональном и региональном уровнях.	97
<i>Джаманбалаева Ш.Е.</i> О предмете социологии девиантного поведения подростков	104
РЕЦЕНЗИЯ	
<i>Ашимбаев М.С.</i> Бисенбаев А.К. Другая Центральная Азия	110
<i>Султанов К.С.</i> Нурмагамбетова А.А. Образовательная политика Республики Казахстан в контексте трансформации системы высшего образования.	112
SUMMARY	116
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119

KAZAKHSTAN-SPECTRUM

Issue #2 (2003)

CONTENTS

INTERNAL POLICY AND STATE-LEGAL ISSUES	
A. N. Nysanbaev. Kazakhstan in Search of National Idea	3
K. M. Kazkenov, D. A. Nurgaziev. Religious Processes in Kazakhstan: Dialogue, Discussions, Discourse	9
M. A. Abisheva, B. A. Bekbutaev. Problem of Poverty in Context of Kazakhstan's Security	18
S. A. Konvalov. Sociological Polls as a Factor of Communicative Impact	23
D. A. Kaletaev. Main Directions of State Interaction with Youth Associations: Russian Experience	30
S. T. Amirgazin. Some Problems of Moral Responsibility of Religious Confessions and International Security	35
A. I. Shaltykov. About Problems of Customs Services and Customs Policy Institutionalization in the Republic of Kazakhstan	40
INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY	
F. T. Kukeyeva. Some Aspects of Transatlantic Cooperation Between the USA and EU in the Sphere of Security	45
K. I. Baizakova. Collaboration Between the Republic of Kazakhstan and Structures of European Security	51
A. Holiki, N. T. Rakhimov. Water Resources – A Source of Conflicts in Central Asia	56
B. S. Zhusipov. Policy of Kazakhstan's Participation in Development of Outer Space	61
ECONOMY	
L. Y. Gusseva, T. A. Dmitrienko, S. L. Smirnov, Ye. Ye. Lyan, U. M. Nysanbek. Global Trends in Economic Development of Leading Countries	71
S. A. Aigozhina. Analysis of Problems and Trends of the World Grain Market's Development	79
A. R. Zhymataeva. About the Problems of Investment Policy in Coal Industry	86
T. Batpenov. State and Prospects of Innovation Infrastructure Formation in Kazakhstan	93
THEORETICAL PAPERS	
N. A. Mukanova. Electorate's Behavior During Elections and Referendums: The General and Particular at National and Regional Levels	97
Sh. E. Dzhamanbalaeva. About the Subject of Sociology: Deviation Behavior of Teenagers	104
REVIEWS	
M. S. Ashimbaev. A. K. Bisenbaev. A Different Central Asia	110
K. S. Sultanov. A. A. Nurmaganbetova. Educational Policy of Kazakh Republic on the Background of Transformation of the Higher Educational System	112
SUMMARY	116
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119

КАЗАХСТАН В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ*

Нысанбаев А.Н.

Сегодня мы хотели бы обсудить проблему сущности и статуса национальной, скорее всего казахстанской национальной идеи. Казахская идея – истина в ее высшем смысле. И беря на себя ответственность и смелость взяться за эту многосложную, многоаспектную проблему, мы не можем оставаться академически беспристрастными. Речь идет не только о разработке комплекса мировоззренческих ориентаций, ценностей, направленных на консолидацию народа Казахстана, устойчивое социально-экономическое и духовно-культурное развитие общества и укрепление безопасности и независимости нашей молодой Республики. Не только о прояснении понятийного, категориального статуса идеи как формы мышления, ее теоретического, логического содержания. Речь идет о большем: о практических формах ее реализации. В процессе становления независимого Казахстана казахская национальная идея трансформировалась в казахстанскую национальную идею, вобрав в себя все богатство первой. Предстоит понять казахстанскую идею как форму разрешения противоречий, ценностно-нормативное определение, как экзистенциал, включающий универсальное интегративное содержание, способствующее внутреннему единству, устойчивости и стабильности нашего транзитного общества – и одновременно окрашенный внутренним светом убежденности, личностного согласия, одобрения всех тех, кто образует народ Казахстана. В этом смысле казахская идея может быть названа казахстанской мечтой – термин, в западной науке не очень популярный, хотя и активно используемый в прессе. Мечта – это то, что выходит за рамки чисто понятийного, рационального анализа и предполагает обращение к «логике сердца», к духовно-нравственному опыту личности.

Исследование избранной нами комплексной темы является по своему характеру междисциплинарным: философия, политология, культурология, социология, диаспорология, правоведение, экономика, теория ценностей, история, лингвистика, гендерные дисциплины, синергетика. Весь теоретический багаж этих наук должен быть привлечен и использован, чтобы осознать и осмыслить такой сложнейший феномен, как казахская общенациональная идея. И, кроме того, должен быть привлечен багаж наших личностных позиций, предпочтений, эмоций, нашего страстного желания способствовать упрочению и процветанию родной Республики.

Мы только приступили к исследовательской работе. Но, следуя требованию герменевтики, уже высказали свой первоначальный проект, контурно воспроизводящий целостность того, что подлежит изучению. В этом предвосхищении, предрешении, предзнании содержатся драгоценные зерна истины, обозначаются все грани и аспекты сложной темы. Это пробрасывание смысла позволит нам продуктивно двигаться в направлении уточнения, конкретизации, содержательного развертывания исходного целого с тем, чтобы прийти к конкретно-всеобщему, понятийному и одновременно личностному пониманию казахстанской идеи как формы разрешения противоречий.

Нам необходимо обсудить дискуссионные проблемы, из которых буквально «соткана» наша тема. Можно выделить несколько «проблемных узлов», по которым в науке ведутся пока незавершенные дискуссии: что такое идея как таковая; как понимать национальную идею и что означает казахстанская идея; каково современное понимание традиционных понятий: этнос – национальность – нация – народ – диаспо-

* Доклад, прочитанный на Международной научно-практической конференции «Общенациональная идея Казахстана как основа формирования социально ориентированного гражданского общества» (Алматы, 28 мая 2003 г.).

ра; можем ли мы опираться на компаративистику, отыскивая прямые аналогии между казахстанской общенациональной идеей и, к примеру, русской идеей или американской мечтой? Есть ли особая модель казахстанской идеи, основанная на исключительности, уникальности исторического опыта и культурного жизненчувствования всех казахстанцев? Какое значение имеет казахстанская идея в контексте глобализации, формирования структуры нового мирового порядка? И каковы, наконец, общетеоретические, методологические принципы, с помощью которых становится возможной постклассическая трактовка идеи как осуществления единства?

Попробуем ответить хотя бы на некоторые из сформулированных вопросов. Понятно, что при исследовании темы «казахстанская идея» логично обратиться к опыту других народов, перед которыми на определенных этапах истории стояла аналогичная задача. Но здесь мы сразу сталкиваемся с парадоксом: казахстанской идеи в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, не знал пока ни один народ – это уникальная историческая задача, выпавшая на долю казахстанцев. Сказанное не означает, что нет надобности обобщать и изучать опыт других стран и народов по поиску общенациональной идеи – надо, но только для того, чтобы выявить характеристические черты, сущность казахстанской идеи. На мой взгляд, для обоснования «общенациональной идеи» мы должны определить ее субъекты, интересы которых она должна отстаивать и защищать в рамках единого унитарного государства. В действительности существует казахстанская идея, отстаивающая и защищающая интересы интегрирующей казахской нации и других этносов как государственного единства [1].

Напомним о понимании русской идеи. Во-первых, потому что русские – один из значимых этносов Казахстана. Во-вторых, потому что этот комплекс идей основательно проработан русскими мыслителями: Ф.М. Достоевским, Вл. Соловьевым, Н. Бердяевым, Н. Трубецким, Л. Гумилевым. Русские считали себя богоизбранным народом. Это мессианское сознание сформировалось под влиянием историософской идеи о Москве как «третьем Риме» [2]. После падения православного Византийского государства единственной носительницей и хранительницей истинной право-

славной веры оказалась Москва. Вл. Соловьев отвергает такое понимание русской идеи. Русских, говорит он, Бог предупредил к другой миссии – объединение церквей, образование единой вселенской церкви, куда вошли бы и православные, и католики, и мусульмане. Другое содержание вкладывает в понятие «русская идея» Н. Бердяев: русские призваны содействовать единству и взаимопониманию религий и культур на основе признания их индивидуальности и ценности. «Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству... Мессианское сознание не есть националистическое сознание... Это – универсальное сознание» [3].

Русскую идею можно сопоставить с казахской идеей как идеей одного этноса. Но в отличие от русской, казахская идея не претендует на мессианство, устройство судеб человечества, но направлена на обретение родной земли, «Атамекен» – «земли предков». Эта благородная, возвышенная идея сформировалась еще во времена древних тюрков и протянулась связующей нитью через века. Казахский народ с проникновенной песней «Елим-ай» (О, родимая страна!), по словам Мухтара Ауэзова, «как трагический странник, кочевавший по степям и столетиям», словно печальный Асан-Кайгы неустанно искал землю обетованную «Жеруйык», где бы воплотилась казахская национальная идея о создании независимого национального государства, мечта о мирной и счастливой жизни.

Сегодня казахская идея трансформировалась и осуществилась в форме суверенного национального государства, появившегося на карте мира более десяти лет назад, ставшего полноправным партнером демократического сообщества государств. Но решение этой задачи поставило Казахстан перед новой проблемой: используя могучий потенциал казахской идеи, сформировать идею, способную объединить, интегрировать все этносы республики. Такой миссии не было у русской идеи.

Аналогии с «американской мечтой» тоже весьма условны. В первом приближении и американская идея предназначена к объединению различных этносов, проживающих в стране. Но казахстанская идея принципиально отличается от «американской мечты». Во-первых, в Штатах нет до-

минирующего этноса (коренные индейцы, для которого территория издревле была бы исторической Родиной, уничтожены еще в XIX веке). В Казахстане, напротив, доминирующим этносом являются казахи и Казахстан – исконная земля их предков. Вторых, американская мечта – идея сугубо прагматическая, утилитарная, лишенная духовно-нравственного потенциала, в то время как казахстанская идея ориентирована на гуманистические, духовно-нравственные ценности и идеалы.

Американские теоретики пытаются, правда, облагородить «американскую мечту», придать прагматизму оттенок человечности. Один из признанных теоретиков прагматизма Вильям Джеймс настаивает на различении успеха подлинного и успеха мнимого. Первый, в отличие от второго, предполагает, что развиваются внутренние сущностные силы и способности человека, причем честным путем, с соблюдением норм морали, нравственных принципов добра и справедливости. Однако реальное воплощение доктрины прагматизма, реализация концепта «социального лифта» побуждают к неразборчивости в выборе средств для достижения «американской мечты». Не утверждения нравственных ценностей требует подъем по социальной лестнице, а скорее, попрания этих принципов. Казахстанская мечта, напротив, вдохновляется приоритетом духовно-нравственных ценностей, гуманистической доминантой.

Из восточных стран особенно привлекателен опыт Японии. Руководствуясь национальной идеей «японский дух, западная технология», Япония смогла создать гибкую экономическую систему и осуществить синтез ценностей традиционной культуры и либеральных ценностей Запада, сохранив тем самым свою этническую идентичность в условиях глобализации. И в странах Юго-Восточной Азии был реализован важнейший принцип глобализма «Думай глобально, действуй локально», что позволило сохранить культурное и конфессиональное многообразие в рамках единого государства.

Таким образом, аналогии с русской идеей, американской мечтой, восточным опытом помогают выявить особое качество, сущностные характеристики казахстанской общенациональной идеи, ее несводимость к тому, что уже испытано в истории, т.е. ставят на повестку дня разработку ка-

захстанской модели общенациональной идеи как формы разрешения противоречий.

Национальная идея должна вытекать из всей логики национальной истории и культуры и опираться на общечеловеческие ценности и Конституцию страны. Она определяет контуры будущего, являясь детерминантой будущим. Обобщая исторический опыт, выявляя тенденции исторического развития, идея выводит за пределы данного опыта, проектирует должное, то, к чему мы все стремимся, чего страстно желаем. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сформулировал следующие пять принципов, лежащих в основе национальной идеи Казахстана:

- 1) фактическое и юридическое равенство всех этносов республики;
- 2) казахский народ является государствообразующим этносом, поэтому он несет ответственность перед другими этносами, а другие этносы должны относиться с пониманием к самовыражению казахской нации;
- 3) религиозная идентичность и толерантность народов;
- 4) воспитание казахстанского патриотизма;
- 5) развитие малого и среднего бизнеса, формирование казахстанского среднего класса.

Все другие этносы должны глубоко осознать, что у героического и стойкого казахского народа, составляющего 56% от общей численности населения страны, нет сегодня желания доминировать над ними. Душа его, как и всегда, великодушна, бескорытна, терпелива, а от рынка он страдает больше, чем кто-либо другой, ибо не был готов к нему ни исторически, ни морально-психологически. Об этом свидетельствует тяжелое состояние сельских казахов, составляющих 44% всех жителей села.

Казахстанская идея – это идея демократической открытости, социальной справедливости, символ формирования нового духовно-нравственного пространства и возрождения на ее основе национального самосознания каждого этноса, созидания сильной и цивилизованной независимой государственности как гаранта согласия, мира и благополучия.

Казахстанская народная идея призвана способствовать внутреннему единству, устойчивости и стабильности общества, сплочению и взаимопониманию, тем самым

укреплению независимой государственности. Она должна содействовать разрешению противоречий между интересами различных этносов, конфессий, социальных слоев с тем, чтобы образовалась социально-экономическая, политическая, а главное – духовно-нравственная целостность, составляющая казахстанский народ. Выдвигая этот тезис, мы рискуем услышать возражения. Во-первых, дискуссионным остается использование конституционного термина «народ» в отношении всех казахстанцев. Тем более спорным является вопрос о введении термина «казахстанская нация», который был поставлен и обоснован профессором Кадыржановым Р.К. в его монографии «Национальная консолидация в Казахстане: проблемы и перспективы». Не оставить ли за термином «нация» то традиционное содержание, которое связывает его в одну понятийную семью с таким рядом категорий, как этнос и национальность? Во-вторых, если даже принять термин «казахстанский народ», возникают нежелательные ассоциации с понятием «советский народ», от которого современная социальная и политическая наука давно отказались.

Размышляя над этими вопросами, прихожу к выводу, что надо очень осторожно, взвешенно и критично использовать старые термины и вводить новые. «Народ» означает, прежде всего, единство в этническом многообразии, сплоченность, солидарность, взаимопонимание. Это единство может быть обусловлено этническим родством и ментальным единством – казахский и русский народы. Но оно может быть реализовано и на другой основе – согражданство, социально-экономическая и, соответственно, – духовно-нравственная и культурная общность. В таком понимании можно говорить о многонародной казахстанской нации (если использовать термин Л.Н.Гумилева), состоящей из многочисленных этносов. Единство осуществляется благодаря межэтническому и межкультурному взаимодействию и взаимопониманию. А чудо понимания, с позиций герменевтики, заключается не в том, что души таинственно сообщаются между собой, а в том, что они причастны общему для них смыслу. Что это за смысл? Ответ на этот вопрос и дает казахстанская идея.

И все же термин «казахстанская нация» представляется весьма спорным. В современных демократических государствах

первостепенным становится не этническое происхождение, а согражданство, включенность в единое социальное и экономическое пространство. Но для изучения и описания этой новой ситуации совсем не обязательно использование таких нагруженных смыслами понятий, как «нация». Вполне возможно введение более адекватных категорий, например, согражданство.

Если же принять во внимание нежелательные ассоциации понятий «казахстанский народ» и «советский народ», то здесь можно сказать следующее. Эти понятия принципиально, сущностно различаются, поскольку основаны на несовпадающих методологических принципах. «Советский народ» – понятие, предполагающее вполне определенное соотношение всеобщего и единичного, когда первое подавляет, ассимилирует, подчиняет второе и единство достигается именно за счет такого подавления. Если в советские времена и говорилось о ценности национального клише. Разве можно было всерьез говорить о национальной культуре, если не признавалось существование казахской философии и, соответственно, русской религиозной философии, если выдающиеся деятели национальной культуры были репрессированы, замучены, расстреляны или высланы?

Совершенно другой принцип соотношения всеобщего и единичного конституирует понятие «полиэтнический казахстанский народ». Можно сказать, что этот принцип утверждается в постклассическом мире: единство не за счет подавления, поглощения особенности, но, напротив, благодаря экстремальному развитию особенных моментов, единство в многообразии. Это означает: чем свободнее, содержательнее развиваются национальные культуры, тем сильнее и устойчивее их тяготение друг к другу, их культурное взаимодействие и коммуникация. Вспомним Бердяева: «... национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества. Она заложена в самих глубинах жизни, и национальность есть ценность, творимая историей». О том же писал Соловьев: «... национальные различия должны пребыть до конца веков: народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма» [5].

И Соловьев добавляет нечто весьма важное для нашего контекста: «Вселенская

основа или абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе... Дстойное, идеальное бытие требует одинакового простора для целого и для «частей». Этот принцип «конstellации» или «ризомы» становится ключевым в евразийской концепции Н.Трубецкого. Культура, настаивает он, должна обладать целостностью и единством, но таким, которое не подавляло бы качественное своеобразие, но, напротив, осуществлялось бы именно благодаря сбережению такого своеобразия. «Нельзя синтезировать, отвлекаясь от их индивидуального своеобразия, ибо именно в сосуществовании этих ярко индивидуальных конкретно-исторических единиц и заключается основание единства целого» [6]. Стало быть, принципиально иное соотношение всеобщего и единичного, иная модель синтеза характеризуют казахстанский народ в его отличии от «советского народа».

Но как возможен этот демократический «ненасильственный синтез», единство в культурном многообразии, предполагающее различия? Какова демократическая модель объединения различных этносов? Один из популярных ныне ответов – мультикультурализм, концепция которого апробирована в некоторых полиэтнических странах на уровне государственной политики. Но как подчеркивают ученые-политологи, мультикультурализм, отказывающийся от идеи доминирующей культуры как обязательного ориентира периферических культур, от противопоставления меньшинства и большинства в сфере культуры – действительно реальный вызов для государственной и культурной идентичности. Более взвешенной и реалистичной представляется позиция герменевтического диалога, которая предполагает наличие общего основания и одновременно – различия и по содержанию, и по форме. Таким общим основанием в Казахстане является евразийская почва, т.е. исторически сложившееся евразийское братство тюркоязычных и славянских народов (в странах мультикультуралистического выбора такая общая почва отсутствует). Диалог есть не сумма различных позиций. Это – подвижный горизонт совместного поиска, где происходит продуцирование нового, неожиданного, и участники диалога преобразуются, добывая драгоценное качество совместного бытия. Здесь

следовало бы отметить Ассамблею народов Казахстана как важнейшего общественного института, многогранная деятельность которого способствует единению тюркоязычных и славянских народов [7].

Но в этом диалоге решающая роль принадлежит этносу-доминанте. Осуществив в форме национального суверенитета давнюю свою мечту, казахскую идею «Атамекена», казахи обнаружили, что на их долю выпала поистине историческая миссия: объединить в крепкое демократическое культурное единство все этносы, которые живут в Казахстане, считают его своей родиной, искренне и глубоко любят родную землю казахов и не хотят покидать ее ни сегодня, ни завтра. Это особая гордость казахского народа – желание других этносов остаться на приветливой, гостеприимной земле, к которой они прикипели всем сердцем и всей душой и с которой связывают они будущее своих детей. Широкие степи и снежные горы Казахстана оказались щедрыми на любовь, приняли в свое лоно, укрыли и приласкали многие этносы – благодаря внутренней широте и красоте казахской души, ее способности помогать, поддерживать, ободрять других людей.

Диалог различных этносов как основа формирования казахстанского народа предполагает поэтому волю к сотрудничеству, взаимопониманию и согласию, прежде всего, казахского народа. По мере дальнейшего развития Казахстана как независимого государства будет возрастать интегрирующая роль казахской нации в системе межэтнических отношений страны. Поэтому в исследовании нашей темы направляющим ориентиром будет изучение национального суверенитета как фактора консолидации казахстанского общества и соотношение идеи национального суверенитета и казахстанской народной идеи.

Очень важным представляется также исследование духовно-нравственного опыта казахского народа, выяснение консолидирующего потенциала традиционной культуры казахов. Основа этой культуры – единство, межличностное общение: принадлежность к роду является первой и безусловной жизненной ценностью. В роде человек присутствует не только той или иной своей ипостасью, но пребывает в нем всем своим существом, всей полнотой своих жизненных и человеческих проявлений. Два свойства бытия – ориентация на приро-

ду и приверженность памяти предков – говорят о гуманности и гибкости данного социального института. Именно поэтому род так или иначе вписывается в социально-политические структуры иного уровня. Речь идет не о восстановлении архаического сознания, но об использовании бесценного опыта межличностного общения, воспитывающего способность к взаимопониманию, взаимоподдержке и сотрудничеству, качествам, так необходимым для реализации казахстанской идеи как фактора формирования социально ориентированного гражданского общества. Вот почему таким важным представляется анализ казахской социально-политической мысли в контексте поиска и разработки казахстанской идеи, а также исследование национального характера и менталитета казахов с целью выявления потенциала межэтнической интеграции.

Разработка теоретических проблем, связанных с темой «казахстанская идея», предполагает также исследование соотношения этнической и гражданской самоидентификации, определения места и роли национальной идентичности в системе казахстанской идеи как формы разрешения противоречий и тем самым фактора развития. Вектор гражданской самоидентификации в стабильном, устойчивом обществе всегда берет верх над вектором этнической самоидентификации. Однако согражданство может являть себя только в форме этнического, и потому продуцирование гражданского сообщества предполагает сознательное взаимодействие этносов – они-то и являются первичной и первостепенной социальной семьей. От постижения своей собственной природы человек или народ путем углубления самопознания приходит к сознанию равенства всех людей и народов. А выводом из этих постижений является утверждение своей культурной самобытности, стремление быть самим собой.

Мы обсудили некоторые важные дискуссионные проблемы, связанные с разработкой фундаментальной темы «казахстанская идея как фактор формирования социально ориентированного гражданского общества». Можно спросить, какова же все-таки формулировка, емкая и содержательная, раскрывающая суть идеи-объединительницы и в то же время лично, экзистенциально окрашенная? Нам предстоит совместно сформировать такое новое по-

нимание. Один из возможных вариантов ответа – евразийская концепция, консолидирующий потенциал которой будет специально обсуждаться в одном из разделов нашего проекта «Общенациональная идея и проблемы устойчивого развития Казахстана в условиях глобализации». Идея евразийского сообщества, возникшая в результате трансформации казахской и казахстанской идеи, имеет глубокий смысл для идейной консолидации казахстанского народа. Какова история и каковы современные интерпретации идеи евразийства, каким образом эта идея может обновиться на базе новейших научных теорий и концепций, а главное – с учетом особенностей казахстанской реальности? На эти вопросы нам еще предстоит дать ответы.

И, наконец, важнейший аспект исследования – изучение в связи с казахстанской идеей системы национальных интересов Казахстана, его геополитических приоритетов и условий обеспечения национальной безопасности. При этом почти неисследованной в нашей стране остается проблема социологии безопасности. Ведь казахстанская идея, консолидируя и сплачивая все транзитное общество, усиливая вектор гражданской самоидентификации, решая важнейшие проблемы становления демократического государства, в то же время способствует укреплению позиций страны на международной арене, ее авторитета в демократическом сообществе государств, осуществлению культуры мира.

Только крепкое, политически стабильное и духовно единое общество способно выжить в условиях ускоряющейся глобализации, которая не только раскрывает новые невиданные возможности развития человеческих сущностных сил, но и таит в себе опасность, угрозы и риски, связанные, прежде всего, с поглощением, стиранием индивидуальных различий самобытных культур и национальных образов мира. Только объединившись на основе казахстанской идеи, вдохновляющей каждого казахстанца, мы окажемся способными выстоять перед этим ураганом и, используя все выгоды и преимущества глобализации, уклониться от ее опасностей и угроз. Консолидация на основе казахстанской идеи есть поэтому не только внутренняя задача, но также и задача номер один внешней государственной политики по сохранению и укреплению Казахстана как уникального,

единственного в своем роде унитарного государства на карте мира, способного к утверждению высших человеческих ценностей – гражданской культуры, взаимопонимания и духовного согласия.

Таким образом, «общенациональная идея» представляется мне казахстанской национальной идеей, введенной в научный оборот в качестве важнейшего объяснительного принципа для изучения сложных проблем устойчивого развития Казахста-

на в условиях глобализации. И терминологическая точность необходима в любом научном исследовании, поэтому речь может идти о казахстанской идее как форме разрешения межэтнических противоречий, как способе межэтнической интеграции на основе умелого сочетания интересов казахской нации и других национальных диаспор в рамках единого унитарного государства, где формируется единый сплоченный казахстанский народ.

Литература

1. Нысанбаев А. Адам және ашық қоғам. Человек и открытое общество. Алматы: Казак энциклопедиясы, 1998. – С. 130–136.
2. Бессонов Б.Н. Россия ищет дорогу в будущее. В кн. «Социальная теория и современность». Вып. 18. – М., 1995. – С. 7–16.
3. Бердяев Н. Судьба России. – М., 1990. – С. 19.
4. Там же. С. 93.
5. Соловьев Вл. Русская идея // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т.2. – М., 1989. – С. 241.
6. Трубецкой Н. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 334.
7. Нысанбаев А. Жаһандану және Қазақстанның орнықты дамуы. Глобализация и устойчивое развитие Казахстана. – Алматы, 2002. – С. 42–74.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ: ДИАЛОГ, ДИСКУССИИ, ДИСКУРС

Казкенов К.М., Нургазиев Д.А.

Слово «религия» имеет два толкования: во-первых – от латинского существительного – «благочестие, святость» и, во-вторых, от глагола «связывать, соединять», представляет целостную систему о картине мира. История человечества знает «приливы» и «отливы» сакрализации и секуляризации религии. На рубеже веков, в условиях нарастающих процессов глобализации, проявляется возрастание духовных потребностей и интереса людей к религии. Прежде всего произошел ренессанс религиозных чувств на постсоветском пространстве, где религиозные процессы за последние десять лет проходили в сложных и противоречивых условиях. В этой связи очень важно попытаться понять, разобраться в существующих конфессиональных отношениях в Казахстане.

На IX сессии Ассамблеи народов Казахстана Н.А. Назарбаев определил основные цели стратегии развития казахстанского общества: национальное согласие, в

основе которого, считает он, лежит межконфессиональный диалог, безопасность и гражданский мир. Глава государства, обращаясь ко всем конфессиям Евразийского субконтинента, высказал предложение принять «Евразийскую хартию межконфессионального Мира и Согласия», что, несомненно, явится новым шагом на пути Мира, Созидания и Прогресса*.

Выражая свою любовь к родной земле, ее людям и подводя итоги своих многолетних поисков и обретений, тревог и скорби, откровений и раздумий, один из выдающихся сынов казахского народа Ибрагим (Абай) Кунанбайулы в бессмертном творении, названном в переводе на русский язык «Книгой слов», пишет: «...А может, посвятить себя богослужению? Боюсь, не получится. Это занятие требует полного покоя и умиротворения...» [1].

Великий мыслитель видел во Всевышнем Первопричину и Творца всего сущего, был убежден в его абсолютной мудро-

* 1 февраля 2003 г. на I Международной конференции Мира и Согласия принята Декларация. См. Мысль, 2003. – №3. – С. 2–3.

сти и бесконечной доброте. Вера Абая – вера творческой личности, вера светлая и гуманная, деятельная и нравственно цельная, вера в высокое предназначение сотворенного Богом человека, в его способности постичь разумом вселенские законы мироздания для достижения полного счастья. Безжалостно обличая в своих откровениях такие человеческие пороки соплеменников, как трусость и безволие, праздность и лень, лживость и невежество, казахский мудрец показывает людям порождаемые глобальные беды для всего человечества и помогает найти путь избавления от всех грядущих катастроф и несчастий для личности и народа. Абай, болея душой за будущее своего народа, стремился найти и указать людям векторы духовно-нравственного очищения. Сегодня мы наблюдаем, как люди обретают этот путь через религию.

Страшно, когда человек духовно опустошен, когда вместо духовных ценностей – нравственное разложение, цинизм, полная деградация. А выбор между верой и неверием или верой в ту или иную религию – это право каждого.

Полифония картины мира детерминирует поиск каждым человеком смысла жизни, мировосприятия, мироздания (через микро-, макро-, мегауровни бытия) и в конечном счете обозначает Судьбу: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира... Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность» [2]. История человечества «выкристаллизова-

ла» подходы мирообъяснения картины мира: мифологическое, астрологическое, религиозное, космическое и философско-научное. Перечисленные и иные имеют место в онтологии и являются составляющими, и одновременно это не исключает появления неизвестной доселе теории («Х»), когда ум человечества поднимется на кардинально иную планку миропонимания**.

Сегодняшняя мозаика картины мира для верующего – воплощение божественной гармонии, для философа – первосущее, для ученого – система взаимосвязанных законов, для оккультиста – преклонение перед таинственностью и т.д.

Идущие в обществе процессы духовно-нравственного обновления в значительной мере основаны на заповедях религии (акцентируем, истинной) и философии монотеизма, которые на протяжении тысячелетий служили ориентирами для всех прогрессивных политических движений, гуманистических идей и теорий.

Понятно, при такой диверсификации изысканиями в области религиоведения вкуче должны заниматься ученые, глубоко и в совершенстве владеющие сутью самой религии и не связанные должностными функциями в структурах какой-либо религиозной конфессии, ибо среди отдельных представителей различных конфессий не принято вести открытый диалог, касающийся канонов, исповедуемых ими верований, и допускается момент аффелированности.

При обсуждении существующих в Казахстане религиозных процессов уместна аргументация, на наш взгляд, построенная на достоверности, исповедальности, искренности, а это является залогом толерантности.

** Истина – соответствие человеческих знаний действительности, совпадение человеческой мысли и объекта. Истина, фиксируя объективное содержание человеческих знаний, есть процесс и акт фиксации на основе Деятельности Человека. Динамика человеческого познания обуславливает относительность (этап) и абсолютность (граница) истины. Условия, формы существования объективности, ведет к иным масштабам и глубине познания. Современному уровню взаимодействия человека и природы характерны сложные естественные и искусственные системные объекты.

В качестве постановки, выскажем следующие вопросы: а) истина в XXI веке обозначила новый уровень, требующий полноты объяснимости; б) внутренняя непротиворечивость; в) творчество (потенциал); г) примиримость для всех (объединительная мощь); д) воспитание Действия; е) универсальность и конкретная индивидуальность; ж) тенденция к единой общечеловеческой истине (часть воспримет, другая – нет. Момент агрессивности). Мы знаем или не знаем истину; не может быть двух и так далее истин; нельзя «договориться» об истине (механически соединить); истина у меня, исключая другую; истина у одного, «понемногу», нет ни у кого. Вышеобозначенное определяет дискурс в области: гносеологии, методологии, науки, онтологии. – Современный философский словарь / Под ред. В.Е.Кемеров, д.ф.н., профессор / М. – Б. – Е., 1996. – 608 с.

Буквально в недавнем прошлом, на протяжении 70 лет культивировались постулаты марксизма-ленинизма. Суть этой идеологемы сводилась к следующему изречению. К.Маркс писал: «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бесщедного мира, подобно тому, как она – дух бездумных порядков. Религия есть опиум для народа» [3]. В советский период всякая религиозная деятельность духовенства, действовавшего в Казахстане: Ислама, Православия и других конфессий, находилась под жестким и всевидящим оком государства. Сейчас стали достоянием общественности факты внедрения в их среду агентов спецслужб, с помощью которых манипулировалась их деятельность. Примером аберрации, агрессивности воинствующего атеизма могут служить приводимые ниже выдержки: «Коран – книга, содержащая изложение догм и положений мусульманской религии, мусульманских мифов и норм права» [4] и «Библия ... – рел. сборник разрозненных легенд, взаимно противоречащих, в разное время написанных и полных исторических ошибок сочинений, выдаваемых церковью за «священные» книги» [5]. Комментарии, как говорится, излишни.

Как видим, построенная на воинствующем атеизме коммунистическая идеология превратила человека в рабочую машину, полностью контролируемую руководящей партией. Духовный мир человека перешел под зависимость идеологии коммунизма. Наряду с этим, все же у определенной части людей вера и религиозные чувства сохранились. На этой почве с падением советского строя начался стремительный процесс «реанимации», поиска человеком себя в различных идеях, верованиях, в т.ч. и религиозных; возрождением духовно-исторических традиций, культурного наследия наших предков было охвачено не только взрослое население, но оно укреплялось в умах и сердцах молодежи. Этот позитивный процесс сопровождался проникновением эрзакультуры, культивирующей экстремизм.

С обретением суверенитета Казахстана религия, утверждающая высокие нравственные ценности и гуманистичес-

кие идеалы, стала играть существенную роль в социально-духовной жизни нашего общества***.

Понимая, что из-за утери устоявшихся нравственных принципов человек духовно опустошается, подвергается моральному разложению, заражается цинизмом, что в конечном счете приводит к деградации, Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев обозначил: «Мы строим светское, демократическое, правовое и открытое миру государство. Эти принципы зафиксированы в нашей Конституции. Отделяя государство от религии, мы не собираемся ограничивать свободу конфессий, вероисповедания, мощное духовное начало, непреходящие нравственные ценности, присущие большинству религий, заслуживает поддержки, равно как и взаимоуважительные межконфессиональные отношения» [6].

В политике государства не содержится ни антирелигиозных, ни прорелигиозных намерений. Гражданам гарантирована свобода совести, свобода вероисповедания, но недопустимы пропаганда или агитация, порождающие религиозную или иную ненависть и вражду. Государственное строительство в Республике Казахстан основано на принципах общественного согласия и политической стабильности, экономического развития на благо всего народа, патриотизма, демократии в жизни общества.

Еще раз подчеркнем, что у нас никто не подвергается принуждению, ущемляющему его свободу иметь и принимать религию и убеждения по выбору. Проблема в том, что человек, будучи членом общества, одновременно является представителем или приверженцем той или иной религиозной конфессии. Следовательно, нельзя рассматривать любые религиозные проблемы в отрыве от реальной (земной) жизни общества. Уважая внутренние установления религиозных объединений и предоставляя им возможность действовать в соответствии с верованиями, признавая их право на организацию и функционирование согласно с законами РК, государство в целях сохранения общественного спокойствия обязано перманентно проводить

*** К сведению, в Казахстане: 10 лет назад было 670 религиозных объединений, в 2002 г. – 2618; в 1990 г. было 25 мечетей, сейчас – 1372; в 2000 г. хадж совершили 80 человек, в 2002 г. – 300–400 чел. Полная динамика религиозной ситуации дана в докладе на IX сессии АНК Президентом Н.А.Назарбаевым. (Казахстанская правда, 16 ноября 2002 г.; Казахстанская правда, 13 февраля 2003 г.)

мониторинг текущих религиозных процессов в стране и мире.

По нашему убеждению, одними из демократических форм организации, взаимодействия между различными общественными силами являются своевременные и тщательно подготовленные диалоги, дискуссии и дискурсы.

Диалог. Под диалогом здесь понимаются встречи, переговоры и контакты, когда в результате свободного, взвешенного и конструктивного обмена мнениями по обсуждаемому вопросу между участвующими сторонами устанавливаются приемлемые для всех присутствующих условия достижения согласия.

Общественно-политические реформы эпохи перестройки выдвинули перед тоталитарной системой вопросы коренной переоценки мировоззренческих критериев переосмысления роли религии в социально-культурной жизни общества в новых условиях, выяснения позиции государства в стабилизации сложнейших процессов. Однако ни государство, ни само общество не были подготовлены к реалиям обретения гражданами истинной свободы совести с присущими этому явлению толерантностью и веротерпимостью. Усилились процессы самоидентификации по этнической и религиозной принадлежности, которые зачастую использовались в политических целях, а, с другой стороны, из-за неинформированности и невладения реальной ситуацией в обществе принятие тем самым неадекватных мер приводило к страшным бедствиям: межнациональным распрям, взаимным претензиям, предьявляемым друг другу от имени целых народов. В результате мир стал свидетелем трагедий в различных регионах постсоветского пространства.

В условиях нарождающегося глобализма происходило образование новых независимых государств, что, к сожалению, на начальном этапе привело к хаосу, анонии и резкому ухудшению социального положения большей части населения. Жизнь безжалостно разбила иллюзии людей о «светлом будущем», повернув на 180 градусов вектор своего направления. На смену одним нравственным ценностям общества, которые формировались десятилетиями, предлагались совсем иные идеи и принципы, порою культивируемые извне.

Процессы усугубились из-за незнания людьми, стоявшими у власти, теологии, отсутствия опыта взаимодействия с религиозными объединениями, ограниченностью доступа к информации, анонии, имевшей место среди большей части населения. С крушением монополии коммунистической идеологии образовавшийся в обществе идеологический вакуум начал наполняться эрзац-культурой и идеологемами различного толка, в том числе так называемыми нетрадиционными религиями.

Довольно в трудном и сложном положении оказался Казахстан, когда страну буквально наводнили миссионеры различных религиозных сект, часть которых, особо себя не утруждая формальностями, действовала под видом различных клубов, культурно-образовательных центров, спортивно-оздоровительных секций и т.д. Священнослужители же Ислама и Православного христианства оказались не готовыми к такому повороту событий и некоторое время, по-видимому, ожидали вмешательства со стороны государства. Но, поскольку Республика Казахстан провозгласила себя светским государством, прямое вмешательство в сферу религии было бы нарушением конституционных норм законодательства РК.

Отдельного внимания заслуживает такая отличительная черта менталитета казахского народа, как синкретизм. В свое время достаточно заметное влияние на формирование духовной этики оказали зороастризм, тенгрианство, буддизм, суфизм, манихейство. Можно предположить, что все это оказало влияние на формирование известной веротерпимости и толерантности казахов.

Для того чтобы религиозные процессы развивались в цивилизованном русле, не привнося с собой элементы деструктивности в общество, необходима просветительская работа, в которой должны участвовать все, кто хочет сберечь межконфессиональное и межэтническое согласие. Мы не должны допустить появления у нас в стране различных мошеннических и экстремистских организаций, преследующих нездоровые политические или сугубо корыстные цели. С другой стороны, мы далеки от мысли вместить все и вся в «прокрустово ложе». Подразумевается, что в демократическом обществе человек сам делает осознанный выбор на основе зна-

ний истории и теологии, а также своего миропонимания и жизненного опыта.

В такой обстановке Казахстану важно критическое, но объективное изучение состояния межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений с участием ведущих ученых и теологов, юристов, философов, социологов, экономистов, политологов и представителей духовенства действующих в нашей стране религиозных конфессий. Желателен всесторонний обмен мнениями за «круглым столом» в форме диалога, для достижения согласия по различным проблемам жизни религиозных общин и взаимоотношений их с государственными и другими институтами.

Дискуссии. Под дискуссией здесь понимается обсуждение, рассмотрение, исследование каких-либо проблем или вопросов межконфессиональных взаимоотношений на встречах представителей религиозных общин, собраниях общественности, при встречах ученых-теологов, в открытой печати и других средствах массовой информации. В этом плане наступил этап «отделения зерна от плевел».

К середине 90-х гг. на основе накопленного опыта и имеющегося научного потенциала началась организация встреч и дискуссий для обмена мнениями в различных аудиториях. К этому времени был принят первый Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», создавший правовое поле гражданам для свободы вероисповедания, что свидетельствует о толерантной духовной ситуации в обществе. Естественно, Закон сыграл позитивную роль в возрождении традиционных для населения страны Ислама и Православия. Определилась тенденция к культивированию различных других религий, конфессий и деноминаций. Наряду с этим, отдельные положения Закона дали возможность многим околорелигиозным деятелям под видом представителей нетрадиционных конфессий проводить свою сомнительную деятельность, даже без прохождения официальной регистрации в государственных органах.

В настоящее время обсуждается вопрос о внесении изменений в этот Закон с учетом религиозной ситуации в мире и нашем регионе, а также устанавливающихся в стране религиозной толерантности и веротерпимости. Всемирная декларация прав

человека гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [7]. В Конституции Республики Казахстан зафиксировано, что каждый имеет право на свободу совести. Осуществление этого права на свободу совести не должно обуславливать или ограничивать общечеловеческие и гражданские права и обязанности перед государством.

Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшей ценностью которого является человек, его жизнь, права и свободы; признается идеологическое и политическое многообразие. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности Республики, подрыв безопасности государства, разжигание религиозной розни» [8].

Как видим, Казахстан отвергает строительство государства на религиозной основе, в полной мере обеспечивает своим гражданам права на свободу совести, веры, деятельность религиозных организаций и одновременно не допускает деятельность деструктивных конфессий [9].

«Одной из приоритетных задач общества во внутривластной сфере является укрепление взаимоуважения, терпимости и доверительных отношений между различными конфессиями» [10].

Данный период характеризуется свободным доступом к научным трудам зарубежных политических деятелей, ученых-теологов и к богатой, разнообразной религиозной литературы.

С удовлетворением можно отметить появление ряда отечественных научных исследований в этом аспекте в политологическом контексте [11]. Это объяснимо, так как период 90-х гг. характеризуется осознанием необходимости переосмысления взаимоотношений государства и религии, роли религии в обществе, а также появлением экстремистских течений, прикрывающихся религией.

Среди общественности идет дискуссия по Закону «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» [12], вырабатываются новые подходы видения религиозного вопроса в Казахстане, высказываются различные точки зрения, порою поллярные.

Но нельзя упускать из виду тот факт, что на протяжении ряда лет имела место гипербола об «исламской угрозе», «исламских террористах». Так, в Казахстане в последние годы состоялись конференции, названия которых дают повод для серьезных размышлений: «Ислам и национальная безопасность в странах Центральной Азии», «Религия и экстремизм», где, конечно же, речь шла об Исламе. По мнению известного абаевода Сапар Али Бейбит, для организаторов таких «мероприятий» даже немыслимы иные названия форумов. Названия научных (а значит, читай объективных, компетентных, достоверных) встреч, где участниками и докладчиками являются далекие от Ислама политологи и работники государственных служб, которые не в полной глубине знают Ислам, носят не вполне корректный характер. Единичны из участвующих в таких конференциях людей реально исповедуют Ислам и знают его, так сказать, изнутри, а большинство получило представление об Исламе из советских учебников или же продолжает изучать его по источникам, вызывающим сомнение в объективности по отношению к Исламу. Они пользуются надуманной терминологией, придуманной людьми, целью которых является если не восприятие Ислама как вероучение, так навязывание общественному сознанию своего мировоззрения, миропонимания, своих ценностей, к сожалению, не имеющих ничего общего со свободой выбора [13].

Осознавая, что казахстанское общество находится на стадии завершения поиска приемлемой оптимальной модели общественного устройства молодого суверенного государства, институты гражданского общества включились в обсуждение вопросов по определению подходов о роли религии. По инициативе НПО, партий, со-

вместно с представителями религиозных конфессий проводились «круглые столы» и семинары по религиозным темам в различных регионах. В частности, в программных документах партии «Отан» записано: «...обеспечение плюрализма в области религиозного мировоззрения, за свободную деятельность конфессий и религиозных организаций, свободу совести, демократические принципы взаимоотношения религии и государства, исключающие сползание в теократию и тоталитаризм, за гарантию прав религиозных меньшинств, если их деятельность не носит деструктивный, антигуманный характер и не противоречит общечеловеческим нравственно-этическим нормам.

... расширение межконфессионального диалога и сотрудничества в целях укрепления согласия и гражданского мира в обществе. Это особенно важно потому, что конфликты на религиозной почве становятся едва ли не основной линией глобального культурного разлома» [14].

Думается, грядущие ключевые задачи Общества и Государства можно определить как:

- государственное регулирование в вопросах взаимоотношений религии и политики;
- в рамках секуляризации и сакрализации выявление процессов взаимодействия религиозного и политического факторов;
- определение особенности гражданского общества в условиях современного Казахстана;
- анализ и систематизация методологии проблемы свободы совести в условиях многонациональности и поликонфессиональности;
- уточнение понятий «веротерпимость», «толерантность»****;
- анализ процесса формирования государственных органов и религиозных объединений и конфессий;
- выяснение существующих специфических проблем в практике реализации свободы совести;
- раскрытие особенностей религиозной ситуации в Республике Казахстан с учетом обстановки в регионе Центральной Азии;

**** Понятие «толерантность» имеет различную интерпретацию. В этой связи дефиниции и этимология понятия «толерантность» раскрыты в работе: Катинка Эверс. О природе толерантности. Статья. Перевод Л. Калибаевой. – Алматы: конфликтологический центр, 2001. – 39 с.; а также Обучение культуре мира и толерантности: пособие для учителя. 2-ое изд. (1-ое изд. осуществлено при поддержке Детского фонда ЮНИСЕФ 1999 г. Пер. Т. Маркиной). – Алматы: конфликтологический центр, 2001. – 56 с.

- выработка рекомендаций для государственных управленческих структур в реализации политики государства в области религии.

Дискурс. Под дискурсом здесь понимается этап теоретического обсуждения того или иного вопроса с учетом результатов предшествующих встреч, переговоров, диалогов и дискуссий.

Главной задачей и конечной целью политики и религии является установление своей легитимной власти над социумом, когда политические деятели опираются на реальные, земные потребности человека и общества, а религиозные деятели делают упор не только на внешние физические и социальные факторы, но делают ставку на внутренние духовные потребности личности.

Отсюда целью политических партий является завоевание доверия как можно большей части электората и приход к политической власти, а цель многих религиозных объединений – завоевание «умов и сердец» своих последователей.

Манипуляция общественным мнением, особенно после 11 сентября 2001 г., раздувание некоторыми СМИ мифов об «исламском экстремизме», «исламском терроризме», «исламской угрозе» фактически формируют негативное, и даже враждебное, отношение к Исламу, когда с умыслом или без него представляют его в качестве идеологии, несущей фанатизм, нетерпимость к представителям других вероучений, порождающей войны, терроризм и экстремизм.

В книге «Критическое десятилетие» Н.А. Назарбаев акцентирует внимание как на форму, так и на содержание проблемы. Корректные формулировки «исламский радикализм» сменились на термины «исламская угроза». Понятно, первое словосочетание четко разделяло миролюбивую религию от апологетов, искажающих и, более того, извращающих исламскую культуру. Второе же, культивируемое в последнее время, по существу содержит смысл того, «что угроза исходит непосредственно от самого ислама как религиозного течения», а это очевидный абсурд. И на сегодня духовное течение, которое исповедует более миллиарда людей, проживающих на всех континентах земного шара, нуждается в реальной защите. Более того, историческая практика нагляд-

но демонстрирует, «когда религия и светские власти не только сосуществуют, но и реализуют схему гармоничного сочетания канонов ислама и светской государственности в управлении страной» [15].

Вот почему существующая проблема слабой информированности общественности о деятельности религиозных объединений должна решиться в ближайшее время. Кстати, вышедшие учебный план и хрестоматия «Религия в Казахстане» вызывают панегирик [16].

Определилась задача – обучение подрастающего поколения истории и теологии. Время диктует проведение регулярных образовательно-просветительских мероприятий с участием ученых-теологов и ведущих прогрессивных религиозных деятелей для ознакомления общественности с основополагающими принципами вероучений той или иной религиозной конфессии. Но вместе с тем необходимо понимать, что религиозные учения не являются программами политических партий. Уже имеется достаточно фактов, когда отдельные религиозные секты, прикрываясь гуманистическими лозунгами, проповедуют античеловеческие цели, призывая к насилию над людьми из внекультурного социума, уклонению от исполнения гражданского долга и т.д. В этом плане мы разделяем позицию Президента Казахстана Н.А. Назарбаева, когда подчеркивается ответственность государственных органов в незамедлительном пресечении всех случаев религиозного противостояния, сектантского проповедничества, несущих угрозу нравственному здоровью и психике людей, проявлению признаков фанатизма.

Мы ценим складывающиеся в нашей стране взаимоуважительные межконфессиональные отношения. И проект концепции государственной политики в области религии и межконфессиональных отношений в Республике Казахстан [17], подготовленный группой ученых: Сапар Али Б.Т. (руководитель), Сагындыкулы Б., Елдесбай Т.Ж., Курганская В.Д., Кан Радмир, Куандык Е.С., Барбасов М.А., безусловно, заслуживает внимания как со стороны государства, так и со стороны ученых и общественности. Научная и политическая общественность ознакомилась с проектом, в принципе разделяя основные положения и направления, политики в сфере взаимоотношений религий, поддержи-

вает проект, естественно, с последующим его обсуждением*****.

Нами подготовлена книга «Религиозная ситуация в Казахстане» [18], содержащая результаты социологических исследований, проведенных в феврале 2001 г. активистами партии «Отан» среди учителей младших классов сельских школ Карагандинской и Северо-Казахстанской областей (155 опрошенных). Эти исследования дали возможность на уровне экспертной оценки определить степень проникновения сектантов в школы: 20% опрошенных отметило присутствие среди преподавателей членов религиозных сект, ведущих активную пропаганду в коллективе; 23% – подтвердило влияние этих сект на учебный процесс; 13% – подтвердило присутствие среди учащихся членов сект, нарушающих внутренний распорядок школы; 14% – высказалось категорически против любых ограничений деятельности так называемых нетрадиционных религиозных общин в школах.

Вышесказанное обуславливает недостаточное гармоничное соотношение политики и религии ввиду отсутствия: опыта жизни в условиях религиозного многообразия; нормативно-правовых баз, отвечающих современному уровню развития общества; реальной концепции соотношения религии и политики, религии и культуры.

Задача, стоящая перед обществом, перед государством, заключается не в регламентации религии, а в упорядочении отношений между людьми, имеющими различные представления о религии. Государство, провозглашая свободу совести, не может уклониться от решения перечисленных выше проблем, возникающих в результате того, что отдельная часть недобросовестно пользуется свободой, создавая предпосылки для раскола и конфликтов в обществе.

Религия (исконно в нашем понимании), определенно, должна воспитывать в человеке любовь к своей семье, окружающим, Родине, трудолюбие, законопослушность, патриотизм и способствовать духовно-нравственному обогащению Личности.

***** На наш взгляд, контекст плюрализма детерминирует уважение к различным точкам зрения и мнениям. Высказанное Н.Фокиной, председателем Алматинского Хельсинкского комитета по правам человека в Казахстане, свое видение религиозной ситуации в РК, ее оценку и правовые аспекты в докладе на дискуссионном клубе «Гражданский Совет» (заседание №18, 16 апреля 2003 г.) заслуживает внимания. Вместе с тем, вызывая неоднозначное отношение у авторов статьи, что предполагает дискурс. Авторы разделяют подход Н.Фокиной о необходимости гласной и открытой разработки государственной концепции отношений государства и религии с широким привлечением ученых, НПО и представителей религиозных конфессий.

Резюме. Казахстан придерживается политики отделения государства от религии и конституционно гарантирует свободу совести и вероисповедания, однако не допускает пропаганду или агитацию идей, ведущих к ненависти и враждебности. Как правильно отмечается в вышеуказанном проекте Концепции, до сих пор не определены статус, сфера и границы влияния религии на повседневную духовно-культурную, социально-экономическую и политическую жизнь общества, не разработаны механизмы государственного мониторинга процессов межконфессиональных взаимоотношений в целях сохранения мира, спокойствия и веротерпимости [19].

Религиозные процессы в Казахстане заслуживают серьезного внимания как со стороны государства, так и со стороны общества в целом. Одной из причин повышенного интереса к Казахстану служит то, что наша страна, по причине геополитического характера, находится на границе сфер влияния двух крупнейших вероучений – Ислама и Христианства. Евразийский регион имеет достаточно большой, почти двухвековой, положительный опыт сосуществования общин двух этих конфессий. Поэтому политика нашего государства в сфере религии должна быть взвешенной, учитывающей интересы всех верующих: считаться с правами всех народов Казахстана – это залог консолидации всех социальных групп, слоев общества.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан по достоинству оценил наши достижения, сделав резюме верификационного плана, обозначая Казахстан «примером межнационального согласия, стабильного и устойчивого развития для других государств мира». Идентичную оценку высказал Папа И.Павел II [20].

Духовное единство народа Казахстана является необходимым и достаточным условием для политического, социального и экономического развития страны, для укрепления ее независимости.

Литература

1. Абай. Книга слов. – Алма-Ата: «Жазушы», 1992. – С. 8.
2. Эйнштейн А. Физика и реальность. – М., 1965. – С. 9.
3. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе, т. 1. – М., 1995. – С. 415.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка (Под ред. Н.Ю.Шведовой), 18-е изд. стереотип. – М.: «Русский язык», 1986. – С. 254.
5. Словарь иностранных слов. (Под редакцией И.В.Лехина и проф. Ф.Н.Петрова), изд. 4-ое, переработанное и дополненное. – М., 1954. – С. 106.
6. Назарбаев Н.А. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики на 1997 г. Послание Президента РК народу Казахстана. – Мысль. – 1996. – №12. См. также: Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамур, 2003. – С. 96–108.
7. Дипломатия и права человека / Сб. документов и материалов для студентов-международников. – Алматы, 1997. – С. 8.
8. Конституция Республики Казахстан. – Алматы. – «Казахстан». – 2001. – ст. 22 п.п. 1, 2; ст. 1 п. 1; ст. 5 п.п. 1, 3.
9. Там же. Ст. 1 п. 1; ст. 5 п.п. 1, 3, 5; ст. 14, п.п. 1, 2; ст. 19 п. 1; ст. 20 п. 3; ст. 22 п.п. 1, 2.
10. Назарбаев Н.А. Казахстан – 2030. – Алматы, 1999. – С. 31.
11. Артемьев А.И. Религия в реалиях казахстанского общества, или К вопросу о духовном согласии и свободе совести // Саясат. – 1999. – №11–12. – С. 74–76.; Билялова Г.Н. Взаимодействие религиозного и этнического в казахской духовной культуре (философско-религиоведческий анализ). Автореф. дисс. кандидата наук. – Алматы, 1999. – 27 с.; Бурханов К.Н., Карин Е.Т., Сатпаев Д.А., Давыдова И.М. Экстремизм в центральной Азии. – Алматы: ИриК, 2000. – 108 с.; Косиченко А. Соотношение религиозных и светских ценностей в современном мире // Проблемы религиозного экстремизма в Центральной Азии / Сб. мат-лов международной конференции. КИСИ при Президенте РК и Фонд им. Ф.Эберта, Алматы, 5.04.2001. – С. 12–20; он же: Возможности диалога ислама и православия в процессах духовной консолидации казахстанского общества // Ислам и христианство: возможности духовной консолидации народов Казахстана. – С. 62–107.; Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, цеledостигание. – Алматы: Даму институты, 2000. – 208 с.; Мурзалин Ж.А. Диалектика традиционного и современного в менталитете казахов // Евразийское сообщество. – 1998. – №1. – С. 3–46.; Сыроежкин К.Л. Специфика социально-политических реформ / Мат-лы республиканской научно-практической конференции. – Алматы: КИСИ, 1998. – С. 7–9.; Веротерпимость в рамках закона. – Казахстанская правда, 17.04.2001; Абашинов С. Исламский фундаментализм в Центральной Азии: причины распространения, прогнозы на будущее; Сапар Али Бейбит. Казахстан: религия и межконфессиональные отношения. – Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №2(20). – С. 71–88; Саржан С. Религиозная политика в Казахстане: судьба ислама (1941–1991 гг.). Мысль. – Алматы, 2003. – №1. – С. 77–80; Нысанбаев А. «Диалог – путь к взаимопониманию». – Казахстанская правда, 8.03.2003; Юлдашева Х. «Межконфессиональный мир как основа стабильности». Казахстанская правда, 22.03.2003; Кубатиев А. «Война и мир цивилизаций». – Время. – 27.01.2003; Материалы I Международной конференции мира и согласия. – Казахстанская правда, 14.02.2003; Пэта Т. «Призыв к диалогу и согласию». – Казахстанская правда, 4.03.2003.
12. Подопригора Р.А. О свободе вероисповедания и религиозных объединениях: Комментарий к Закону Республики Казахстан. 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы: ЮРИСТ, 2000. – 95 с.
13. Бейбит Кажы Сапар Али. «Ислам» и «террор» уже не синонимы / Известия-Казахстан, 26.06.2002.; Дербисали А. В исламе экстремизма нет. – Казахстанская правда, 14.03.2003.
14. Программа Общественного объединения «Республиканская политическая партия «Отан» (Отчизна)» (новая редакция). – Алматы, 2001. – С. 11.
15. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамур, 2003. – С. 73–75, 85.
16. Есим Г., Артемьев А., Канаев С., Белялова Г. Учебник по основам религиоведения. Алматы: «Білім», 2002. – 220 с.; Религии в Казахстане: Хрестоматия, часть I – Алматы, 2002. – 436 с.
17. Бейбит Сапар Али. Восток и Запад – один мир. – Алматы, 2002. – С. 402–433.
18. Габов Ю.А., Казкенов К.М., Кист В.А. Религиозная ситуация в Республике Казахстан. – Алматы, 2003. – 436 с. (в печати). Кроме этого, авторами выпущена серия статей по религиозной тематике: См. «Саясат». – Алматы, 2002. – №12. – С. 35–40; Роль религиозных конфессий в жизни немцев Центральной Азии. – Алматы, 2002. – С. 11–25, АООНК «Возрождение», фонд К.Аденауэра, посольство ФРГ в Казахстане, ИФП МОН РК; «Тамыр» – Алматы, 2003. – С. 8–14.
19. Бейбит Сапар Али. Восток и Запад – один мир. – Алматы, 2002. – С. 404.
20. Казахстанская правда, 16.11.2002; 22–23.09.2001; 6–7.02.2003.

ПРОБЛЕМА БЕДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА

Абишева М.А., Бекбутаев Б.А.

Современная экономика Казахстана находится на качественно новом витке своего развития, однако это не уменьшает остроту социальных проблем, особую актуальность получает проблема бедности. Бедность представляет собой многомерный феномен, в связи с этим существует множество различных подходов к ее оценке. Обычно бедность измеряется доходами или расходами, исходя из предположения, что материальный уровень жизни людей в значительной степени определяет их благосостояние. Бедными, в таком случае, являются люди, у которых уровень жизни ниже определенной черты, так называемой черты бедности.

Существует два основных подхода к определению черты бедности. Абсолютный подход основан на определении минимальных физиологических потребностей человека – в еде, воде, одежде и жилье, т.е. его основных потребностей. Относительный подход, напротив, определяет бедность по отношению к общепринятым стандартам жизни в определенном обществе в определенное время и включает в себя не только основные физиологические потребности. Именно такой относительный подход к бедности использовался при установлении «социально приемлемого минимума» для определения малоимущих семей в бывшем Советском Союзе.

В Казахстане в 1990–1995 гг. наблюдался резкий экономический спад, к 1995 г. реальный ВВП снизился до 61,4% от уровня 1990 г., высокая инфляция начала 1990-х достигла своего пика в 1994 г. – 1,975% годового уровня, после чего снизилась до 7,6% в 1998 г. и 8,3% в 1999 г. [1]. В 1996 г. падение объема ВВП было приостановлено. Начиная с 1997 г., объем ВВП начал постепенно повышаться, страна вступила в период постепенного экономического роста.

Спад экономики, продолжавшийся с 1990 по 1995 гг., имел самыми негативными последствиями развитие таких социальных явлений, как маргинализация

населения, безработица, бедность и др., для снижения масштаба которых, по мнению ученых, необходим ежегодный экономический рост в 5–8% в течение десяти лет [2].

Переход к рыночной экономике не породил бедность в Казахстане, но обострил уже существующую проблему и вызвал появление новых бедных (таблица 1).

Таблица 1

Приблизительная пропорция бедных в 1987–88 и 1993–94 гг. [3]

	1987–88	1993–94
Процент населения, находящегося за чертой бедности	5	50
Общее кол-во бедных (в млн)	0,8	8,5

Абсолютный подход к определению черты бедности применяется Министерством труда Республики Казахстан с 1993 г., осуществляющим оценку прожиточного минимума и определяющим количество нуждающегося населения. Прожиточный минимум в Казахстане приравнивается к стоимости потребительской корзины, состоящей на 70% из продуктов питания и на 30% из других товаров и услуг. С учетом экономических условий черта бедности обычно определяется в процентном отношении к минимальному прожиточному минимуму. Правительство определяет черту бедности в общем по республике и отдельно по каждой области. По словам Министра труда и социальной защиты населения Карагусовой Г.Д., в соответствии с Концепцией социальной защиты населения, пороговая величина уровня бедности будет постоянно повышаться, так как и размер прожиточного минимума тоже постоянно меняется. Если в 2001 г. черта бедности была установлена в 38% от величины прожиточного минимума, то в 2002 г. размер черты бедности увеличен на два процентных пункта и утвержден в 40% от прожиточного минимума [4]. Черта бедности, пересматриваемая Правительством ежеквартально, является критерием предоставления социальной помощи: население с доходами

ниже черты бедности, в соответствии с законодательством, имеет право на получение гос. пособий.

Из таблицы 2 видно, что одновременно с ростом ВВП показатели бедности снизились. Однако даже при очевидном экономическом росте доля населения с доходом ниже прожиточного минимума остается значительной, а доля наиболее беднейшего населения (с доходом ниже продовольственной корзины) с 1997 г. уменьшилась лишь на 1%.

Соотношение роста ВВП и бедного населения [5]

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Доля населения с доходом ниже прожиточного минимума (%)	34,6	38,3	39	34,5	31,8	28,4
Реальный рост ВВП (в % к предыдущему году)	100,5	100,7	98,1	102,7	109,8	113,5
Доля населения с доходом ниже стоимости продовольственной корзины (%)	нет данных	12,7	16,2	14,5	11,7	11,3

Уязвимые группы. В 1989 г. в Казахстане бедное население было представлено следующими группами:

1) многодетные семьи (4 и более детей) – 50%;

2) пенсионеры – 20%;

3) молодые и неполные семьи – 30% [6].

На январь 2002 г. структура бедного населения выглядела следующим образом:

1) дети и молодежь до 18 лет – 52%;

2) пенсионеры – 24%;

3) безработные – 13%;

4) работающие граждане – 11% [7].

Из этих данных видно, что процентное соотношение второй группы (пенсионеры) к общему составу бедного населения практически не изменилось. И в эпоху советской плановой экономики, и в период рыночной экономики пенсионеры представляют одну из самых уязвимых групп населения.

Самую большую группу в структуре бедного населения представляют многодетные семьи. В Казахстане семьи с наименьшим достатком имеют в среднем на две трети больше детей, чем семьи с наибольшим достатком. Согласно данным, приведенным в проекте Программы по снижению бедности на 2003–2005 гг., 46% бедных семей в республике составляют семьи с тремя и более детьми [8]. Данный факт вызывает особую тревогу в отношении демографической ситуации. Несомненно, проблема бедных семей перерастает в демографическую проблему.

В состав бедного населения наряду с безработными входят также работающие граждане, причем разница в процентном соотношении между ними незначительная (13 и 11% соответственно). В основном это бюджетные работники, служащие, являющиеся высококвалифицированными специалистами, которые могут внести огромный вклад в развитие экономики страны. Поэтому, как ни парадоксально, именно эта группа является важным резервом экономического роста, повышения уровня бла-

Таблица 2

госостояния и, следовательно, способствующим фактором решения проблемы бедности.

В решении проблемы бедности немаловажную роль играет определение уязвимых групп, в большей степени подверженных риску стать бедными. В Казахстане исследователи выявили следующие уязвимые группы:

- многодетная семья;

- сельскохозяйственные рабочие в отдаленных регионах;

- учащаяся молодежь;

- работники с низким уровнем квалификации;

- жители зон экологического бедствия;

- одинокие пенсионеры;

- работники бюджетных организаций [9].

Как видно, здесь представлена значительная часть структуры населения Казахстана, и это говорит о масштабах проблемы бедности в республике.

Сельская или городская бедность. Согласно данным казахстанского обследования жизненного уровня бедными являются 28,4% городского населения и 38% – сельского. При этом сельское население составляет 43,6% от общего состава населения Казахстана [10]. Эти данные свидетельствуют о недостижимости в настоящее время, особенно на селе, главной цели развития – создания условий для долгой, достойной и продуктивной жизни населения. Одной из причин диспропорции между городом и деревней стала стратегия роста, в

соответствии с которой акцент был сделан на наиболее динамичных секторах экономики – городах, добывающей промышленности, строительстве.

У сельских жителей, по сравнению с городскими, более низкий образовательный уровень, узкая квалификация. Многие сельские районы не охвачены медицинской помощью. Растет нищета в сельской местности. Хотя заработная плата работников сельского хозяйства всегда была несколько ниже, чем у работников промышленного производства, раньше этот разрыв не был значительным (в 1985 г. – 89%, в 1991 г. – 78%). Начиная с 1994 г., размер заработной платы в сельском хозяйстве резко снизился и составил лишь 37% от зарплаты в промышленности и 60% от среднереспубликанского уровня оплаты труда. Тенденция относительного снижения заработной платы приобрела затем устойчивый характер, и в 2001 г. она составила 29% к уровню зарплаты в промышленности и 39% к среднереспубликанскому уровню [11]. Поэтому номинальные денежные доходы, основную часть которых составляет заработная плата, у сельских жителей в два раза ниже, чем у городских.

Село, как и город, охвачено безработицей. Среди основных причин своей бедности 29% сельских семей назвали низкий уровень оплаты труда, 27% – отсутствие любой работы, 25% – отсутствие постоянной работы по месту жительства [12]. По данным Министерства труда и социальной защиты населения в сентябре 2000 г., когда в целом по стране на одно вакантное место приходился 21 безработный, в сельской местности на одно вакантное место претендовало в пять раз больше безработных, а именно 107 чел. [13].

В то время, как уровень бедности в городах в общем ниже, чем в сельских районах, общепризнано, что одна группа городских жителей беднее, чем все остальные. Сюда относятся жители так называемых «городов одного предприятия», где в советское время трудящиеся работали на одном или нескольких предприятиях, которые теперь закрыты. Это создает особые трудности из-за чрезвычайно высокого уровня местной безработицы, и даже у работающих часто укорочен рабочий день или административный неоплачиваемый отпуск и практически нет перспективы

найти другое место работы. Это приводит к тому, что жители покидают такие города в поисках лучшей жизни, и они постепенно «вымирают» (печальный пример – г. Ленгер Южно-Казахстанской области, г. Жанатас Жамбылской области и др.).

Кроме того, уровень бедности различается по областям Казахстана. В 2001 г. самый низкий процент бедного населения был зарегистрирован в Северо-Казахстанской области (10%), самый высокий – в Жамбылской (48,4%) и Мангистауской (46,2%) областях, т.е. почти половина проживающего населения [14].

Таким образом, проблема бедности особенно резко проявляется в сельской местности и малых городах. Для Казахстана также характерны региональные различия бедности.

Бедность и образование. Теоретически можно связывать способность избежать бедности с уровнем образования. Обычно считается, что образование и бедность обратно пропорциональны, но сейчас эта зависимость относительно слабая.

За годы кризиса переходного периода высокообразованная интеллигенция (особенно специалисты сфер образования и медицины) вошла в число уязвимых групп бедного населения, несмотря на образовательный уровень и профессиональную квалификацию. Это заставило многих специалистов с высшим образованием заниматься неквалифицированным, но лучше оплачиваемым трудом. Численность занятых в образовании сократилась на треть, культуре – в 2,1 раза, искусстве – 2,9 раза, науке – 3,9 раза [15]. Большинство из них пополнили ряды «вольнорабочих» работников, выполняющих, порой, тяжелую физическую работу, но получающих за нее разовые выплаты, достаточные для поддержания приемлемого существования. Если ситуация не изменится, она может привести к девальвации определенных ценностей, утрате веры в образование, необходимость прогресса. А ведь образование является основой развития и залогом процветания нации.

Общеизвестным примером неквалифицированного труда, не требующего особых знаний и навыков, но дающего приемлемый и стабильный доход, является так называемый «челночный бизнес». С узкой точки зрения кажется, что это – вызов бедности, попытка граждан самостоятельно

справиться с социальной проблемой. Но в масштабах государства ситуация представляется намного серьезней. Захотят ли «челноки» в дальнейшем вернуться на свои рабочие места? Ведь перепродавать товары намного легче, чем производить их. Такой «бизнес» не дает развиваться легкой промышленности, и решение этой проблемы во многом определяется решением проблемы бедности.

Таким образом, бедность создает прямую угрозу духовно-нравственной безопасности и таит в себе скрытую угрозу национальной безопасности республики.

Бедность и пол. На первый взгляд, не существует зависимости между полом главы семьи и бедностью. Однако есть определенное количество налагающихся друг на друга факторов, искажающих картину.

Первый фактор: это различие между заработной платой мужчин и женщин. Это не новое явление, в советский период разница в заработной плате иногда доходила до 30% от полного заработка мужчин. Однако сейчас эти различия не только продолжают существовать, но фактически углубились.

Таблица 3

Соотношение средней заработной платы женщин (в %) к 100% средней заработной плате мужчин [16]			
1998	1999	2000	2001
75,8	67,5	61,5	58,4

Второй фактор: женщины преимущественно заняты в самых низкооплачиваемых секторах (образование, здравоохранение и др.).

Третий фактор: проблема занятости в первую очередь отразилась на женщинах. Так, на конец 1999 г. в общей структуре официально зарегистрированных безработных женщины составили 59,4%. Уровень официальной безработицы среди женщин в два раза выше, чем среди мужчин (на 1999 г. соответственно 5,5 и 2,8%) [17].

Показатели распределения доходов [20]

	1997	1998	1999	2000	2001
Разрыв между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных	10,2	11,3	11,0	11,9	11,3
Неравенство доходов (индекс Джинни)	0,338	0,347	0,340	0,343	0,348

Наконец, несмотря на законодательно закрепленные равные права мужчин и женщин (п. 2 ст. 14 Конституции Республики Казахстан, ст. 4 Закона Республики Ка-

захстан «О труде»), существует определенная дискриминация женщин при трудоустройстве или увольнении. Работодателю выгодней принять на работу мужчину, нежели женщину, но при сокращении штатов – уволить женщину, чем мужчину. Возможность декретных отпусков или больничных листов по уходу за детьми ставит женщин в ранг «неэффективного» работника, с точки зрения работодателя. Однако в погоне за сиюминутной выгодой такие действия косвенно оказывают влияние на демографический рост и ухудшают демографическую ситуацию в стране.

Эти факторы свидетельствуют о том, что бедность в первую очередь является женской проблемой. Не случайно в каждой из областей Казахстана процент бедных женщин выше, чем мужчин. Самый высокий уровень бедности среди женщин зарегистрирован в Южно-Казахстанской и Костанайской областях, где более 60% женского населения имеет доходы ниже прожиточного минимума [18].

Бедность и поляризованность общества. Вопрос неравномерности распределения доходов в Казахстане стоит очень остро. Разрыв в уровне денежных доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения в 2001 г. составил 11 раз, тогда как до переходного периода эта разница составляла 4 раза [19]. Индекс Джинни, или коэффициент концентрации доходов, показывающий степень неравномерности распределения доходов в обществе, до сих пор остается высоким (в 2001 г. – 0,348).

По мнению исследователей, чрезмерно резкая, очень сильная дифференциация населения по различным признакам, в первую очередь по уровню доходов, становится препятствием для складывающегося среднего класса, т.к. размывает его социальную базу, порождая ситуацию, когда возникает много бедных, мало богатых и совсем немного «средних» [21]. Такая

Таблица 4

ситуация налицо, – казахстанское общество является крайне поляризованным, что создает угрозу его внутрисполитической стабильности.

Сопутствующие факторы. В проекте Государственной программы по снижению бедности на 2003–2005 гг. указаны основные причины бедности в Казахстане:

- безработица;
- низкие заработные платы, пенсии и социальные пособия;
- упадок инфраструктуры, повлекший изоляцию бедного населения, проживающего в отдаленных районах;
- сокращение объема бесплатных медицинских услуг;
- снижение количества обычных и профессиональных школ в сельской местности;
- низкая эффективность адресной социальной помощи, предоставляемой государством [22].

Кроме того, падение уровня доходов и одновременный рост цен на товары и услуги повлекли за собой снижение покупательской способности и стали, тем самым, сопутствующими факторами обеднения населения. Казахстанские исследователи провели сравнительный анализ затрат населения, исходя из уровня доходов 1990 и 2000 гг. Анализ показал существенную разницу между доходами населения и возможностями его целенаправленного использования за 10-летний промежуток времени. Если в 1990 г. 52,6% населения имело ежемесячный среднедушевой доход в пределах среднего достатка (100–200 руб.), то сейчас в эту группу входит лишь 10%. 29,4% совокупного дохода семей в 1990 г. тратилось на покупку продуктов питания, сейчас для этого необходимо свыше 46%. На приобретение непродовольственных товаров уходило 31% затрат, в том числе 18% – на приобретение одежды и обуви, 3,6% – мебели и других предметов культурно-бытового назначения, 2% – на покупку более дорогих предметов длительного пользования (автомобили, мотоциклы и др.). Сейчас на приобретение непродовольственных товаров семья не может тратить более 20% своих доходов. В 1990 г. на коммунальные нужды (содержание собственных домов и квартир, а также оплата коммунальных услуг) расходовалось 2,3% дохода, сейчас для этого необходимо 11%. Из всего совокупного дохода в 1990 г. на цели накопления у семьи оставалось 13%, в то время как сейчас – менее 0,5% [23].

Другим сопутствующим фактором является неспособность населения адапти-

роваться в новых условиях и потребительская психология людей, не искоренившаяся за годы становления рыночной экономики. По результатам общереспубликанского социологического опроса взрослого населения, проведенного Институтом развития Казахстана, в отношении процесса углубления социального неравенства 33% респондентов посчитало необходимым возврат коммунистической модели государственного регулирования доходов при 24%, поддержавших создание государством равных стартовых возможностей без гарантии равенства результатов [24]. Различия в массовом сознании населения, одна часть которого придерживается старых административно-командных ценностей, а другая – новых либеральных, необходимо учитывать при моделировании внутренней политики.

В свою очередь есть и позитивные сопутствующие факторы, способные сыграть немаловажную роль в решении проблемы бедности:

- сравнительно высокий образовательный уровень населения;
- обязательное среднее образование, доступ к основным базовым культурным услугам как формам поддержки со стороны государства;
- наиболее высокий уровень индустриализации по сравнению с другими странами, осуществляющими радикальные экономические реформы [25].

На наш взгляд, следует выделить следующие **основные негативные последствия бедности:**

1. Сокращение и ослабление генофонда нации: сокращение средней продолжительности жизни населения, падение уровня рождаемости, ухудшение состояния здоровья населения, рост девиантного поведения, алкоголизм и наркомания.
 2. Рост преступности, возрастание угрозы безопасности личности.
 3. Возрастание угрозы социальной напряженности, недовольство населения уровнем жизни, акции протеста (ежемесячные акции протеста пенсионеров в Алматы, захват пустующих зданий бездомными, голодовки и акции самосожжения).
- Таким образом, проблема бедности в Казахстане требует безотлагательного решения, грозя подорвать основы безопасности страны.

Литература

1. Цели ООН в области развития на пороге тысячелетия в Казахстане 2002. – Алматы: Taimas Print House, 2002.
2. Мустафаев Н.И. Социально-демографические процессы в Казахстане: 1990–2000 гг. // Саясат. – №10-11. – 2001.
3. Дж. Фалкингэм. Бедность в Центральной Азии // Центральная Азия 2010 – Перспективы человеческого развития: материалы конференции. – Финляндия: ScanWeb, 2000.
4. У нас построена нормальная рыночная модель социальной защиты // Саясат. – №3-4. – 2002.
5. Цели ООН в области развития на пороге тысячелетия в Казахстане 2002. – Алматы: Taimas Print House, 2002.
6. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000.
7. Цели ООН в области развития на пороге тысячелетия в Казахстане 2002. – Алматы: Taimas Print House, 2002.
8. Там же.
9. Бекхожаева А.К. Уровень жизни и проблема бедности. Исследования мирового опыта // Саясат. – №3-4. – 2002.
10. Отчет о человеческом развитии. Казахстан 2002. – Алматы, 2002.
- 11, 12. Там же.
13. Мустафаев Н.И. Социально-демографические процессы в Казахстане: 1990–2000 гг. // Саясат. – №10-11. – 2001.
14. Цели ООН в области развития на пороге тысячелетия в Казахстане 2002. – Алматы: Taimas Print House, 2002.
15. Мустафаев Н. Маргинализация населения как фактор социально-политической нестабильности // Казахстан-Спектр. – №3-4, 2000.
16. Цели ООН в области развития на пороге тысячелетия в Казахстане 2002. – Алматы: Taimas Print House, 2002.
17. Мухамеджанова А. Человеческий капитал как приоритетный фактор формирования экономики // Саясат. – №3-4. – 2002.
18. Цели ООН в области развития на пороге тысячелетия в Казахстане 2002. – Алматы: Taimas Print House, 2002.
- 19, 20. Там же.
21. Матаев Г.М. Экономический и социальный контекст становления среднего класса в Казахстане // Казахстан-Спектр. – №2. – 2001.
22. Цели ООН в области развития на пороге тысячелетия в Казахстане 2002. – Алматы: Taimas Print House, 2002.
23. Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы, 2000.
24. Ертысбаев Е. Массовое сознание в период общественной трансформации в Казахстане // Казахстан-Спектр. – №3-4. – 2000.
25. Бекхожаева А.К. Уровень жизни и проблема бедности. Исследования мирового опыта // Саясат. – №3-4. – 2002.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ КАК ФАКТОР КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Коновалов С.А.

В настоящее время опросы общественного мнения составляют объект повышенного внимания для политических технологий. Это связано с тем, что социологические методы позволяют с достаточно высокой степенью достоверности моделировать и прогнозировать протекание избирательных и иных политических кампаний.

Основной целью опросов в период избирательных кампаний является выстраивание прогностической оценки. Прогнозирование в узком значении – специальное научное исследование конкретных перспектив развития какого-либо явления, одна из форм конкретизации научного предвидения [1]. Если социологические опросы не оправдывают своего прогно-

тического предназначения, то они утрачивают свою ценность и превращаются в инструмент для манипуляций.

Как отмечают исследователи, опросы общественного мнения сегодня стали обыденностью, а выстраиваемые социологическими компаниями рейтинги, особенно в период избирательных кампаний, называются не иначе, как «пятой властью» [2].

«Интерес общества к результатам регулярных опросов, и особенно к результатам опросов ВЦИОМа, наиболее часто цитируемым в СМИ, как констатирует директор Центра изучения современной политики Г. Михалева, растет по мере приближения к федеральным выборам. Журналисты и аналитики используют их для оценки перспектив политических лидеров и партий. Больше того, сами партии и их лидеры разрабатывают свои стратегии и тактики, ориентируясь на рейтинги, показываемые в соцопросах» [3].

Причиной повышенного интереса субъектов политического процесса к результатам социологических опросов объясняется просто. Это возможность определить контуры формирующегося общественного мнения, характер и динамику социальных настроений, что необходимо при ведении предвыборной борьбы, а также для оценки эффективности информационной работы с электоральными группами.

Как отмечает руководитель Семипалатинского независимого социологического центра, доцент Коновалов А.П., одним из преимуществ социологических опросов является то, что они способны формировать общественное мнение. «И это хорошо видно на примере избирательных кампаний, когда неопределившиеся с кандидатами избиратели ориентируются “на народ”, на “чужое мнение” – словом, данные социологических опросов, когда они озвучиваются и, воздействуя на психологию людей, создают соответствующие установки: “хорошо”, “плохо”, “наш”, “не наш” и т.п.» [4].

В работе Г.Г.Почепцова «Имиджелогия» приводятся данные исследований «Социс-Геллап» на Украине по вопросу о том, как реагируют респонденты на результаты социологических опросов, публикуемых в СМИ. Третья часть (33%) респондентов считает, что граждане обращают внимание на результаты опросов, но это никак не влияет на их мнение, четвертая

часть (25%) полагает, что население не обращает никакого внимания на результаты социологических исследований. Менее четверти участников опроса (24%) говорит о том, что публикуемые данные иногда влияют на мнение граждан и лишь двадцатая часть (5%) видит в информации об опросах общественного мнения фактор, оказывающий серьезное влияние на население. Примерно одна шестая опрошенных затрудняется ответить по этому поводу (13%).

При оценке собственного доверия или недоверия к результатам опросов общественного мнения структура ответов имеет несколько иной характер. Порядка 43% респондентов доверяет опросам, 31% – не доверяет и 26% – не смогло определиться с собственным ответом [5].

В нашей стране исследования с подобными вопросами не проводились. По крайней мере, такие результаты не публиковались. Однако, с нашей точки зрения, уровень доверия населения к результатам опросов в Казахстане будет несколько выше, чем на Украине, что связано с меньшей распространенностью таковых в стране и, соответственно, меньшей усталостью населения от социологических цифр.

Социологические опросы представляют собой значимый фактор влияния на общественное мнение, но возможности их воздействия зависят от того, насколько их результаты будут включены в процесс политической коммуникации. По своей сути это означает способность опросов отражать протекающие политико-коммуникативные процессы в обществе.

Фактор коммуникативного воздействия социологических опросов проявляется в нескольких элементах. Во-первых, опрос проводится, как правило, среди определенного массива респондентов, который качественно репрезентирует ту или иную социальную общность. Взаимодействие респондентов и интервьюеров представляет собой вид коммуникативных взаимоотношений. Также данный вид взаимодействия представляет собой прямой, очный контакт коммуниканта и реципиента. В этом случае роль получателя информации (реципиента) исполняет интервьюер, а коммуниканта или распространителя информации – респондент.

Во-вторых, исследовательские структуры стремятся опубликовать данные соци-

ологических опросов в средствах массовой информации. Это является своего рода рекламой собственной деятельности компаний. Данное обстоятельство влечет за собой появление следующего вида коммуникативной связи – не прямой, опосредованной. В этом случае информацию воспринимает уже население, часть которого представляют те респонденты, которые на первой фазе коммуникации (опрос) были распространителями информации. Их обобщенное, суммированное мнение в интерпретации социологов представило собой коммуникативное послание для широкой аудитории. Идеальным вариантом, если следовать логике репрезентативности, мнение выборной совокупности должно воспроизвести параметры и значимые элементы совокупности генеральной. Соответственно, те массы населения, мнение которых репрезентировано в опросах, должны с легкостью согласиться (воспринять) с коммуникативным посланием по результатам социологического опроса.

Вместе с тем социологам приходится сталкиваться с таким явлением, когда данные опросов не дают истинной картины, происходит невыполнение прогнозов.

Как отмечает Г.Г.Почепцов «любое сообщение, особенно политическое, должно преодолеть ряд фильтров, чтобы достичь своего слушателя» [6]. Получаемая индивидами информация от институционализированных источников информации требует дополнительной раскодировки на уровне межсубъектной коммуникации. Если исходить из позиции Г.Г.Почепцова, важнее убедить лидеров мнения, которые затем будут распространять влияние поданной информации на сегменты общественного мнения, которые они собой представляют. Исследователь говорит о «двухступенчатой модели коммуникации», при которой политическая информация превращается в фактор влияния не по линии: СМИ – получатели, а по линии СМИ – лидеры мнений – получатели [7].

Таким образом, на фазе между СМИ и получателями информации ее значимость может быть либо усилена, либо ослаблена. Данный фактор зависит от действия «лидеров мнения», которым доверяют и которые либо верят, либо нет в результаты социологических опросов.

Помимо коммуникации авторами выделяются и другие факторы, способные

сказаться на прогностической ценности социологических опросов. Так, Пьер Бурдьё, говоря об угрозе порождения в ходе опросов артефактов, отмечал два основных типа факторов, создающих условия для искажения данных исследований. «Первый тип – факторы методического происхождения, точнее возникшие на почве методического несовершенства организации и проведения опроса общественного мнения. Второй тип – факторы, порожденные социокультурным контекстом проведения поллинга» [8].

Наиболее важное значение имеют социально-психологические мотивы поведения избирателей. Именно это служит основным фактором, способным оказать влияние на их выбор и не позволить исполнить прогноз социологов. На выборах избиратели могут повести себя не совсем так, а иногда совершенно не так, как указывают им результаты опросов.

Немецкий социолог Элизабет Нозль-Нойман отмечала наличие так называемой «спирали молчания», следствием которой является воздержание определенной части избирателей от демонстрации собственной позиции по отношению к участникам выборов. Другими словами, данная электоральная группа не поддается исследованию в период до выборов и проявляет она себя только лишь в момент голосования [9].

В качестве следствия «спирали молчания» называется эффект «сдвига последней минуты». Некоторые авторы говорят, что, под воздействием функционирующего общественного мнения часть избирателей меняет свою позицию непосредственно в день выборов. Причем меняется она обычно в сторону тех кандидатов, которые обладают, с точки зрения этих людей, наибольшими шансами для победы [10].

Американские социологи выделили несколько типов воздействия социологических данных на массовое сознание. Так называемый эффект бэндвэгона, побуждающий избирателя отдать свои голоса за победителя опроса, является лишь одним из возможных вариантов изменения поведения избирателей. Результаты социологических опросов, опубликованные в СМИ, могут привести к эффекту ундердога, выражающегося в стремлении избирателей помочь проигрывающему. Также данные исследований могут попросту выз-

вать эффект воздержания, или потерю интереса избирателей к голосованию, поскольку его результаты уже известны. Наиболее крайней формой эффекта воздержания может быть отказ от участия в голосовании [11].

Другие авторы смотрят на проблему несоответствия данных опросов реальному поведению граждан с более широких позиций. Говорится, что действия граждан могут и не соответствовать тем установкам, которые они декларируют в ходе социологических опросов [12].

Эффект «сдвига последней минуты» можно проиллюстрировать на примере парламентских выборов в Казахстане. С этой целью использовались результаты социологических опросов, которые проводились в период парламентской избирательной кампании 1999 года. Тогда, как известно, голосование впервые было проведено по партийным спискам, что дало возможность социологам получать результаты об общенациональных организациях и судить более менее приближенно о казахстанском.

В течение последнего месяца перед выборами в Парламент Институт сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан» проводил зондаж общественного мнения на предмет отношения избирателей к политическим партиям, участвующим в избирательной кампании [13].

Анализ социологических данных и результатов фактического голосования показал, что голоса не определившегося до

выборов электората распределяются не по прямой социологической закономерности, то есть не пропорционально показателям рейтинга той или иной политической партии, выявленным в ходе социологических опросов. Если бы данная зависимость была прямой, то голоса определившегося электората распределились между партиями в порядке снижения рейтинговых показателей политических партий.

В реальности же произошло несколько иначе (таблица 1). Наибольшие дивиденды от «сдвига последней минуты» получила Коммунистическая (28,1%) и Аграрная (22,4%) партии. Партия «Отан» и Гражданская партия получили дополнительно на выборах соответственно по 14,9% и 10,2%. Наименьший прирост показали результаты по партиям Возрождения и труда (2,3% и 2,9%).

Выявление прироста показателей Компартии и АПК подтверждает действительность открытий, сделанных немецкой исследовательницей Элизабет Ноэль-Нойман о спирали молчания избирателей, не желающих раскрывать своих политических пристрастий. Наибольшую сдержанность, как показал анализ, проявил «красный» электорат, включая прокоммунистический и аграрный. Известно, что избиратели, представляющие данные электоральные сегменты, не с большой охотой делятся личным мнением по поводу своих политических предпочтений.

Здесь можно перейти к сфере методической, то есть к первому типу факторов, которые, согласно положениям Пьера Бур-

Таблица 1

Характер изменения электоральных настроений между последним срезом общественного мнения и голосованием на избирательном участке (октябрь 1999 года)

Наименование партии	3-5 октября	Итоги голосования (10 октября)	Распределение голосов электората, определившегося в последний момент
Республиканская политическая партия «Отан»	25,9	30,9	14,9
Коммунистическая партия	8,3	17,8	28,1
Аграрная партия	5,1	12,6	22,4
Гражданская партия	7,8	11,2	10,2
Демократическая партия «Азамат»	1,8	4,6	8,2
Партия Народный Конгресс	0,9	2,8	5,7
НП «Алаш»	1,0	2,8	5,2
Партия Возрождения	1,2	2,0	2,3
Республиканская политическая партия труда	0,4	1,4	2,9
Против всех	13,1	7,4	-
Не определились с ответом	21,6	-	-
Затрудились ответить, РНПК	12,9	-	-
Недействительные бюллетени	-	6,57	-

дье, оказывают влияние на качество исследований общественного мнения. С нашей точки зрения, несовершенство методик возникает не столько в силу некомпетентности социологов, сколько из-за их политической ангажированности. Вместе с тем данное обстоятельство отражается на методике. Социологические и статистические методы в принципе позволяют выявить методическое несовершенство опросов. При этом анализ характера результатов этого несовершенства, выраженных в определенных тенденциях отклонений данных опросов, дает возможность говорить о политических ориентациях структур, проводящих опросы.

Вследствие того, что прямая оценка методик опросов в силу объективных и субъективных причин, как правило, затруднена, социологи предпочитают оценивать конечные результаты исследований общественных настроений, обнародованные в средствах массовой информации. С нашей точки зрения, в этом есть своя целесообразность, так как опубликование результатов опросов и есть включение социологической информации в процесс политической коммуникации.

Потребность в оценке точности прогнозов социологических опросов возникает по мере развития конкурентного избирательного процесса. Наибольшее распространение в настоящее время получили моделирование президентской избирательной кампании и партийно-политического поля.

Это связано, прежде всего, с большей операбильностью процедуры выстраивания рейтинга в общенациональном масштабе. Ранжирование политических акторов регионального порядка – более трудоемкая процедура. Вместе с тем, как отмечает М.Н.Руткевич, рассмотрение прогнозов и реального волеизъявления по партийным спискам должно дополняться анализом выборов в одномандатных округах [14]. Последнее имеет большую значимость в условиях неразвитой партийной системы, когда кандидаты предпочитают баллотироваться в качестве самовыдвиженцев, а не представителей отдельных партий.

К числу факторов развитости анализа общенациональных рейтингов можно было бы добавить и своего рода теоретическую. На наш взгляд, в общенациональ-

ном масштабе общественное мнение обладает большей сбалансированностью, чем в отдельно взятом регионе. Причиной этого является то, что о деятелях общегосударственного масштаба, крупных политических организациях население более осведомлено, чем, например, об отдельных кандидатах, баллотирующихся в местный представительный орган.

Таким образом, о национальных деятелях среди населения должно быть какое-то определенное устоявшееся мнение. По ним они судят в большей мере рациональными категориями, ориентируясь на результаты их деятельности. В то же время о региональных деятелях, как правило малоизвестных, они будут говорить больше, ориентируясь на свои психоэмоциональные ощущения. В качестве их выражения можно отметить такие суждения, как «выходец из нашей среды» или, наоборот, «выскочка» и т.п.

В качестве главного инструмента определения точности замеров общественного мнения является вычисление разницы между прогнозом, данным социологами, и результатом, представленным Центральной избирательной комиссией. При этом применяется метод не только простого, но и сложного вычислений. Так, М.Н.Руткевич определяет не только разницу между прогнозом и результатом голосования, но и процентные пункты отклонения прогноза от базового результата (итога выборов) [15].

Для выстраивания социологической оценки достоверности прогнозных линий берутся результаты массовых опросов, проводимые несколькими исследовательскими компаниями (от 7 и более) и официальные результаты выборов. В качестве объекта верификации используются также прогнозы отдельных политологов, экспертов, специалистов в области выборного процесса.

Конечным продуктом сопоставления прогнозных и базовых данных становится ранжирование исследовательских кампаний в зависимости от коэффициента погрешности – усредненного числа в процентах к сумме полученных голосов и усредненного числа в относительном выражении, когда оценка исчисляется в процентах к базе – результату голосования по конкретному субъекту (партии, кандидата) [16].

Анализ данных социологических опросов, проводимых в России, показывает, что даже прогноз известных исследовательских структур не совпадает в полной мере с результатами фактического голосования. В качестве примера можно привести выборы в Государственную Думу Российской Федерации, прошедшие в декабре 1999 года. Средневзвешенное значение отклонений данных некоторых известных социологических служб от реального волеизъявления избирателей по шести политическим партиям, прошедшим в Госдуму, превысило уровень, равный пяти процентам [17].

По отдельно взятым партиям ошибка социологов могла достигать и более значительного уровня. Например, прогноз Международного института маркетинговых и социальных исследований (GfK MR) по электоральной поддержке партии «Единство» на 13,32% ниже, по партии «Яблоко» – на 8,07% выше данных ЦИК. Показатель неточности Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) по Компартии РФ составил 11,1%, по партии «Яблоко» – 6,87%. Широко известный Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по КПРФ отклонился на 6,71%, по партии «Яблоко» – 5,97%.

По мере развития электорального процесса потребность в оценке ликвидности прогнозов возникает и в Казахстане. Но пока делать какие-либо крупные обобщения, проводить ранжирование компаний крайне затруднительно в силу неразвитости социологической инфраструктуры.

Вместе с тем в этом плане за последние годы произошли существенные подвижки, что позволяет говорить о возможностях формирования развитого рынка социологических услуг. Катализатором данного процесса выступают избирательные кампании. На ближайшие 3–4 года можно предполагать возрастание активности социологических служб в силу начала очередного избирательного цикла.

В качестве наиболее свежего примера использования технологии социологических опросов в ходе избирательного процесса является прошедшая довыборная кампания в Мажилис Парламента в октябре–декабре прошлого года. Как показывает анализ, итоги голосования в значительной степени разнятся от результатов

социологических исследований, но следует признать, что в этом не только вина социологов. Здесь присутствуют также другие факторы. На избирательном участке гражданин может проголосовать так, как этого хочет власть (по крайней мере так он чувствует, что хочет власть), а социологам говорит, так как хотят этого они. Последнее может усиливаться в случае, если та или иная социологическая компания уже обладает определенным уровнем известности и тем или иным образом себя позиционирует в политике. На наш взгляд, это неизбежно для любой исследовательской структуры, публикующей свои данные. Обнародование результатов так или иначе воздействует на общественное мнение, что в конечном результате может сказаться на характере выбора избирателей.

Вместе с тем фактор власти играет не последнюю роль на выборах. Это признается исследователями постсоветских избирательных систем. Как констатирует Б.В. Овчинников, «во многих случаях результаты выборов отражают не только, и даже не столько позицию самих избирателей, сколько позицию региональных и/или местных властей. Соответственно, уместнее говорить не об электоральных предпочтениях избирателей того или иного региона, а об электоральных предпочтениях региона (города, района) как о совокупности настроений избирателей и воздействия властей» [18].

Следует отметить, что на публичном уровне зачастую говорится о том, что местная власть оказывает влияние на исход выборов, однако разговор на эту тему в правовом плане ведется гораздо реже. Чаще проблемы возникают не в связи с нарушениями во время голосования или подсчета голосов, а в ходе предвыборной кампании. При этом в тех округах, где разворачивается наиболее острая борьба между кандидатами, отмечается более значительное число обращений в суды, избирательные комиссии и другие инстанции. Таким образом, больше всего находит свое отражение аспект политической конкуренции, когда кандидаты используют инструмент правовой апелляции для «отстрела» собственных конкурентов.

В качестве резюме можно отметить, что социологические опросы в той или иной мере оказывают воздействие на электорат, особенно если их результаты стали пред-

метом политической коммуникации. Вместе с тем сложность процесса формирования электоральных настроений, их динамичность, подвижность сказываются на не полном соответствии данных социологических исследований в выборный период результатам фактического голосования избирателей.

Особенностью Казахстана является то, что граждане проявляют чувствительность и где-то даже настороженность к опросам на политические темы, тем более, если речь идет об острых электоральных

моментах. То есть они стремятся давать усредненные оценки либо говорить в угоду лицу, которое его опрашивает. С другой стороны, граждане проявляют индифферентность, безразличие к политическим процессам, процедурам. Поэтому, если они и идут на выборы, то это представляет собой скорее как выполнение ими какой-то обязанности, привычки или просто своеобразного развлечения. Соответственно и выбор их при голосовании не будет принципиально отличаться от позиции власти.

Литература

1. Энциклопедический социологический словарь. – М., 1995. – С. 590.
2. Докторов Б., Романович Н. Есть мнение // <http://www.qualitas.vrn.ru/media/pub/VK130.htm>.
3. Михалева Галина. Социологический опрос как ловушка. Полемика с Леонидом Седовым // Независимая газета. – 14 февраля 2003 года.
4. Коновалов А.П. Практика показывает: социология не только изучает, но и формирует общественное мнение // Наше дело. – 01.07.99.
5. Почепцов Г.Г. Имиджология. – М. – К., 2002. – С. 211.
6. Там же. С. 537.
7. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М. – К., 2001. – С. 45.
8. Осовский В.Л. Проблема идентификации общественного мнения // СОЦИС. – 1999. – №10. – С. 8.
9. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. – М., 1996.
10. Петров О.В. Социологические избирательные технологии // <http://www.spr.org.ua/works.htm>.
11. Лапаева В.В. Обнародование результатов исследований общественного мнения как объект правового регулирования // СОЦИС. – 1998. – №8. – С. 4–5.
12. Электорат политических объединений России: опыт проведения Exit-Poll в Санкт-Петербурге // ПОЛИС. – 2000. – №2. – С. 54.
13. Электоральное поведение граждан РК и рейтинги политических партий накануне парламентских выборов // Казахстанская правда. – 14 сентября 1999 года; Барометр предвыборной ситуации. Рейтинг политических партий Казахстана за три недели до парламентских выборов // Казахстанская правда. – 25 сентября. 1999 года; Барометр предвыборной ситуации. Электоральные настроения за десять дней до парламентских выборов // Казахстанская правда. – 5 октября 1999 года; Барометр предвыборной ситуации. Электоральные настроения за пять дней до выборов // Казахстанская правда. – 8 октября 1999 года; Сообщение об итогах выборов депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан // Казахстанская правда – 19 октября 1999 года.
14. Руткевич М.Н. Выборы-99 в зеркале социологии // СОЦИС. – 2000. – № 5. – С. 4–5.
15. Руткевич М.Н. Выборы-95: прогнозы и результаты // Власть. – 1996. – №3. – С. 54.
- 16, 17. Руткевич М.Н. Выборы-99 в зеркале социологии // СОЦИС. – 2000. – № 5. – С. 4.
18. Овчинников Б.В. Электоральная эволюция: пространство регионов и пространство партий в 1995 и 1999 годах // ПОЛИС. – 2000. – №2. – С. 68.

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан

www.kisi.kz
e-mail: office@kisi.kz

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Калетаев Д.А.

При рассмотрении различных моделей взаимодействия государства с молодежными объединениями представляется целесообразным, в силу ряда причин, обратиться к опыту России. Каковы же эти причины? Во-первых, посттоталитарное, транзитное состояние наших обществ приводит к тому, что процессы, происходящие в социальной, экономической и политической сферах, протекают во многом схожим образом. Во-вторых, на сегодняшний день, по мнению крупнейшего специалиста в области молодежной политики И.М.Ильинского, Россия имеет «самый современный механизм молодежной политики в мире» [1].

В современных российских условиях установилась практика государственной поддержки молодежного движения, что означает «признание государством особого значения форм самоорганизации молодежи для их социального становления и на этой основе установление с детскими и молодежными общественными объединениями партнерских связей, в которых они выступают в качестве представителей интересов молодежи перед властными структурами» [2].

В России формируется представление, что государственная поддержка молодежных объединений – это система мер органов всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной, которая имеет своей целью способствовать прямо или косвенно поддержанию жизнеспособности и осуществлению деятельности объединений. Все это осуществляется имеющимися в наличии правовыми, экономическими, организационными средствами.

Что же такое молодежное движение? По мнению российских социологов А.И.Ковалева и В.А.Лукова, молодежное движение – это способ самостоятельного участия молодежи в процессе смены и преемственности поколений, освоения и реализации своей социальной субъектности в соответствии с реальным или желаемым социальным статусом [3].

Государственная молодежная политика в России в своей основе имеет принцип стимулирования самореализации и социального развития молодежи, исходя из чего основной акцент ставится на поддержке форм молодежного движения. Существенным здесь являются равные условия государственной поддержки для всех молодежных объединений.

Согласно статистическим данным, из 145,1 млн человек всего населения России молодежь в возрасте от 14 до 30 лет составляет 33,3% млн человек – это почти 23% населения страны [4].

Сегодня в России действует более 427 тысяч молодежных и детских общественных объединений. Из них официально зарегистрировано 79 объединений, 17 из которых носит профессиональный характер, 12 – воспитательный, 11 – социальный, 11 – общественно-политический, у 10 – благотворительная направленность, 8 – это организации по интересам, 5 – спортивные, 5 – при политических партиях, 3 – по национальному признаку. Одна организация является молодежной партией. Наблюдается тенденция неравномерного распределения объединений по стране, основная их часть действует в столице, в других крупных городах и республиканских центрах [5].

Важным шагом, положившим начало осуществлению в Российской Федерации государственной молодежной политики нового содержания, явились: *выработка концептуальных и правовых основ молодежной политики Российской Федерации, определение правового поля деятельности молодежных общественных объединений.*

Концепция российской молодежной политики претерпела немалые изменения за прошедшее десятилетие, при этом пик идейной борьбы пришелся на конец 80-х – начало 90-х годов. Дальнейшей разработкой «Закона о молодежи» (далее – Закон) дала толчок разгоревшаяся дискуссия, постепенно перешедшая в общественный диалог о судьбах молодежи и страны. Бла-

годаря этому обсуждению, инициатором которого был И.М.Ильинский, постепенно корректировалось направление законотворческой мысли.

В процессе работы стало понятным, что создать «Закон о молодежи», аналогичный принятым в Швеции, Финляндии, Франции, ФРГ и других странах, не удастся в силу несоответствия их социально-политическим, экономическим условиям России, а также нестыковки юридических параметров.

По мере работы над законопроектом разрабатывались и отвергались различные версии, перед разработчиками встали вопросы о том, какие механизмы и пути реализации должны быть заложены в Законе. Но, прежде чем начать решать конкретные задачи, участникам временного молодежного творческого коллектива пришлось решать и вопросы более масштабного плана, касающиеся проблем государственного устройства, основ гражданского общества, правовых рамок его жизнедеятельности.

Перед авторами Закона встал выбор: принять патерналистскую модель взаимоотношения государства и молодежи, уже не соответствующую времени, или модель взаимодействия, принятую в демократических обществах, что еще не отвечало реалиям дня. Требовался совершенно новый взгляд на то, какой должна быть молодежная политика в России и какие правовые механизмы должны ее поддерживать.

Авторы пошли по пути, который позволил им отказаться от установки на тотальную принудительную социализацию в пользу поддержки самостоятельного становления молодых людей. Разработанный законопроект лег в основу принятого в 1991 г. Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Разработанные позднее правовые акты России, субъектов РФ, стран СНГ по вопросам государственной молодежной политики учитывали эти подходы [6].

Основные подходы к молодежной политике нашли свое дальнейшее развитие в президентской программе «Молодежь России» (1998–2000 гг.), утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июня 1997 г. №746 и в федеральной целевой программе «Молодежь России» (2001–2005 гг.), утверж-

денной Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2000 г. №1015.

В настоящее время государственная поддержка деятельности общественных объединений в России осуществляется в соответствии с федеральными законами «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 18 июня 1995 г., «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г., «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 января 1995 г., «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г., «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г. [7].

Во всех перечисленных законах определяется трактовка таких понятий, как: «общественное объединение», «государственная поддержка общественного объединения», а также очерчиваются принципы государственной поддержки общественных объединений, основные направления и формы ее реализации, разграничивается деятельность органов государственной власти и общественных объединений.

Постоянно ведется работа по доработке и внесению поправок в Закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Сфера правового обеспечения деятельности молодежных и детских общественных объединений является основополагающей во взаимодействии государственных органов и общественных объединений. Реализация данного Закона во многом способствовала стабилизации молодежного движения в России, развитию программной деятельности общественных объединений, укреплению реально действующих молодежных и детских общественных организаций.

Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Федерального Закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», поддержка общероссийских, международных и межрегиональных молодежных и детских объединений осуществляется при соблюдении следующих условий:

- объединение является юридическим лицом и действует не менее года со дня его государственной регистрации;

- объединение насчитывает не менее 3000 членов или предусматривает предо-

ставление социальных услуг не менее чем 3000 детей или молодых граждан [8].

Началом создания *институциональных основ осуществления государственной молодежной политики* можно считать 1991 г., когда распоряжением Президента РФ была введена должность полномочного представителя Правительства РФ по делам молодежи. В 1993 г. создан Комитет РФ по делам молодежи, позже упраздненный. В конце 90-х годов учрежден Департамент по молодежной политике Министерства образования РФ с соответствующими структурами на местах.

Вопросами молодежной политики на всех уровнях занимаются органы законодательной власти. Важными документами в регулировании отношений государства и общественных объединений стали Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» и Постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации». В них закреплена отношение государства к молодежным объединениям как приоритетное и вменяется в обязанность государственных органов и должностных лиц оказание поддержки инициативе и деятельности молодежных объединений.

С июня 1994 г. функционирует Совет по делам молодежи при Президенте РФ. В 1995 г. в Государственной Думе образован Комитет по делам женщин, семьи и молодежи. В 1997 г. создан Совет по делам молодежи при Совете Федерации РФ. Создана вертикальная структура управления, с помощью которой государство осуществляет молодежную политику. В 89 субъектах РФ имеются органы по делам молодежи. Такие органы имеются во всех 2372 районах и городах России [9].

Важную роль во взаимоотношениях и взаимодействии государства и молодежных объединений играет такое направление, как *финансовое обеспечение государством деятельности данных объединений*. Финансирование производится на конкурсной основе. Так, к примеру, в рамках подпрограммы «Создание условий для эффективной реализации потенциала молодежи в процессе социально-экономических преобразований в стране. Поддержка детских, молодежных и студенческих об-

щественных объединений», федеральной целевой программы (ФЦП) «Молодежь России (2001–2005 гг.)» ежегодно проводятся конкурсы проектов (программ) общественных объединений. В 2001 г. в конкурсах приняло участие 59 общественных объединений и было заявлено 110 программ (73 из них получило гранты на сумму 2 890 000 рублей), в 2002 г. уже участвовали 94 объединения и 237 программ [10].

В то же время существуют проблемы в оказании финансовой поддержки молодежным организациям, связанные с отсутствием отдельной строки в бюджетный классификатор на поддержку детских и молодежных общественных объединений, что позволяло бы получать субсидии на эти формы деятельности. Без государственной поддержки организационной деятельности молодежное движение не сможет развиваться и потеряет свои позиции в государственной молодежной политике.

Выход из сложившейся ситуации в некоторых субъектах РФ найден посредством создания областных и муниципальных государственных центров поддержки деятельности общественных объединений, в штат которых вводятся руководители общественных объединений, выделяются необходимые площади для молодежных и детских объединений, предоставляется возможность использования услуг связи, оргтехники и т.д. [11].

Одним из важных аспектов взаимодействия государства и молодежных организаций является *информационное обеспечение деятельности детских и молодежных объединений*. В России ко второй половине 90-х годов накоплен немалый опыт в данной сфере. Министерство образования Российской Федерации предоставляет информацию общественным объединениям о планируемых и реализуемых мероприятиях в сфере государственной молодежной политики. Идет процесс формирования банка данных по содержательной стороне деятельности общественных объединений и оценка их интеграции, как на федеральном, так и на межрегиональном уровне, по различным направлениям и подходам.

Издаются методические, информационные сборники, содержащие информацию об общественных объединениях и их лидерах, о программах деятельности молодежных организаций, об инновационном опы-

те, в них описываются методики, технологии работы, обобщается передовой опыт. Выпускаются сборники нормативных документов и законодательных актов в области молодежной политики, о деятельности государственных органов, отвечающих за эту сферу. Предоставляются данные о грантодающих некоммерческих фондах, об условиях предоставления грантов, о требованиях к оформлению программ и многое другое. Создан интернет-сайт Департамента по молодежной политике Министерства образования Российской Федерации, а также силами общественных организаций поддерживается мультимедиапортал «Юнпресс», наполнение которого возможно не только текстовой информацией, но и видеоматериалами.

Таким образом, одним из важнейших приоритетов поддержки деятельности общественных объединений в России признано создание единого информационного пространства, что и выражается в поддержке соответствующих проектов и инициатив со стороны молодежных организаций.

Немаловажную роль играет и *оказание научно-методической поддержки молодежным общественным объединениям*. В России эту помощь осуществляет также Министерство образования в сотрудничестве с научно-исследовательскими организациями. Деятельность в этом направлении осуществляется в виде консультирования по вопросам создания и регистрации общественных объединений, по программированию их деятельности, подготавливаются рекомендации по разработке и принятию региональных концепций и законов в области взаимодействия власти и молодежных объединений, по оформлению программ, предоставляемых на конкурсы, и многое другое.

Работа ведется также в *сфере кадрового обеспечения*. Министерство образования проводит семинары для лидеров и руководителей молодежных, детских и студенческих общественных объединений, специалистов органов по делам молодежи. В субъектах РФ проводится большое количество семинаров, тренингов, практикумов. Государство рассматривает проблему подготовки кадров общественных объединений как неотъемлемую часть молодежной политики и признает общественные объединения ее кадровым резервом

вплоть до того, что лидеры молодежных общественных объединений являются одной из категорий работников сферы государственной молодежной политики наряду с государственными и муниципальными служащими.

Взаимодействие государства с общественными объединениями предполагает интерактивность, ответную реакцию со стороны молодежных организаций. С этой целью заключаются соглашения о сотрудничестве с молодежными организациями, создан Координационный совет – консультативно-совещательный орган, в функции которого входит обеспечение взаимодействия государственных органов и молодежных объединений с целью выработки взаимоприемлемых решений актуальных проблем [12].

Молодежные объединения являются партнерами в разработке и реализации государственных программ в сфере молодежной политики.

Особо следует остановиться на программе «Молодежь России». В ее рамках выделяется 14 программ с широким кругом мер по следующим направлениям:

- обеспечение молодежи информацией о ее правах и возможностях в наиболее важных сферах жизнедеятельности;
- создание условий для самостоятельной и эффективной деятельности молодежи в сфере образования, занятости и предпринимательства, международных обменов;
- содействие решению жилищной проблемы, поддержка молодой семьи и социально незащищенных категорий молодежи;
- развитие постоянно действующей системы поддержки деятельности детских и молодежных организаций и их программ.

В стране действует система молодежных социальных служб. Насчитывается более 100 служб трудоустройства и профориентации (молодежные биржи труда), около 2000 социальных служб разного направления, центры помощи инвалидам, телефоны доверия, центры информации о вузах и другие [13].

В России самым активным образом ведутся *научные разработки проблем молодежи*. Указом Президента РФ в 1992 г. в Москве был открыт Институт молодежи, ныне Московская гуманитарно-социальная академия, которая регулярно пред-

ставляет в Правительство России аналитические доклады о положении молодежи и вносит предложения по решению назревающих проблем. Действует хорошо отлаженная социологическая служба, периодически публикуются материалы, проводятся научные конференции.

В то же время необходимо отметить, что в сфере взаимодействия государства с молодежными общественными объединениями существует и ряд серьезных проблем. Специалисты указывают на фрагментарность поддержки общественных объединений, на преобладание субъектно-объектного характера взаимодействия, когда государство выступает в роли заказчика, а общественное объединение – в роли исполнителя в сфере государственной молодежной политики. Отсутствует попытка осмысления основополагающих принципов поддержки и взаимодействия общественных объединений, приводящая к возникновению острого соперничества внутри общественного сектора по поводу поддержки со стороны государственных органов. Кроме того, практически нет общего стратегического начала, а весь потенциал расходуется на решение конъюнктурных и сиюминутных проблем [14].

Что касается документально зафиксированной концепции молодежной политики, то она выглядит достаточно стройной и логичной, однако при внимательном рассмотрении, даже на уровне анализа документов видно множество несообразностей. К примеру, в 1997 г. была принята новая редакция федеральной программы «Молодежь России», программные положения которой соответствуют концептуальным положениям молодежной политики. Реализация данной программы должна быть завершена к 2000 г., но некоторые заявленные в ней задачи невыполнимы: это такие задачи, как выравнивание демографической ситуации в стране, снижение числа разводов, снижение уровня безработицы, улучшение здоровья молодого поколения, снижение смертности, наркомании и алкоголизма в молодежной среде и т.п. Проблемной стала также организационная сторона мероприятия. Во-первых, постоянно создаются и ликвидируются, реструктуризируются и реформируются исполнительные органы, ответственные за реализацию молодеж-

ной политики, что, естественно, пагубно сказывается на реализуемых программах, особенно долгосрочных. Во-вторых, существует парадокс, характерный для бюрократических организаций: с одной стороны, кропотливый и тяжелый труд аппаратных работников по преодолению межведомственных и других барьеров для достижения социально значимого (по замыслу) результата, с другой стороны, отсутствие реакции в молодежной среде на предпринимаемые усилия. Молодежь не замечает изменения отношения государства к себе и своим проблемам, хотя в верхних эшелонах власти сделаны существенные шаги. Кроме того, негативную реакцию, отторжение у молодежи вызывают патернализм, заорганизованность и навязанный сверху характер поддержки. Не получила развития и распространения более приемлемая форма работы с молодежью – партнерство. Остается проблематичной реализация принимаемых законов и других нормативно-правовых актов в интересах молодежи [15].

Таким образом, в настоящее время взаимодействие государства и молодежных общественных объединений в России осуществляется в следующих основных направлениях:

- 1) выработка концептуальных и правовых основ государственной молодежной политики, в том числе определение правового поля деятельности молодежных общественных объединений;
- 2) создание институциональных основ осуществления государственной молодежной политики;
- 3) финансовое обеспечение деятельности молодежных объединений;
- 4) информационное обеспечение деятельности детских и молодежных объединений;
- 5) научно-методическая поддержка молодежных объединений;
- 6) кадровое обеспечение;
- 7) научные разработки проблем молодежи.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в России накоплен действительно ценный опыт в сфере государственной молодежной политики, который целесообразно изучать и шире применять при выработке и осуществлении данного направления государственной политики в Казахстане.

Литература

1. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. – М., 2001. – С. 476.
2. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. – М., 1999. – С. 324.
3. Там же. С. 331.
4. Бабочкин П.И. Общественная активность молодежи. – 1999 // www.asi.org.ru
5. Материалы II Всероссийского фестиваля молодежных инициатив. – М., 2002. – С. 84.
6. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. – М., 1999. – С. 307–308.
7. Инициатива молодых – будущее России. – М., 2001. – С. 25.
8. Государственная поддержка молодежных и детских общественных объединений. Материалы II Всероссийского Фестиваля молодежных инициатив. – М., 2002. – С. 67.
9. Ильинский И. Молодежь и молодежная политика. – М., 2001. – С. 472–473.
10. Государственная поддержка молодежных и детских общественных объединений. Материалы II Всероссийского Фестиваля молодежных инициатив. – М., 2002. – С. 93–94.
11. Там же. С. 97–98.
12. Там же. С. 100–105.
13. Ильинский И. Молодежь и молодежная политика. – М., 2001. – С. 474–475.
14. Государственная поддержка молодежных и детских общественных объединений. Материалы II Всероссийского Фестиваля молодежных инициатив. – М., 2002. – С. 105–106.
15. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. – М., 1999. – С. 310–315.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Амургазин С.Т.

В мировой политике выделяется тенденция в сторону усиления понятия «обязанности человека», постепенно дистанцируясь от традиционного понимания «прав человека», что порождается объективными условиями, когда все члены мирового сообщества склонны рассуждать о своих правах и никто не горит желанием взять на себя обязанности. Известно, по инициативе Совета международного сотрудничества, состоящей из бывших президентов и премьер-министров подавляющего большинства стран, к 50-летию ООН был разработан и выдвинут проект Всеобщей Декларации обязанности человека, которая стала существенным дополнением к Всеобщей Декларации прав человека.

Наряду с этим был подготовлен еще один серьезный документ – сборник «Глобальная этика: Декларация Парламента религий мира», который отражает позиции большинства религиозных конфессий и духовных организаций, объединяя разные религиозные направления. И тот, и другой документ в целом были одобрены пред-

ставителями разных, даже полярных религиозных конфессий, что свидетельствует об огромном потенциале идей межконфессионального диалога и укрепления отношений веротерпимости. Исходя из сегодняшних положений прогресса человеческой культуры, направленной на создание общечеловеческой, глобальной этики, проблемы формирования и развития отношений духовно-религиозных взаимодействий на локальном уровне, в частности в Казахстане, с ее национальным и религиозным многообразием, вопросы ответственности религиозных конфессий за возможные социальные последствия своей деятельности становятся все более актуальными.

Объективно, что в силу специфической этнодемографической конфигурации, которая непосредственно связана с религиозной, в Казахстане, входящем в зону широкого распространения ислама, ни одна религиозная община не составляет подавляющего большинства. Из проживающих здесь 131 этнических групп, 82%

составляют две наиболее многочисленные этнические общности, казахи (48%) и русские (34%), традиционно относящиеся к двум религиозным общинам. Казахи – мусульмане-сунниты и русские – православные христиане. Всего же в Казахстане, согласно последним официальным данным (по состоянию на 1 июля 2001 г.), действует 2502 религиозных объединений, принадлежащих 32 конфессиям и деноминациям. Мусульманские религиозные общины составляют большинство – 1282, православные – 233. В целом же эти две конфессии составляют больше половины 55% от общего числа всех религиозных общин. Таким образом, религиозное многообразие в Казахстане не позволяет отнести его к стране с абсолютным доминированием какой-либо одной религиозной традиции.

В кругу факторов, серьезно влияющих на современное социально-политическое развитие нашей республики, отличающейся этнокультурным многообразием, религия заняла свое особое место. Будучи во многом отражением противоречивых этнополитических и этнокультурных процессов, она все чаще становится самостоятельной политической силой, выходящей за рамки собственно религиозной жизни. В этом случае может происходить политизация религиозного фактора, последствия которой, как свидетельствует постсоветская действительность, имеют преимущественно дестабилизирующий характер. Достаточно назвать противоречия и конфликты, основанные на вмешательстве религии или на конфессиональной почве в странах традиционного распространения христианской и мусульманской религий – Украине, Эстонии, Таджикистане, Узбекистане.

При этом проявляются особенности в политизации конфессионального фактора, обусловленные, прежде всего, спецификой этнокультурной и этнополитической жизни, политической культуры народов этих государств, национально-государственного строительства, роли той или иной религиозной идеологии в обществе. Сегодня мир сталкивается с такой разновидностью терроризма, как террор, прикрываемый религиозными лозунгами. Такая ситуация характерна не только для Ичкерии, Карабаха, Восточного Туркестана, но есть опасность ее возникнове-

ния в Центральноазиатском регионе, в том числе и в Казахстане. В любом случае, вмешательство религии в социально-политическое развитие лишь осложняет его, расширяя спектр конфликтогенных факторов. И поэтому попытаемся рассмотреть вопрос о проблемах духовной ответственности религиозных конфессий в обществе, так как считаем, что, в целях сохранения мира, спокойствия и веротерпимости в многонациональном и поликонфессиональном Казахстане, не только государство обязано вести постоянное наблюдение за процессами межконфессиональных взаимоотношений, но и религиозные конфессии должны принять активное участие в этой области. Межконфессиональные трения и конфликты не являются лишь внутренним делом духовенства. В той или иной степени они отражаются на обстановке в республике в целом, внося в нее дополнительный элемент напряженности. Нередко серьезным негативным аспектом деятельности части зарубежных миссионеров являются их попытки полностью оторвать вовлекаемые в секты от «мирской жизни», от родных и близких, от своей национальной среды, добиться абсолютного подчинения их духовным авторитетам, превратить в воинствующих проповедников своей конфессии.

В основу строительства новой государственности заложены принципы невмешательства религии в политику и равноправия религиозных общин, запрета религиозных политических движений. Демократизация государственной системы сказалась и на отношении к религии. В Законе РК «О религиозных объединениях» (1992 г.) были определены принципы взаимоотношений между государством и религиозными организациями: отделение религии от государства, равенство всех конфессий, запрет на образование партий религиозного характера, право религиозных объединений на собственность и хозяйственную деятельность. Их деятельность регулируется данным Законом, а с июня 1996 г. по новому Закону «Об общественных объединениях РК» религиозные организации уже не относятся к общественным организациям. В то же время ведется разработка нового проекта Закона о религиозных объединениях. Вместе с тем востребованность религии в

современном обществе не лишена противоречий: восприятие религии, религиозный менталитет существенно изменились. Традиционное потребление религии во многом отстает от возросшего культурного, духовного уровня потенциальных последователей. В значительной степени этому способствует рыночные отношения, предполагающие ускоренное усвоение новых идей, отказ от стереотипов, деидеологизацию духовной сферы, свободное восприятие и открытость сознания. Как следствие – определилось известное отставание традиционных религиозных направлений, неудовлетворенность части последователей их формой и содержанием деятельности. По нашему мнению, с этого и следует начинать решение проблемы духовной ответственности религиозных конфессий. И нельзя забывать, что «любая великая духовная традиция – это искусно построенная машина для борьбы со временем, но, несмотря ни на какие ухищрения, время в конце концов все таки ломает ее» (Семенцев В.И.).

В наш новый век ни политика, ни наука, ни религия не могут оставаться безучастными к главной проблеме современности – спасению человечества от гибели. Подлинная действительность такова, что раз существуют религиозные потребности, то все еще остается и политический спрос на религию. Убедительный пример – США, где принцип отделения церкви от государства был декларирован еще в 1731 году – впервые в мире – но по сей день остается пустым звуком. Ни одно торжественное общественное событие не обходится без священника. Ни одна страна не предоставляет такого места религии в общественной жизни, как США. При президенте Джонсоне обсуждался вопрос о создании монумента в честь Бога. Важнейшей традицией правительства является ежедневные молитвы. Они составляют неотъемлемую часть законодательной процедуры. В армии США религиозному воспитанию придается большое значение (Единый военно-дисциплинарный кодекс вооруженных сил США). Молитвой открываются сессии обеих палат конгресса США, широко распространены религиозные клятвы и присяги. Даже лицо, вступающее на пост президента, приносит присягу на Библию. Характерно, что в 1956 г. конгресс постановил,

что национальным девизом США является: «Мы надеемся на Бога». В преамбулах Конституции 42-х штатов содержатся обращения к Богу. На монетах девиз: «В Бога наша вера», на почтовых марках: «Мы доверяемся Богу» и т.д. Следовательно, религия – это не просто совокупность догм о тайнах мироздания. Это и своеобразная наука жизни, а иногда азимут в лабиринте политики. Он помогает ориентироваться и строить определенный тип отношений как с единомышленниками, так и с иноверцами и политическими противниками.

Общеизвестно так же и то, что в настоящее время получили динамичное развитие религиозные стремления, которые ранее не были известны в духовном пространстве на территории республики. Наряду с традиционными религиозными объединениями, у нас стали действовать в достаточно открытой форме некоторые религиозные объединения, к которым Европейскими и Американскими государственными органами были предъявлены требования о прекращении религиозно-сектантской деятельности на их территории. При этом данные требования основывались на том, что деятельность этих объединений отрицательно влияет на общественную нравственность и духовное единство, а также противоречит принципам национального патриотизма и официальной политике государственных структур.

Уже не секрет, что миссионерская экспансия наблюдается во всех странах СНГ, что различные нетрадиционные конфессии, целью которых является расширение своего влияния и увеличения числа своих последователей, повсюду проявляют свою чрезмерную независимость. Большинство миссионеров данного толка умело использует экономические проблемы населения республики и пропагандирует псевдоидеи достижения экономического благополучия отдельных групп граждан с помощью религиозных учений. Безусловно, в политике нашего государства не содержатся ни прорелигиозные, ни антирелигиозные намерения, каждому гражданину гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, но не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие религиозную или иную ненависть и вражду. Представля-

ется, что наряду с приверженностью идеям и принципам демократического, светского правового государства, которая признает своей высшей ценностью человека его права и свободы, необходимо соблюдать разумные пределы демократического подхода с установлением соответствующих динамике развития государства собственных закономерностей и положений. Поэтому считаем одной из актуальных проблем в религиозной сфере проблему защиты свободы совести. Еще в свое время Ш.Кудайбердыулы в своем сочинении «Три истины» отчетливо обрисовал место и роль проблем свободы совести в реалиях казахской природы, основные идеи, целостную структуру, формы выражения духовной жизни казахского народа.

На сегодняшний день религия, являющаяся своеобразным «мостом» между личностью и обществом, массовым и светским образами жизни, коллективами и государственными структурами, становится и используется в разных сферах общественной и государственной жизни в различных ситуациях средством достижения поставленных «групповых» целей. Не стабильным представляется и место религиозных факторов в культурной сфере, поскольку они приобретают свойства, обусловленные спецификой регионов и континентов. Получают широкое обсуждение и предание гласности проблемы развития религиозного сознания и свободы вероисповедания от международного до межличностного уровня. Видимо, причиной тому служит активирование спора разных точек зрения, взглядов на вопрос об определении истинного статуса личности в духовной сфере. Бытие человеческой природы предавалось разного рода критике, обсуждению еще с тех времен, когда Аристотель отметил, что «человек есть смеющееся животное».

Наряду с этим, на наш взгляд, религиозное сознание большинства людей ограничивается уровнем восприятия религиозных обрядов и ритуалов. С присущими специфическими особенностями человеческой психологии, соблюдение многих религиозных обязательств приобретает праздничный и поверхностный характер. К примеру, некоторые, придерживающиеся поста Рамазан, придают главенствующий праздничный смысл положению

«Ауыз ашар», т.е. моменту употребления пищи после окончания ежедневного удержания от этого. При этом существуют определенные, не присущие духовному очищению, ожидания от уровня и насыщенности достархана лиц, приглашающих к «Ауыз ашар». Также имеют место такие ошибочные взгляды, как «все разрешается с наступлением ночи», или «достаточно держать пост Рамазан в течение нескольких дней, в том числе в священную ночь (Кадыр түні)». Представляется, что возникновение таких необоснованных с точки зрения ислама взглядов обусловлено безответственным и поверхностным отношением и пониманием основных установлений ислама.

Более того, хочется особо обратить внимание на то, что, как правило, религиозные представительства – церковь, мечеть, синагога и др. не утруждают себя возложением на себя ответственности за состояние духовного и нравственного развития общественности, в том числе верующих. Об этом свидетельствуют широко применяемые представителями духовенства некоторые огульные и необоснованные изречения, такие, как – «человек предлагает, а Бог располагает», или «все по воле Всевышнего» и т.п. Считаем, что не только отдельные личности духовенства, но и религиозные конфессии должны нести удел и тяготы ответственности за развитие духовных отношений на уровне государственной ответственности за благосостояние общества.

Известно, что распространение различных религиозных течений осуществляется лицами, окончившими специальные высшие духовные образовательные учреждения. Кроме того, некоторые религиозные направления придают обязательный характер путем привлечения последователей данных направлений к работе по пропаганде и распространению этих учений. Исходя из этого, думается, что есть все основания утверждать о существовании определенного давления со стороны лидеров некоторых конфессий на свободу совести верующих.

А также развитие информационных технологий трансформирует традиционные религиозные представления и сам институт религии. Разнообразие представленных в сети Интернета религиозных учений и свобода выбора между ними мо-

гут иметь двойной эффект, считает автор статьи «Новые боги» М.Бабаев (НП №6, 2002 г.). С одной стороны, признание такого разнообразия становится нормой: сколько людей – столько и путей к Богу. С другой стороны, оно может вести к ослаблению религиозного чувства: если истин так много – значит, нет вообще истины, все относительно, иллюзорно и все позволено. Думается, что это является еще одним подтверждением безответственного подхода со стороны главных участников духовной сферы общественной жизни.

Поэтому государство со своей стороны уполномочено требовать от конфессий информации об их деятельности и должно обеспечивать соблюдение всех положений законности на основе демократических принципов. При этом следует постоянно помнить о несоответствии духовных учений некоторых конфессий с общепринятыми нормами морали и нравственности, которые подлежат государственной охране. Считаем, что одной из эффективных мер по обеспечению действительной свободы совести должна стать государственная поддержка науки религиозоведения. Представляется, что введение курса религиозоведения в учреждениях среднего, средне-специального и высшего образования целесообразно и на данный момент не терпит отлагательства.

Исходя из высказывания известного православного философа И.А.Ильина: «...ибо нет ничего соблазнительнее, как принять влечение своего инстинкта, или похоть своей воли, или интерес своей человеческой особы – за указание или повеление Бога, укрыться за этот шаг и предаться упорству и неистовству своих хотений, во исполнение якобы “предписаний Всевышнего”», сама собой диктуется необходимость решения проблем духовной ответственности религиозных конфессий на государственном уровне.

Литература

1. Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». – Алматы, 1992.
2. Религиозная ситуация в Республике Казахстан. – Астана, 2001.
3. Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане. – 1999.
4. Стабильность и безопасность Казахстана на стыке веков. – Астана, 2000.
5. Права человека. Сборник международных документов. – М., 1990.

О ПРОБЛЕМАХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ И ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Шалтыков А.И.

Институциональный подход к анализу политических процессов является одним из самых признанных традиционных методологических подходов. Основное внимание сторонники его уделяли изучению весьма важного аспекта политического процесса – политических институтов.

Термин «институт» происходит от латинского «*institutum*», что означает «установление» или «учреждение». Политический институт – это, во-первых, состояние организованной общности, организованная форма объединения людей в особое общество, обосновывающееся на коллективной воле, целях и образах жизнедеятельности; во-вторых, идеальная модель ассоциации людей, формирующейся по поводу власти и влияния, поддерживающая интеграцию человека и коллектива, управляемость общностью и опирающаяся на коллективные ценности, организационные принципы, рациональные нормы (установления), и, в-третьих, реализация и воспроизводство моделей (систем принципов и норм, правил и целей) общения в структуре совокупной практики политической активности индивидов и групп, человеческого социума в целом [1].

Институциональный подход к анализу политических процессов, или институционализм, возникший в Западной Европе в конце XIX в. как одно из направлений экономической, социальной и политической науки, предполагает формирование определенных политических организаций, составляющих в совокупности своеобразный механизм обеспечения совместной политической деятельности людей.

Институционализация – это превращение какого-либо явления или движения в организованное учреждение, формализованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией власти различных уровней и другими признаками организации: дисциплиной, правилами поведения и т.д. Начальные формы институционализации возникают на уровне общественного самоуправления и самоорганизованных (стихийных) про-

цессов: массовых или групповых движений, волнений и т.п., когда в них обнаруживаются упорядоченные, направленные действия, появляются лидеры, способные их возглавить, организовать, а затем и постоянные руководящие группы, а само явление поддается управлению. Более развитые формы институционализации представлены сложившейся политической системой общества со сформированными политическими институтами и институциональной структурой власти, учреждений, политических ассоциаций и т.п.

Исходя из этого можно определить, что главная функция всех институтов – регулирование процессов и явлений в обществе с целью сохранения его стабильности и поддержания равновесия между проявляющимися тенденциями.

История государства по существу и содержанию является историей той или иной страны, историей судеб ее населения, ибо государство – фиксированные во властных структурах субъекты народа. С историей возникновения государства тесно связаны некоторые явления и процессы в общественной жизни, имевшие место еще до создания государства, к примеру, торговля и таможенное дело.

При разложении первобытнообщинного строя (в результате отделения ремесла от земледелия) возникло товарное производство – изготовление продуктов с целью обмена. Вместе с этим появляется торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже и с дальними, и даже с заморскими, странами. Появился особый слой людей – купцы, которые специализировались не на производстве товаров, а на их продаже. Объективно стали взиматься сборы за перевоз товаров по определенной территории, а также за место продажи. Поскольку движение товаров осуществлялось в течение длительного времени, купеческие караваны делали по мере необходимости остановки в пути. Места стоянок служили одновременно и складскими местами. Содержание складских мест требовало определенных расходов. Часть

сборов шла на содержание людей, отвечавших за нормальное функционирование складских мест. Но это еще не были таможенные сборы. Существовал всего лишь налог, который шел на пополнение казны города или государства, то есть представлял собой фискальный сбор.

Появление государственных образований в древнем мире потребовало организации институтов, регулирующих общественные отношения, в том числе и в области торговли. Так появляются первые институты, регулирующие торговые отношения, своеобразные государственные органы, которые являлись частью системы государственной власти с собственной организационной структурой, с обязанностью выполнять функции в конкретной сфере деятельности – экономике и торговле, с обладанием необходимой компетенцией, то есть властными полномочиями, издающие указы, распоряжения и другие нормативно-правовые акты. Политика по регулированию торговых отношений была, прежде всего, связана с целями и задачами, которые стояли перед государственным органом, регулирующим эти отношения. А этот орган как часть государственного механизма был наделен властными полномочиями и компетенцией для проведения политики внешнеторгового регулирования в специфически присущих для того времени функциях и правовых формах.

Как известно из истории, таможенная политика всегда была связана с торговой политикой, поэтому их нельзя отрывать друг от друга. Начиная с древнего мира в таких государствах, как Шумер, Вавилон, Древний Египет, Индия, торговая политика была едино и неразрывно связана с политикой регулирования внешней торговли [2]. Торговая политика в основном выражала интересы царя, фараона, главных жрецов и их приближенных.

По мере развития городов-государств торговая политика начинает не только отражать интересы более широких слоев населения, но и разделяться на внутреннюю и внешнюю торговую политику государства. Для выработки и организации торговой политики, адекватной переменам, происходящим в экономических и политических процессах, как у себя, так и за рубежом, потребовалась дальнейшая институционализация власти. Тогда начинают

зарождаться государственные институты, в том числе прообразы будущих таможенных служб, осуществляющие свою политику в области регулирования внешнеторговой деятельности. Причем таможенные институты становятся тем связующим звеном, которое объединяет экономические интересы внутренней и внешней политики в целом [3].

Таможенная сфера в государствах представлена таможенным делом, таможенной политикой, являющейся составной частью внутренней и внешней политики, и соответствующими правоотношениями. Очень важно рассматривать ее в комплексе общественных, государственных и личностных интересов как область, которая должна влиять на принимаемые политические и экономические меры.

Возникновение и развитие таможенного дела вызвано внешними и внутренними потребностями каждого государства в обеспечении национальных, в том числе и экономических интересов. Таможенное дело и таможенная политика государства – инструмент регулирования внешней торговли и защиты национальных интересов.

Таможенная сфера как область монопольной государственной деятельности совпадает с таможенными интересами в деятельности государства и структурно включает в себя таможенную политику и таможенное дело.

Термин «таможенное дело» охватывает сложный комплекс отношений, непосредственно связанный с внешней и внутренней политикой и деятельностью государства. В рамках государственной политики таможенное дело имеет многоцелевой характер, служит удовлетворению разнообразных интересов и потребностей. Из самого словосочетания «таможенное дело» следует, что оно в собственном смысле означает деятельность, причем деятельность специализированную – таможенную, поэтому и характеризовать его нужно, прежде всего, как деятельность. В понятие «таможенное дело» должна входить не таможенная политика, а средства ее реализации (порядок и условия перемещения через таможенную границу товаров и транспортных средств, взимание таможенных платежей, таможенное оформление и др.).

А целями таможенной политики являются: регулирование товарообмена и сти-

мулирование развития национальной экономики государства.

Основной целью таможенной политики любого государства является обеспечение его экономических интересов. В этих целях, используя инструменты таможенного контроля и регулирования товарообмена на таможенной территории государства, таможенные органы участвуют в реализации торгово-политических задач, стимулировании развития национальной экономики, содействуют проведению структурной перестройки и решению других задач экономической политики государства.

Направленность целей таможенной политики на защиту экономических интересов и стимулирование развития национальной экономики обуславливает ее тесную связь с внутренней политикой государства.

Каждая страна, участвующая в мировой торговле, проводит свою внешнеторговую политику, то есть систему мероприятий, направленных на защиту внутреннего рынка или на стимулирование роста объема внешней торговли, на изменение ее структуры и направление товарных потоков. Несомненно, что таможенная политика, защищая внешнеэкономические интересы страны, является составной частью внешней политики государства.

Таможенная политика как продолжение внутренней политики, инструмент и средство решения внутриэкономических задач приобретает в условиях приватизации собственности, ранее принадлежавшей государству, на этапе формирования и развития рыночных отношений большое значение, поскольку она призвана стимулировать всестороннее развитие отечественной экономики, придавать ей новые импульсы, ограждать эту экономику от проникновения извне разрушающих ее деструктивных факторов.

Таможенная политика как составная часть внешней политики служит обеспечению и реализации внешнеэкономических задач и интересов государства, является одним из основных проводников осуществления внешнеэкономической концепции данного государства. Причем продуманная и сбалансированная таможенная политика призвана, с одной стороны, ограждать национальную экономику от неблагоприятного внешнего воздействия,

создавать условия для ее развития, с другой – активно способствовать интегрированию экономики государства в мировое хозяйство.

Учитывая довольно быстро изменяющиеся политические и социально-экономические условия государства, его таможенная политика должна быть динамичной, маневренной, гибкой, в то же время достаточно устойчивой и стабильной, когда дело касается экономического суверенитета, стимулирования отечественной экономики, а также соблюдения интересов своего государства при ее интеграции в мировое хозяйство.

Таможенная политика, являясь производной от внутренней и внешней политики страны, формируется и осуществляется на базе объективного анализа и учета внутриполитических и внешнеэкономических реальностей. В этом отношении таможенная политика является своего рода прямой преломления интересов государства во внешнеэкономической, внешнеторговой, финансовой, налоговой, валютной сферах. В таком качестве таможенная политика не только служит катализатором политики государства, но и выступает своего рода заложницей ее просчетов.

С другой стороны, таможенная политика имеет и субъективный характер, так как ее направление, принципы, цели определяются конкретными историческими обстоятельствами, условиями развития отдельного государства и мирового хозяйства в целом, а также во многом зависят от политики, проводимой руководителями ряда государств, которые реально располагают властью в своей стране. В этом смысле таможенная политика формируется таможенные отношения каждой эпохи.

Таким образом, таможенную политику можно определить как сферу государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, осуществляемого путем создания единой, целенаправленной системы таможенных платежей и применения их к товарам, которые перемещаются через таможенную границу государства.

От таможенной политики государства во многом зависит достижение финансовой стабилизации, регулирование внутреннего рынка и его надежная защита от недобросовестной конкуренции импортеров, стимулирование привлечения иностранных инвестиций в производство, осво-

бождение отечественного производителя от непосильного налогового бремени, наведение порядка при вывозе из страны сырья, формирование оптимальной структуры импорта, обеспечение валютных поступлений от экспорта товаров и услуг, ужесточение контроля за вывозом капитала из страны, пресечение контрабанды, интеграция национальной экономики в мировое хозяйство и т.д.

Защита национальных интересов с помощью таможенной политики, расширение ее влияния на все стороны производственной деятельности через четко отлаженный таможенно-тарифный механизм – важное направление обеспечения экономической безопасности государства.

С обретением независимости в Казахстане строится новое государство с рыночной экономикой и новой демократией в отличие от Советской страны, в условиях которой граждане республики жили на протяжении семидесяти лет. Сегодня в Казахстане работает совершенно иная политическая и экономическая система. На развалинах старой командно-административной системы сформировалась новая политическая структура.

Обретение Казахстаном независимости стало мощным стимулятором формирования новой политической реальности в обществе.

Основные принципы независимости Казахстана и политического строя в нем были провозглашены в первой Конституции, принятой в январе 1993 года, и окончательно закреплены в обновленной Конституции, одобренной всенародным референдумом от 30 августа 1995 года.

Сегодня Казахстан – это демократическое, светское, правовое и социальное государство, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свобода. Он также является унитарным государством с президентской формой правления.

В области создания государственности можно утверждать, что к настоящему времени в Казахстане заложена основа независимого суверенного государства, так как все необходимые государственные структуры уже имеются и с каждым годом нарабатываются опыт и знания в этой области.

После либерализации цен в начале 1995 года и введения национальной валю-

ты в 1993 году ведется активная работа по реформированию экономики на путях рыночных отношений с целью формирования эффективного рыночного хозяйства, основанного на конкуренции и развитии частного сектора. И сегодня процесс реформ приобрел необратимый характер и получает свое дальнейшее развитие и углубление. Вследствие завершения в основном приватизации во всех отраслях экономики возникло и закрепились многообразие форм собственности, а экономика обрела черты многоукладности.

Нарастающее экономическое неравенство в обществе, вызванное перераспределением государственной собственности через приватизацию и акционирование, вхождение в жизнь института частной собственности обусловили формирование в обществе массы различающихся между собой интересов, в том числе политических, и, соответственно, сил, выражающих их.

На этой почве возникли различные политические партии и движения. Партия в демократических системах есть одна из форм представительства и выражения интересов широких слоев гражданского общества.

В современном политическом процессе Казахстана, как показывают политологические оценки, разветвленная система представительства интересов еще только создается. Партийная система в Казахстане пока не в состоянии выступать эффективным каналом трансляции требований широких социальных общностей к власти. Вероятно, поэтому доминирующей формой политического представительства выступают заинтересованные группы, отражающие специфические интересы и требования отраслевого, регионального, этнического характера. Они выполняют функционально специализированные роли, представляя специфические интересы групп во властных структурах. Обычно степень воздействия на правительство обуславливается объемом ресурсов, которые контролирует заинтересованная группа, и ее внутренней сплоченностью. Не случайно наиболее могущественные группы интересов представляют энергетическое (например, нефтяное), банковское, аграрное, промышленное, налоговое, административное и таможенное лобби.

В связи с этим в казахстанском обществе появилось значительное количество социальных групп, имеющих такие политические и экономические интересы, которые порой идут вразрез с государственной политикой и интересами. Создалась иная политическая обстановка в обществе по сравнению с той, которая была при однопартийной системе.

Все это влияет на таможенную политику как неотъемлемую часть внешней и внутренней политики государства, как инструмент таможенных отношений.

Таким образом, таможенное дело – один из базовых институтов любой экономики. Зародившись в глубокой древности наряду с торговлей, оно стало важным инструментом в системе государственной власти.

Деятельность таможенных органов универсальна и специфична, она не имеет аналогов. Ее многоплановость проявляется в разнообразии социальных функций, выполняемых таможенными органами.

Особенно важна роль таможенной службы в государствах, которые осуществляют переход от централизованной плановой экономики к рыночной. Это прямо относится к Казахстану и другим странам СНГ: при таких масштабных переменах, какие сейчас происходят в этих странах, необходимо опираться на те институты, которые изначально в силу своей природы должны быть проводниками рыночных реформ. Одно из главных мест среди них занимает таможня.

Крайне важным для молодого суверенного государства Казахстан является укрепление независимости, а дальновидная и гибкая таможенная политика способна создать благоприятные условия для развития республики.

Таможенное дело Казахстана, став на одну ступень с другими важнейшими от-

раслями экономики, из государственных органов превращается в один из политических институтов государства, атрибут его суверенитета. Именно правильное, эффективное и точное внедрение инструментов таможенной политики государства является решающим этапом, отражающим результативность работы других сфер экономики.

Это обусловлено еще и тем, что на современном этапе объем мировой торговли растет быстрее, чем мировое производство. В составе торговли значительно повышается доля услуг, возрастает продажа объектов интеллектуальной собственности, усиливается передвижение денежных средств между странами и в форме движения капитала, и в форме кредитов. Информатизация общества, создание глобальных информационных сетей кардинально меняют картину мировых экономических потоков, позволяют полностью отслеживать движение товаров, денег и услуг, валютных курсов и фондовых ценностей в масштабе мирового хозяйства. Политическое и экономическое сотрудничество стало важнейшим фактором развития во многих странах: именно оно определяет состояние национальной экономики и эта тенденция в перспективе усилится.

Развитие рыночных отношений в экономике Казахстана, либерализация внешнеэкономической деятельности, восстановление функций таможенного дела как регулятора внешнеэкономических связей, развитие экономики и стабилизация финансов – все это стимулировало рост интереса к познанию роли и функций таможенных органов, их места в государственном устройстве, что объективно обусловило необходимость изучить, прежде всего, историю, опыт, традиции казахстанской таможни.

Литература

1. Дегтяров А.А. Основы политической теории. – М., 1998. – С. 100–101.
2. Якобсон В.А. Регулирование международной торговли по законам Хаммурапи // Древний Восток и мировая культура. – М., 1998; Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Двуречья Шумер. – М., 1959; Артахаштра или «Наука политики» / Пер. с санскрита / М., 1993.
3. Ершов А.Д. Международные таможенные отношения. – СПб., 2000. – С. 26.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА США И ЕС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Кукеева Ф.Т.

События 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними антитеррористическая кампания Соединенных Штатов и их союзников привели к геополитическим изменениям, вследствие которых поменялось понятие о традиционных системах безопасности, созданных в период холодной войны. Под вопрос поставлены не только принципы международного права, такие, как невмешательство во внутренние дела, государственный суверенитет, нерушимость границ, но и способность к эффективным действиям ООН, ОБСЕ, НАТО – организаций, обеспечивающих международную безопасность.

Военные действия против режима Саддама Хусейна, расхождение позиций государств – членов Европейского Союза по иракскому вопросу, отказ администрации Буша действовать в рамках СБ ООН и возрастающее число антивоенных демонстраций по обеим сторонам Атлантики свидетельствуют о кризисе Атлантического Альянса. Причину кризиса эксперты видят в односторонних действиях Соединенных Штатов. Однополярное американское доминирование, американская «сверхвласть» становятся проблемой для мирового сообщества. Юнилейтерализм (односторонность действий) представляет угрозу как для самих США, так и трансатлантических институтов. Одной из жертв односторонних действий США может стать Североатлантический Альянс, являющийся центром трансатлантических отношений, обеспечивающий множество формальных и неформальных экономических и политических связей союзников.

История сотрудничества США и ЕС в области безопасности показывает, что институционализация трансатлантических отношений обеспечивала не только безопасность западноевропейских стран, но и предсказуемость американской внешней политики. Миропорядок, основанный на сотрудничестве в области безопаснос-

ти, воплощенном в формальном союзническом институте, предполагал, что американская внешняя политика будет более предсказуемой, что власть, помещенная в институциональные рамки, будет способствовать сбалансированности направлений внешней политики как США, так и стран Западной Европы.

В новых условиях экономической глобализации роста взаимозависимости экономик вопросы безопасности продолжают рассматриваться как приоритетные в отношениях США и ЕС. Дальнейшее развитие трансатлантического партнерства в области безопасности будет во многом зависеть от следующих положений: во-первых, степень американских военных и политических обязательств; во-вторых, готовность Европейского Союза и национальных правительств предпринять шаги по экономическому обеспечению европейской безопасности и обороны; в-третьих, согласованность внешнеполитических действий союзников в рамках НАТО.

Наиболее приемлемым и перспективным, по мнению американских экспертов, является вариант, когда Соединенные Штаты в рамках НАТО продолжают выполнять свои обязательства. НАТО – де-факто остается общей внешней политикой и политикой безопасности Европы, позволяющая Евросоюзу сконцентрироваться на вопросах расширения. В этом случае процессы расширения НАТО и ЕС не будут иметь явных противоречий. Государства – члены ЕС, менее озабоченные их собственной безопасностью, будут иметь возможность укреплять экономические и политические связи в рамках Союза. Также будет ослаблен дестабилизирующий эффект присоединения новых членов ЕС. В этом случае процесс расширения будет более эффективным в сравнении с процессом углубления европейской интеграции, так как элементы общей европейской политики обороны будут, вероятней всего,

охвачены структурой НАТО, чем Европой, отделенной от инфраструктуры и лидерства США [1].

В случае, если Соединенные Штаты отстранятся от проблем европейской безопасности, развитие Европы, как и характер американо-европейских отношений, будет трудно предсказать. Обнажатся многочисленные разногласия в отношении Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Средиземноморья, которые скрывал Альянс. Внешняя политика и проблемы безопасности сразу станут важнейшим пунктом повестки дня ЕС. Появятся региональные ориентации и сферы влияния государств – членов ЕС: Франция будет отдавать предпочтение Северной Африке и Средиземноморью, Германия – Центральной Европе, Швеция – Балтийскому региону. Россия, возможно, будет стремиться восстановить свое влияние над странами бывшего Варшавского Договора, возобновится германо-русское соперничество за влияние в этой области. Колесание поведений может стать нормой [2].

Пессимистичные настроения европейских экспертов о будущем Альянса объясняются неэффективными действиями НАТО по адаптации к реалиям постконфронтационного периода, которые привели к продвижению инициатив европейской безопасности и обороны. «НАТО оказалось не в состоянии решить новую дилемму безопасности, в силу своей структуры и меняющейся природы безопасности», – утверждает английский политолог Э. Коргенсен [3].

Само понятие «безопасности» и «факторов», представляющих угрозу безопасности, значительно изменилось в последние десятилетия. Сегодня понятие «безопасность» выходит за рамки понятий «стабильность» или «мир» и определяется как комплекс мер, необходимых для решения проблем экологии, незаконной торговли наркотиками и защиты прав человека. Понятие «безопасность» сегодня охватывает военное, политическое, экономическое и социальное измерения. Безопасность сложно разделить на внутреннюю и внешнюю, так как эти две области связаны между собой. Однако сложно провести четкую границу между безопасностью и обороной, особенно если речь идет о территориальном вопросе. Внутренняя безопасность не может быть спроектирована

без учета внешних факторов воздействия. Так, например, нестабильность в соседних странах может привести к притоку иммигрантов, управление которым должно быть отражено во внутреннем законодательстве.

Логика развития проблемы безопасности привела Евросоюз как к институциональной эволюции, так и к разработке политических инструментов европейской интеграции. Сторонники самостоятельного плавания Европы оценивали дальнейшее сотрудничество с НАТО как малоэффективную работу по возрождению института, существовавшего во время холодной войны. Они рассматривали ЕС как центр, к которому будут адресованы все проблемы, связанные с безопасностью в Европе, а Соединенным Штатам предлагалось постепенно отойти от вопросов европейской безопасности и все больше концентрироваться на собственных проблемах, как, например, Национальная Ракетная Оборона [4].

Следует заметить, что и между европейскими государствами нет единства мнений по вопросу будущего Альянса. Так, англо-французская конкуренция демонстрирует различия в представлениях о системе безопасности в новых условиях международных отношений между европейцами (дрейф) и атлантистами (участие). Совместное англо-французское заявление 1999 г. о стремлении развивать близкие и доверительные отношения между НАТО и ЕС, не устранило различия во взглядах. Британцы считают, что Франция должна понять и принять перемены, происходящие в европейской безопасности и не вбивать клин между ЕС и НАТО. Французы в свою очередь с подозрением относятся к британскому атлантизму [5].

Несмотря на сложности, существующие в отношениях США и ЕС, большинство европейских политиков считает, что институциональные перемены могут усилить присутствие Соединенных Штатов в Европе через конвергенцию ЕС и НАТО и создание Трансатлантического Сообщества Оборона и Безопасности.

Таким образом, учитывая реалии современного мира, наиболее приемлемым для трансатлантического партнерства в области безопасности является сценарий, предполагающий сотрудничество США с европейскими институтами безопасности.

Сохранение роли НАТО и высокий уровень доверия среди Европейских стран приведут к усилению европейской опоры Североатлантического Альянса. Вклады государств-членов в оборону возрастут, а рост экономического развития Евросоюза приведет к сокращению финансирования НАТО Соединенными Штатами, что, в свою очередь, приведет к упадку его (США) лидирующей роли в Альянсе.

Европейские и американские политики соглашаются с тем, что основанием для необходимости существования НАТО в меняющейся стратегической обстановке не является наличие «врага» на европейской территории. Роль НАТО в наши дни и в будущем состоит в первую очередь в том, что организация способна поддерживать определенный уровень стабильности, обеспечивать процесс военной интеграции и содействовать трансформации старых военных и военно-политических отношений в отношении в сфере безопасности в широком понимании значения этого термина. Именно эти моменты и составляли суть преобразований в НАТО в 1990-е годы.

Договоренности о дальнейших шагах по созданию европейской системы безопасности, достигнутые в Ницце государствами – членами ЕС, несомненно, затрагивают вопрос о будущем трансатлантического партнерства в области безопасности.

Европейские эксперты высказывают сомнение о том, что приобретение военной функции ЕС может создать дополнительные проблемы для трансатлантического партнерства. По их мнению, военная составляющая поможет Евросоюзу не только справиться с локальными и региональными кризисами, но изменит восприятие ЕС как государствами-членами, так и Соединенными Штатами. Евросоюз стремится выступать и как модель интеграции, и как глобальный игрок на международной арене, то есть ЕС может стать либо центром притяжения для стран Европы, несущим стабильность, мир и процветание, основанное на достижениях Союза за прошедшие пятьдесят лет, либо сильным центром группы государств, способных управлять международными делами в многополярном мире.

Перспективное расширение ЕС и движение НАТО на Восток также создают дополнительные линии напряженности как

в отношениях между Североатлантическим союзом и ЕС, так и внутри Альянса. Несмотря на декларирование намерений о сотрудничестве, взаимных интересов и схожих ценностей, возросла напряженность между этими институтами. Они оба стремятся к военным функциям в области безопасности, к коллективному сотрудничеству и заняты в программе расширения.

При всем отличии оба процесса предполагают включение восточноевропейских стран в орбиту «расширенного евроатлантического сообщества», но при этом разнятся подходы трансатлантических партнеров. Европейский Союз следует принципу многосторонности (мультилатерализма), где поведение всех участников вышеупомянутого сообщества регулируется строгим набором правил и исключает всякий силовой гегемонизм. Согласно этому принципу Европейский Союз должен выступать как сильный и самостоятельный центр влияния, органично дополняющий НАТО. Расширение НАТО рассматривается в этой концепции как один из элементов большой стратегии, направленной на распространение демократии и стабильности по всему европейскому континенту, а сам процесс расширения ни в коем случае не должен рассматриваться как самоцель и вырываться из общестратегического контекста [6]. Другая концепция основана на идее гегемонистской стабильности, при которой США максимально используют свои возможности как супердержавы и проецируют эту силу на другие регионы, находящиеся в зоне их внимания. Американские союзники в Европе рассматриваются как младшие партнеры, консультации с которыми видятся лишь как придание большей легитимности американской воле [7].

Стремясь совместить процесс расширения Альянса и его способность к эффективным совместным действиям, трансатлантические партнеры предложили прочим претендентам на вступление в НАТО или на сотрудничество с ним присоединиться к программе «Партнерство ради мира» (ПРМ). ПРМ добавило новый аспект в отношениях между НАТО и государствами-партнерами, что позволило развивать практическое военное сотрудничество с учетом различных интересов и возможностей участвующих стран. Действительно, в программе обозначено растущее место,

которое в планах НАТО будет уделяться странам – не членам Альянса, стремящимся укрепить с ним свои партнерские отношения. Однако реальное место стран-партнеров определяется не столько их нуждами и запросами, сколько конкретными геополитическими и геоэкономическими приоритетами блока. Если исходить из тезиса министра обороны США У.Козна о том, что программа «Партнерство ради мира» не только остается инструментом подготовки стран-претендентов к вступлению в НАТО, но и является целью самой по себе, становится понятен интерес западных стран к Балканам и постсоветскому пространству (особенно к Закавказью и Каспийскому региону). Очевидно, что немногие государства этих регионов имеют перспективы стать полноправными членами Альянса в ближайшем будущем. Но они рассматриваются и как плацдарм для возможных операций НАТО на Балканах и в Средиземноморье и как активные участники миротворческих и гуманитарных операций, и как ворота в регионы Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Каспийского региона.

Отмечая важную роль Североатлантического Альянса в сохранении стабильности и демократии, следует признать, что современные вызовы и риски, несомненно, требующие участия атлантических партнеров, сложно решить в существующих рамках НАТО. События 11 сентября выявили растущую несостоятельность Альянса, главную причину которой эксперты видят в узких географических рамках [8].

В 1990-е годы в трансатлантической зоне разворачивается дискуссия по вопросу придания Североатлантическому Альянсу глобального измерения. Соединенные Штаты исходили из мандата НАТО без искусственных географических границ. Американские политики считают, что корни будущих угроз для трансатлантической безопасности находятся вне Европы и за пределами границ НАТО. Вопрос также состоял в том, что обеспечение мира и стабильности в Европе американским престижем, дипломатическими усилиями и ресурсами достигается за счет интересов США в других регионах мира. Самые непосредственные угрозы безопасности США, согласно утверждениям сторонников глобализации, лежат сегодня не в Европе, а на

Ближнем Востоке и в Азии. Курс на поддержку единой и демократической Европы уже не требует крупных затрат военных ресурсов, а сами эти ресурсы должны быть направлены на более нестабильные регионы. При этом те европейские государства, которые считают себя активными игроками на международной арене (особенно такие, как Великобритания или Франция), должны оказывать подобным усилиям существенную помощь.

Вопрос о расширении НАТО уже не является теоретическим. Согласно новой стратегии, Альянс распространил свое влияние на Юго-Восточную Европу, Закавказье и страны Центральной Азии и Ближнего Востока. Три восточноевропейские страны уже вступили в НАТО, а девять новых претендентов ожидают своей очереди. Страны Закавказья и Центральной Азии заключили с Североатлантическим Альянсом Соглашение «Партнерство ради мира». США имеют большое влияние также и на Ближнем Востоке. НАТО вовлекается в невоенные области – экономику, демократические преобразования, защиту окружающей среды и т.д.

В то время как Америка предлагает партнерам по Альянсу действовать глобально, Европа предпочитает заниматься региональными проблемами, что затрудняет адаптацию основного трансатлантического института к реалиям современности. Европейские члены НАТО время от времени соглашались играть по правилам Соединенных Штатов, но при этом их восприятие новой концепции Альянса отличается от американской. Великобритания, Франция и Германия имеют различное видение новой роли НАТО вне сферы ее полномочий. Лондон, опасаясь германской гегемонии в Европе, стремится к дальнейшему укреплению «особых отношений» с Соединенными Штатами. Великобритания не выступала за уменьшение американского влияния в Европе после окончания холодной войны и безоговорочно поддерживала действия НАТО на Балканах и силовую политику в Персидском заливе, выступает на стороне США в вопросе проведения военных действий против Ирака. Париж, оставаясь верным идее европейской военной и оборонной идентичности, считает, что ее «формирование должно быть независимым процессом, а не шагом в укреплении трансатлантического со-

юза». Берлин, демонстрируя свое желание строить отношения с США в рамках ЕС, солидаризировался с Францией. После заявления министра иностранных дел Й.Фишера о том, что существует угроза проведения Соединенными Штатами одностороннего курса, который воспринимается Европой как вызов своей политической власти, стало очевидным сближение позиций Германии и Франции по проблеме новой роли НАТО [9]. Об этом также свидетельствуют события, развернувшиеся вокруг Ирака (февраль 2003 г.), когда Франция и Германия заняли единую позицию в вопросе военной операции против Саддама Хусейна.

Тем не менее необходимость расширения горизонта политики безопасности, которую Запад должен осуществлять совместными усилиями, очевидна и для европейцев. В силу технического прогресса, географическая удаленность от кризисных регионов теряет свое преимущество. Усилия по недопущению распространения ядерного, химического и бактериологического оружия, как показали кризисы вокруг Ирака и Судана, равно как и переход Индии и Пакистана в разряд ядерных держав, способны в лучшем случае затормозить этот процесс, но не прекратить его полностью. Поэтому намерения США вывести зону ответственности НАТО за пределы Европы в принципе не вызывают у союзников возражения. Главный вопрос заключается в том, кто будет определять эти «совместные интересы», способна ли нынешняя НАТО также эффективно отражать общие угрозы за пределами зоны ответственности. Если среди союзников по НАТО не будет достигнуто согласия по этим вопросам, то весьма сомнительно, что Альянс сможет и дальше рассматриваться ими как инструмент распространения стабильности.

Расхождения во взглядах на проблему глобализации функции НАТО эксперты объясняют отличием подходов к осуществлению мирового лидерства и взглядов на разделение затрат и выгод от этого лидерства, а также отличной природой США и ЕС как международных акторов.

Выражая недовольство неэффективностью деятельности ООН в решении региональных конфликтов и блокирования распространения оружия массового поражения Ирака и Северной Кореи, американская администрация предлагала повысить

легальный статус НАТО: «не каждый вид военных действий должен осуществляться в соответствии с прямым мандатом Совета Безопасности» [10]. Европейским союзникам сложно согласиться с идеей о доминировании решений НАТО над резолюциями ООН. Брюссель предлагал перенести модель экономического сотрудничества в область безопасности, полагая, что атлантическое партнерство, работающее в рамках международных институтов, – оптимальный вариант для сотрудничества, что такие международные организации, как Совет Безопасности ООН и ОБСЕ, едва ли могут эффективно функционировать без сильных трансатлантических партнеров и наоборот.

После террористических актов 11 сентября и последовавших за ними событий, европейские и американские эксперты заговорили об окончании дрейфа Европы от Америки и укреплении трансатлантического сотрудничества в области безопасности. Основанием послужили заявления европейских государств о своей солидарности с Соединенными Штатами. Вашингтон продекларировал несвойственную для республиканцев приверженность к многосторонней политике.

Однако дальнейшие действия американской администрации показали неготовность Америки на практике искать многосторонние решения в борьбе с таким явлением, как терроризм. Напротив, антитеррористическая борьба ускорила процесс политического расхождения союзников, причины которого следует искать во все больше проявляющемся юнилэтерализме (односторонности) действий администрации Буша в решении международных проблем. По мнению Вашингтона, терроризм является достаточной причиной отказа Соединенных Штатов от международных соглашений, не соответствующих стратегии обеспечения максимальной безопасности страны. Так, выход США из Договора по ПРО объясняется возможными ограничениями оборонительных действий. Это вызывает у европейцев определенные опасения, так как реализация идеи Национальной Противоракетной Обороны (NDM) создаст проблемы в области контроля над вооружением, нераспространения ядерного оружия; негативно скажется на единстве внутри НАТО и отношениях трансатлантических партнеров с третьи-

ми странами. Очевидно, что целью внешнеполитических операций США по-прежнему остается защита американских интересов, нередко противоречащая нормам международного порядка. Тем не менее основной лейтмотив внешней политики США «Америка – прежде всего» имеет как своих сторонников, так и оппонентов. И если последние (сторонники «*multilateralism*») выступают за совместные действия с международными организациями и государствами-партнерами в решении мировых проблем; то первые (сторонники «*unilateralism*») считают, что Соединенные Штаты имеют право самостоятельно решать, какими средствами и через какие институты добиваться защиты своих интересов. Они допускают многостороннюю дипломатию, но только под руководством США. Последние события в международных отношениях демонстрируют усилившееся влияние панамериканистов, то есть стремление Америки использовать свое моральное и военное превосходство без согласования, а иногда и без согласия партнеров, если того требует защита национальных интересов США.

Юнилатерализм в американской внешней политике также базируется на убеждении в том, что НАТО теряет свою значимость как военный инструмент. Причина заключается не только в превосходстве почти вдвое оборонных расходов Соединенных Штатов над затратами всех 15-ти государств – членов ЕС [11], но и в сложном механизме принятия решений внутри ЕС. По мнению американских экспертов, в боевой обстановке эти два фактора лишают Альянс практического смысла. Вашингтон извлек определенные уроки из событий в Косово и практически отказался от предложенной европейскими членами НАТО помощи при проведении антитеррористической операции в Афганистане. Так, заместитель министра обороны США П.Вулфовитц, поблагодарив союзников за проявленную солидарность, ответил: «Спасибо, но не надо, еще раз не надо» [12].

Таким образом, все больше проявляющаяся односторонность американской внешней политики негативно сказывается на сотрудничестве партнеров в рамках главного института трансатлантических отношений НАТО. По мере отхода Америки от континента, европейская безопас-

ность все больше становится региональной и менее атлантической. Американский политолог Купчина утверждает, что «Соединенные Штаты начинают терять интерес к Альянсу в силу геополитических причин. Антитеррористическая война в Афганистане уже отвлекла внимание Америки от Восточной Европы, а война с Ираком еще более отдалит США от европейского региона».

Для НАТО главным становится вопрос выбора, остается ли она региональной европейской организацией или будет готова противостоять угрозам, существующим или потенциальным, возникающим в других районах мира, но оказывающим непосредственное влияние на развитие евроатлантической ситуации. Однако вне зависимости от того, будут ли в будущем задачи НАТО ограничены Европейским континентом или будут распространяться за пределы «зоны ответственности» Альянса, очевидно, что современные угрозы не имеют геополитических границ. Это значит, что вызовы и угрозы выходят за пределы евроатлантической зоны ответственности. Желание Европы ограничить себя формальными гарантиями обеспечения безопасности в рамках евроатлантической зоны способствует односторонней политике американской администрации. В результате Соединенные Штаты подходят к решению проблем, возникающих в нестабильных регионах и угрожающих американским интересам не столько в рамках НАТО, сколько с помощью специально создаваемых коалиций. Например, антитеррористический Альянс был создан на время военных действий в Афганистане и Ираке без участия НАТО.

Трансформация НАТО как трансатлантического института свидетельствует о том, что в прошлом остались синхронность и взаимодополняемость действий ЕС и США (реализация «плана Маршалла», процесс создания НАТО, экономическое и военное сближение двух берегов Атлантики).

Таким образом, политика США в новом столетии должна быть направлена на укрепление отношений с ЕС, через сохранение институциональных основ западного миропорядка, поддержание многосторонней дипломатии в рамках международных организаций и отказ от гегемонистских устремлений во внешней политике.

Литература

1. Hudson Institute Executive Briefing 2001 // Europe 2005.
2. Там же.
3. Korgensen E. Paradoxes of European foreign policy. – London: Klower Law International, – 1999. – P. 50.
4. A common foreign policy for Europe? – Competing policy. – London, 1998.
5. Boer Y. NATO forever // The New Transatlantic Agenda. – Ashgata publishing limited. – 2001. – P. 48.
6. Смирнов П.Е. Американские идеи «экспансии стабильности» и европейский баланс сил // <http://www.ISCRAN>. – 1998.
7. Там же.
8. Слоан С. Выхолащивание или углубление? Необходимость нового Атлантического сообщества // International Politik. – 2002. – №46. – С. 91.
9. The Future of NATO // The New York Times. – 1999. – 15 February. – С. 27.
10. Уткин А.И. США–НАТО–ЕС // США: экономика, политика, идеология. – 1999. – №8. – С. 7–8.
11. Гнесотто Н. Сверхмилитаризация американской внешней политики // International Politik. – 2000. – №44. – P. 76.
12. Пиль К. Скепсис старого света. Европейский взгляд на американскую внешнюю политику // International Politik. – 2000. – №4.

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН СО СТРУКТУРАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Байзакова К.И.

Первые непростые годы независимости Республики Казахстан ставили перед страной сложные задачи завоевания политического пространства, своего рода ниши в геополитическом раскладе, складывающемся после распада биполярной мировой системы. Президент Казахстана Н.А.Назарбаев отмечал, что «мир стал глобальным, взаимозависимым, где верховенствующим принципом должно стать глобальное партнерство» [1]. В число основных целей и принципов внешней политики Казахстана входит «расширение стратегического взаимодействия с ведущими государствами в целях поддержания и упрочения глобальной и региональной стабильности и безопасности» [2].

В то время руководству страны и молодой казахстанской дипломатии пришлось решать главные проблемы: определение статуса и роли республики в международных делах с учетом ее географического расположения, экономических возможностей, политического, военного и гуманитарного потенциалов; поиск новых надежных партнеров; обретение достойного места в системе международной безопасности; установление связи с междуна-

родными организациями, институтами и ТНК. Средством достижения поставленных целей была выбрана многовекторность во внешней политике, которая, как показывает время, полностью себя оправдала.

Как отмечают казахстанские дипломаты, исходя из существующих тенденций развития современного мира и собственного видения современных проблем международной безопасности и разоружения, Казахстан целенаправленно и активно участвует во всех процессах строительства систем безопасности и разоружения на всех уровнях международного и регионального сотрудничества [3].

Развитие регионального сотрудничества имеет первостепенное значение для нашей страны. Наряду с этим республика должна укреплять отношения с ведущими странами мира. Европейский вектор представляет одно из важных направлений во внешней политике Казахстана. Перспективность и необходимость развития отношений с европейскими странами определяется ролью и местом этих государств в мировой политике, экономике, образовании и культуре. На фоне интег-

рации в мировое сообщество Казахстан заинтересован в развитии конструктивного сотрудничества с ведущими странами Европы.

Называя стратегические направления Казахстана, Президент Н.А. Назарбаев выделял среди них отношения со странами Европы. Так, он отмечал, что «особый интерес в долгосрочной перспективе представляет Европейский Союз, который в ближайшем будущем будет выступать от имени всей Европы в отношениях с государствами других регионов, в первую очередь в торгово-экономической сфере. Следует максимально воспользоваться реальными возможностями, которые открываются для республики в связи с готовностью ЕС к расширению политического диалога с Казахстаном» [4].

Сотрудничество Казахстана с европейскими странами развивается как на двустороннем уровне, так и на многостороннем в рамках сотрудничества с Европейским Союзом. Хотя партнерство и сотрудничество ЕС-Казахстан в большей степени направлено на развитие экономических, торговых, научно-технических связей, тем не менее сотрудничество в военно-политической сфере становится необходимым компонентом взаимоотношений.

Наша республика занимает одно из приоритетных мест в политике стран-членов ЕС в Центральной Азии и Закавказье. Казахстан представляет собой своего рода связующее звено между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. На нем лежит значительная доля ответственности за обеспечение мира и стабильности в регионе. По мнению президента Франции Ж. Ширака, «Казахстан обладает потенциалом стабилизатора в регионе и катализатора регионального сотрудничества» [5]. При этом во внимание принимаются такие факторы, как последовательность действий руководства Республики Казахстан в укреплении политической независимости, проведение демократических и рыночных преобразований. Несмотря на отдельные попытки дискредитации политического курса нашей республики в области демократических преобразований, Европейский Союз высоко ценит Казахстан как государство с формирующейся системой демократических ценностей.

Европейский Союз поддерживает курс Казахстана на интеграцию в мировую политику и экономику, ориентацию руководства нашей страны на широкомасштабные реформы во всех сферах государственной и общественной жизни. Государства-члены ЕС считают, что Казахстан, в силу географического расположения и природного потенциала представляется объектом геополитических интересов великих держав. Поэтому казахстанская позиция по актуальным мировым проблемам может в определенной мере влиять на развитие событий на международной арене, на расстановку сил в мире.

Стратегическое направление Европейского Союза на создание самостоятельной системы безопасности и обороны в рамках международных отношений пересекается с казахстанской стратегией многовекторного сотрудничества. Обеспечение безопасности в Евразии отвечает интересам Казахстана по причине включения республики в глобальные экономические процессы, в первую очередь эти интересы связаны с безопасным обеспечением транспортировки своих энергетических ресурсов. Политическое руководство Казахстана осознает огромное стратегическое значение для развития мирового хозяйства в грядущем столетии того фактора, что республика владеет колоссальными энергетическими запасами нефти и газа и использует энергетический фактор в своей внешней политике для усиления позиций РК в мире; аналогично действуют и сопредельные прикаспийские государства.

Со своей стороны Европейский Союз «мог бы внести важный вклад в успешное формирование Евразийского экономического сообщества – этого стратегического альянса, уделив больше внимания Каспийскому региону и всеми имеющимися в его распоряжении средствами, разделив ответственность за предотвращение конфликтов» [6].

Европейский Союз в последние годы добился значительного прогресса в стратегическом сотрудничестве с Россией, и в нынешней ситуации в Центральной Азии подобное стратегическое сотрудничество могло бы играть позитивную роль. Западноевропейские страны рассматриваются в качестве потенциальных партнеров Казахстана в военно-политическом отноше-

нии, которые будут в состоянии обеспечить поддержку инициативам Казахстана в сфере реформирования экономики и по укреплению мира, доверия и безопасности в Азии.

Безусловно, тот опыт, что был накоплен ведущими европейскими странами в деле создания европейской системы интеграции, модель которой вполне универсальна, будет весьма полезным при теоретическом рассмотрении и практическом применении в перспективе и к нашему региону. Энергетический фактор, по нашему мнению, мог бы стать началом интеграции, а не раздора и противоречий в Центрально-азиатском регионе, которому требуется надежная безопасность общими – региональными и европейскими структурами безопасности.

Одновременно и Россия, и Казахстан, и другие государства СНГ должны понимать важность формирования стратегического партнерства как в отношениях между собой, так и с Европейским Союзом. Партнерство, под которым понимается такой уровень межгосударственного общения и сотрудничества, которому чужд блоковый подход и двойные стандарты, уровень отношений, основанный на равноправии, прозрачности и доверии.

С учетом того, что в Европе начинают усиливаться собственные оборонные структуры, представляется необходимым уделить серьезное внимание развитию сотрудничества с европейскими организациями. Кроме того, опыт, накопленный Европой в деле укрепления собственно европейской обороны, представляется весьма полезным со следующей точки зрения: Казахстан активно продвигает интеграционную политику в регионе, которая, помимо создания общего экономического пространства, немыслима без системы коллективной безопасности. На сегодняшний день европейская модель таковой, несмотря на то, что ее формирование далеко от своего логического завершения, представляет весьма полезный опыт. В связи с этим многие элементы данной системы можно уже сейчас взять на вооружение. Например, создание механизма взаимодействия вооруженных сил странами региона, в случае реального возникновения угроз со стороны, введение стандартизации вооружений и военной техники всех заинтересованных го-

сударств, взаимодополняющая кооперация их военно-промышленных комплексов и многое другое.

Европейские страны обладают колоссальным опытом в решении таких проблем, как борьба с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом и наркоторговлей. Их опыт также небезынтесен Казахстану, который уже столкнулся с подобными явлениями. На заседании Совета министров ЕС в апреле 2001 г. был принят план действий для Центральной Азии в борьбе с распространением наркотиков, которая обозначена в качестве приоритетного направления в кооперации ЕС и Центральной Азии [7].

Европейский Союз и ОБСЕ в Бухаресте в декабре 2001 г. приняли совместную политическую Декларацию в отношении борьбы с терроризмом и План действий против терроризма на региональном уровне, который включает регион Центральной Азии. Кроме того, Еврокомиссия поручила Крису Паттену, комиссару по внешней политике ЕС, расширить деятельность по стабилизации региона Центральной Азии [8]. В этом мы видим еще одно направление двустороннего сотрудничества в области безопасности, военной сфере и в перспективе по линии спецслужб.

На сегодняшний день продажа оружия является одной из самых доходных статей мировой торговли. В связи с этим представляется целесообразным детальнее изучить европейский опыт формирования экспортной стратегии в области торговли оружием и военной техникой с тем, чтобы перенять ее наиболее эффективные элементы. Было бы полезным также рассмотреть конверсионные возможности стран-членов ЕС с двух точек зрения: получение доступа к европейским конверсионным технологиям; установление в перспективе двустороннего сотрудничества между оборонными предприятиями, специализирующимися на выпуске продукции двойного назначения.

Как отмечает Министр иностранных дел Республики Казахстан К.К. Токаев, «активная позиция ЕС в развитии регионального сотрудничества, урегулировании военных конфликтов, проведении миротворческих операций на европейском континенте, а также процесс расширения ЕС за счет стран восточного блока опре-

деляют необходимость корректировки политики Казахстана в отношении Евросоюза с целью углубления взаимодействия и вывода его на уровень стратегического партнерства» [9].

В перспективе возможно следующим шагом в укреплении двустороннего и многостороннего сотрудничества с европейскими партнерами будет разработка Общей стратегии ЕС в отношении Казахстана (по аналогии с подобными документами в отношении России и Украины).

Еще одним из направлений сотрудничества Казахстана с европейскими странами в военной сфере являются двусторонние взаимоотношения в рамках международных договоров. Такими международными документами являются, например, Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и Венский Документ 1999 г. (1994 г.) о переговорах по мерам укрепления доверия и безопасности. Особо отметим Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Казахстан присоединился к этому договору в октябре 1992 г. Участие РК в таких институтах организации, как Форум по сотрудничеству в области безопасности (ФСБ) и Совместная консультативная группа по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (СКГ ДОВСЕ), способствует продвижению военно-политических интересов нашей страны.

Формирование самостоятельной системы безопасности Европейского Союза имеет значение и для центральноазиатских стран, поскольку усиление военной роли и ответственности ЕС в определенной степени предопределяет перспективы взаимодействия Запада с Востоком в сфере безопасности. Наряду с этим «новое качество отношений между ЕС и странами СНГ в сфере безопасности открывает перед нашими государствами дополнительные возможности развития сотрудничества со странами Европы, способствует выстраиванию своеобразного «многоугольника» такого сотрудничества, направленного на формирование субрегионального механизма обеспечения безопасности» [10].

Важным аспектом укрепления военной безопасности республики является сотрудничество Казахстана с Североатлантическим Альянсом. Следует отметить, что активно оно началось с момента провозгла-

шения независимости Республики Казахстан.

Как известно, начало отношениям между Казахстаном и НАТО было положено во время визита Генерального Секретаря НАТО М.Вернера в Алматы в ноябре 1992 г. Официальный визит Президента Н.А.Назарбаева в штаб-квартиру НАТО в феврале 1993 г. ознаменовал следующий этап в развитии отношений между Казахстаном и НАТО.

В 1992 г. Казахстан присоединился к Совету Североатлантического сотрудничества (ССАС, а ныне – СЕАП). Сотрудничество Казахстана по линии ССАС успешно осуществлялось на основе Плана по диалогу, партнерству и сотрудничеству. Организация Североатлантического договора своевременно отреагировала сначала на самоликвидацию Варшавского договора, а затем – на распад Советского Союза, что выразилось в создании совершенно новой формы сотрудничества – программы «Партнерство во имя мира». В мае 1994 г. Казахстан подписал Рамочный документ ПИМ [11]. Вслед за этим в июле 1996 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе были подписаны два соглашения между Казахстаном и НАТО: Соглашение о безопасности и Соглашение о статусе вооруженных сил. Первое касается защиты обмениваемой в рамках сотрудничества по программе ПИМ секретной информации. Во втором Соглашении оговаривается статус воинских подразделений стран – партнеров по ПИМ на территории друг друга (в случае проведения военных учений). Данные соглашения составили правовую базу для дальнейшего развития партнерских отношений Казахстана и НАТО.

Формы и масштабы участия Казахстана в программе «Партнерство во имя мира» определяются интересами международной и национальной безопасности, существующей потребностью и имеющимися возможностями. Основа сотрудничества Казахстана с НАТО базируется на учете взаимных интересов соседних по региону республик в целях того, чтобы действующие формы сотрудничества не воспринимались негативно как в Азии, так и среди стран – членов СНГ.

Военно-политическое сотрудничество Республики Казахстан с НАТО по программе «Партнерство во имя мира» имеет

на сегодня следующие направления в политической сфере: участие в обсуждении вопросов стабилизации положения в регионе; обмен мнениями по контролю над вооружением и разоружению; участие в соответствующих мероприятиях НАТО; информирование стран – членов НАТО и стран – партнеров по программе «Партнерство во имя мира» о позиции Казахстана по различным внешнеполитическим вопросам, проблемам региональной безопасности, включая реализацию собственных политических инициатив по Евразийскому союзу (ЕАС) и в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

Ежегодно проходят рабочие встречи экспертов НАТО и МИД, Минобороны и Госкомитета по чрезвычайным ситуациям Республики Казахстан, на которых обсуждается Индивидуальная программа партнерства (ИИП) Казахстана и НАТО.

Свидетельством осознания важности роли Казахстана в деле обеспечения стабильности на континенте, его достойного места в структуре безопасности в зоне ответственности СЕАП является усиление практического интереса руководства НАТО к республике. Целый ряд официальных визитов руководства НАТО способствовал активизации и усилению практической стороны сотрудничества с НАТО, конкретизации Индивидуальной программы партнерства (ИИП), предусматривающей, прежде всего, подготовку национальных военных и дипломатических кадров.

Следующим этапом на пути дальнейшей интеграции Казахстана в международные военно-политические структуры стало открытие представительства Казахстана при НАТО в 1998 г. в соответствии с положениями Брюссельского соглашения 1994 г.

В настоящее время сотрудничество Казахстана и НАТО в рамках СЕАП/ПИМ проходит согласно Индивидуальной программе партнерства, в которой определяются приоритетные его направления. В первую очередь – это военное сотрудничество и обучение:

- мероприятия по подготовке и оснащению воинской части, предназначенной для участия в учениях, проводимых совместно с НАТО, в том числе в условиях кризисных ситуаций, под эгидой ООН, ОБСЕ и НАТО;

- участие в семинарах по вопросам проведения операций по поддержанию мира, прием групп экспертов НАТО в Алматы для обсуждения военно-технических вопросов;

- помощь со стороны НАТО в разработке законодательной базы для налаживания системы конкретной службы;

- участие представителей Казахстана в заседаниях военного Комитета НАТО.

Вторым по приоритетности направлением сотрудничества Казахстана и НАТО является планирование действий в чрезвычайных ситуациях и управление кризисами. ГКЧС Казахстана активно участвует в различных мероприятиях (учениях, встречах экспертов, семинарах, симпозиумах), проводимых Комитетом НАТО по планированию действий в чрезвычайных ситуациях и странами-партнерами.

СЕАП рассматривается Казахстаном как один из важных элементов укрепления безопасности и стабильности в Центральной Азии. Он призвал центральные органы СЕАП усилить внимание к региону, в том числе в связи с ситуацией в Афганистане, необходимостью решения широкого спектра проблем экологического характера.

Окончание следует.

Литература

1. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева на Саммите тысячелетия в ООН. Нью-Йорк, 6 сентября 2000 года // Дипломатический курьер. – 2000. – №3. – С. 88.
2. Идрисов Е.А. Внешняя политика в условиях глобализации // Казахстан и мировое сообщество. Сборник статей. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – С. 8.
3. Казыханов Е. Дипломатия, международное сотрудничество и разрешение конфликтов // Безопасность, дипломатия и международное право. Материалы между региональной конференции. – Астана, 2001. – С. 59.
4. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева на совещании по вопросам внешней политики (15 февраля 1995 г.) // Внешняя политика Республики Казахстан. – Алматы–М., 1995. – С. 11.

5. Цит. по: Дипломатический курьер. – 2000. – №3. – С. 143.
 6. Pap A. Есть ли у Путина новые варианты политики? // Internationale Politik. – 2001. – №10. – С. 51–52.
 7. General Report on the activities of the European Union 2001. – Brussels, Luxembourg, 2002. – P. 174, 320; а также Bull. 4-2001, point 1.4.7; Bull. 12-2001, point 1.6.86.
 8. Ibid. – P. 270; Bull. 12-2001, point 1.6.22.
 9. Токаев К.К. Дипломатия Республики Казахстан в условиях глобализации. – Алматы, 2000. – С. 272.
 10. Дубовцев Г.Ф. Военная интеграция Евросоюза: «милитаризация» или большая ответственность за обеспечение безопасности? // Европейский Союз: десять лет после Маастрихта. – Алматы. – 2002. – С. 14–15.
 11. Партнерство во имя мира: Рамочный документ // Сборник документов по международному праву / Под общ. ред. К.К.Токаева. – Т.1. – Алматы, 1998. – С. 300–302.

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ – ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Холики А., Рахимов Н.Т.

Распад СССР привел к возникновению на постсоветском пространстве новых суверенных государств. Вследствие этого Таджикистан и другие республики Центральной Азии, ставшие полноправными членами Мирового Сообщества, получили широкие возможности для своего развития. Однако это же породило и новые проблемы: успешное развитие зависит от наличия природных ресурсов, а ранее доступные всем в рамках единого государства эти ресурсы теперь оказались в пределах соседних, суверенных государств и, соответственно, усиливается борьба за обладание ресурсами (газ, нефть, уголь, электроэнергия и др.) или их перераспределением. Это соперничество негативно отражается на добрососедских отношениях между молодыми государствами региона.

Вторая половина 90-х годов XX века ознаменовалась ростом значения водных ресурсов в отношениях между государствами Центральной Азии. По мнению ряда политологов, борьба за контроль над водными ресурсами станет основным потенциальным источником как национальных, так и межнациональных конфликтов в XXI веке. Эта проблема будет определять всю систему межгосударственных взаимоотношений стран Центральной Азии. Одновременно, при тенденции

уменьшения общих запасов водных ресурсов, в каждой республике неуклонно увеличивается ее потребление [1]. Если учесть, что запасы воды в регионе не безграничны и распределены неравномерно, то интересы соседних стран региона часто не будут совпадать, с вытекающими из этого и вполне прогнозируемыми последствиями. При решении данного вопроса каждая из центральноазиатских стран будет исходить из собственных политических и экономических интересов, что, конечно же, приведет к межгосударственному конфликту. Таким образом, нам стоит рассмотреть, в каком состоянии находится проблема использования водных ресурсов между странами Центральной Азии.

Вода в Центральной Азии – поистине источник жизни. Древнейшие цивилизации этого региона возникали как очаги орошаемого земледелия. Практика водопользования, опыт строительства водораспределительных и шире – ирригационных сооружений является неотъемлемой частью материальной культуры таджикского народа [2] и соседних народов, приобщившихся к орошаемому земледелию несколько позднее. О значении воды в хозяйстве говорит и тот факт, что забота об ирригации была одной из главных функций государства. Право распоряжения водой было тесно связано с политической властью.

Местные правители и владыки разных уровней строили свои резиденции в начале каналов или у водораспределительных сооружений, чтобы контролировать расход водных ресурсов. Это давало им возможность держать остальное население в зависимости. Вся многовековая история народов Центральной Азии насыщена фактами борьбы за контроль над водой и ее распределением. В письменных источниках XVII–XIX веков можно найти немало трагических страниц, рассказывающих о «кетменных войнах» между населением соседних кишлаков из-за распределения воды. Уместно отметить, что одним из первоочередных по важности мероприятий Советской власти в Центральной Азии стало проведение земельно-водной реформы, направленной на решение проблем водопользования.

Как известно, в последние годы ученые все чаще говорят о проблемах, связанных с сокращением водных запасов на нашей планете, так как уже сейчас число людей, ощущающих недостаток воды, равняется 1 млрд 450 млн, а к 2025 году эта цифра возрастет до 3 млрд [3]. По предложению Президента Таджикистана Э.Ш.Рахмонова, ООН объявила 2003 год Международным годом чистой воды. Тенденция к сокращению запасов воды отмечается и для Центральной Азии, о чем свидетельствуют многолетние наблюдения ученых за состоянием ледников Памира [4].

Вопросы, связанные с дефицитом воды в Центральноазиатском регионе и рациональным использованием имеющихся ее запасов, возникали и обсуждались и ранее, особенно после начала сокращения площади Аральского моря, переросшего в настоящую экологическую катастрофу. Огромные масштабы ирригационных работ, преобладание в сельском хозяйстве монокультуры – хлопководства на большей части советской Центральной Азии (Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) называются в качестве основных причин резкого роста потребления воды для хозяйственных нужд. И это при том, что очень мало внимания уделялось вопросам водосбережения. Известны и попытки решения дефицита водных запасов Центральной Азии, сначала путем поворота сибирских рек, позднее – проектом переброски части стока р. Ганг. В условиях засушливого климата Центральной Азии

и преобладания здесь орошаемого земледелия все более становится актуальным лозунг, который часто встречается на объектах водораспределительных систем – «Берегите воду, вода – это жизнь».

Водные ресурсы являются важнейшим ресурсом, оказывающим влияние на развитие экономики. По уровню обеспеченности гидроресурсами на одного человека на высших позициях в Центральной Азии стоят Таджикистан [5] и Кыргызстан [6]. Сопоставление ресурсов речного стока, формирующегося на территории государств Центральной Азии, показывает, что по объему годового стока в бассейне Аральского моря и удельной обеспеченности – 365 тыс. куб. м/год с 1 кв. км – Таджикистан значительно превосходит соседние страны. Кроме богатых речных ресурсов, на территории Таджикистана сосредоточено около 72% всех озер бассейна Амударьи, а общее количество озер в Таджикистане – 200 [7]. Почти все реки региона формируются в горах этих республик, но протекают они и по территории соседних государств. Использование водных ресурсов в горных районах позволяет получать очень дешевую электроэнергию, в равнинных районах вода широко используется для орошения посевных площадей. В Таджикистане и Кыргызстане построено много гидроэлектростанций, среди которых такие гиганты, как Нурекская и Нарынская ГЭС. Нурекское, Токтогульское и Кайраккумское водохранилища регулируют паводковые стоки рек и создают запасы воды, используемые для сельского хозяйства.

Вода в Таджикистане широко используется во всех отраслях народного хозяйства, но при этом генеральным направлением использования водных ресурсов в республике остается гидроэнергетика. Исследованиями доказано, что общие потенциальные гидроресурсы Таджикистана оцениваются в 300 млрд кв. ч. По мнению специалистов, при освоении перспективных возможностей гидроресурсов, потребности Таджикистана будут полностью обеспечены, более того, республика может продавать электроэнергию соседним странам. Имея огромные возможности получения дешевой электроэнергии, как Таджикистан, так и Кыргызстан находятся в энергетической зависимости от соседнего Узбекистана. По мнению Т.Усубалиева, гид-

роуэлы Таджикистана и Кыргызстана, регулирующие режим подачи воды, в настоящее время работают больше на соседние республики – Казахстан, Узбекистан [8] и в некоторой степени Туркменистан. Если они будут работать в энергетическом режиме, а не ирригационном режиме, то есть основная сработка водохранилищ будет происходить не летом, а зимой, Кыргызстан и Таджикистан будут получать существенный прирост производства электроэнергии. Т.Усубалиев указывает, что летняя сработка водохранилищ невыгодна для Кыргызстана и Таджикистана, но выгодна Узбекистану и Казахстану, которые продолжают получать около 80% воды, формирующейся на территории своих соседей, бесплатно. При установленных мировых ценах на электроэнергию и газ, «бесплатная вода» все чаще фигурирует в качестве проблемы в СМИ и межгосударственных переговорах.

К середине 90-х годов начали обостряться противоречия между Таджикистаном и Узбекистаном. Причина – желание Узбекистана быть региональным гегемоном. Для оказания давления на Таджикистан Узбекистан использует в качестве рычага газ и транспортные пути. Натянутые отношения между Таджикистаном и Узбекистаном привели к определенному дефициту энергии, поскольку Узбекистан настаивал, чтобы Таджикистан расплачивался за поставляемую ему энергию по мировым ценам и прибегал порой к таким методам, как прекращение поставок энергии, газа и торговых отношений. Но и Таджикистан нашел свои рычаги воздействия – самым мощным из них стали водные ресурсы, от которых крайне зависим Узбекистан. В связи с этим в СМИ Таджикистана был поднят вопрос о введении платы за водопользование как в рамках самой республики, так и за ее пределами [9]. Более того, институт «Таджикпроводхоз» разработал проект целесообразности осуществления переброски части стока р. Заравшан в бассейн р. Сырдарья для орошения земель Шахристанской котловины и Кизилинского массива Северного Таджикистана. Это противоречит интересам Узбекистана – поля самой плодородной Заравшанской долины, составляющей основную часть территории Самаркандской и Бухарской областей, будут страдать от нехватки воды.

Определенные трения по вопросам водопользования существуют и между Узбекистаном и Туркменистаном, для которых общей рекой является Амударья. Так, в сентябре 1995 года Туркменистан обвинил соседний Узбекистан в чрезмерном использовании вод реки Амударья, что ведет к нарушению системы водопользования в Туркменистане и обострению экологической ситуации в районе Аральского моря. Требование перераспределения этих вод может привести к серьезным последствиям для Узбекистана.

Но больше всех обострились отношения по водораспределению между Кыргызстаном и Узбекистаном [10]. В средствах массовой информации Кыргызстана стали появляться многочисленные публикации, в которых приводились расчеты упущенной экономической выгоды в виде недополученных миллиардных прибылей Кыргызстана за бесплатную воду и многие годы эксплуатации Токтогульского водохранилища. Со строительством Токтогульского водохранилища электроэнергетика Кыргызстана стала дефицитной в связи с накоплением воды и уменьшением стока реки Нарын. В летнее время кыргызская энергосистема была избыточной, а в зимний дефицитный период электроэнергия поступала из Узбекистана и Казахстана.

Начиная с 1992 года, по решению Правительства Кыргызстана Нарын полностью изменил свой проектный режим, с ирригационно-энергетического был переведен на энергетический режим. В республике стало производиться электроэнергия в три раза больше, чем в прежние годы, из них 80% – зимой. И, несмотря на это, Кыргызстан, как и Таджикистан, вынужден закупать газ у Узбекистана по мировым ценам. К концу 2002 года валютный долг АО «Кыргызгаз» Узбекистану превысил 0,6 млн долларов США, а товарный – 1,15 млн долларов США.

Агентство Интерфакс-Киргизия, ссылаясь на заявление первого Вице-Премьера Правительства Кыргызстана, 15 апреля 2001 года сообщило, что, в связи с прекращением Узбекистаном поставок газа, принимаются меры по возможному переходу на увеличение энергопотребления населением. «Это означает, – сказал он, – что в осенне-зимний период Токтогульское водохранилище не наберет нужного объема во-

ды, чтобы в последующем поставить воду соседнему Узбекистану». Такое сообщение озадачило руководство Узбекистана.

29 июня 2001 года депутаты Жогоргу Кенеш (Парламента Кыргызстана) проголосовали за принятие Закона «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». В этом документе отмечалось, что водные ресурсы являются национальным богатством республики. Кыргызстан объявляется собственником всех водных ресурсов в пределах границ республики. Согласно статье 3-е принятого Закона, вводилась платность водопользования в международных отношениях [11].

В связи с принятием Кыргызстаном вышеупомянутого Закона, в Кабинете Министров Республики Узбекистан состоялся брифинг для узбекистанских и зарубежных журналистов, аккредитованных в Узбекистане. На этом брифинге Премьер-Министр Узбекистана У.Султанов заявил, что Узбекистан считает требование платности за водные ресурсы несостоятельным и что демарш Кыргызской Республики – это попытка выдать внутренние экономические неудачи за внешние факторы. На брифинге было также отмечено, что кыргызские авторы Закона обошли стороной международное водное право и что межгосударственные отношения в части совместного использования трансграничных рек во всем мире строятся на соглашениях по разумному водоотделению, не нарушающему естественных стоков трансграничных рек [12].

Закон Кыргызстана, вводящий плату за воду, затронул и экономические интересы Казахстана. Президент Казахстана Н.А.Назарбаев во время своего визита в Кыргызскую Республику негативно отзывался о стремлении депутатов продавать водные ресурсы. С осуждением позиций Кыргызстана выступило и Правительство Казахстана [13].

Несовершенное и незавершенное вододелие (введение платы за воду) в регионе с высокой рождаемостью и дефицитом водо-земельных ресурсов на фоне возможного ужесточения климата – это наиболее вероятная причина возникновения конфликтов в регионе. Водная проблема стала существенным дестабилизирующим фактором. И это при том, что, по мнению поли-

тологов Конфликтологического Центра (Алматы, Республика Казахстан), уже имеется достаточно много потенциальных очагов напряженности между государствами Центральной Азии [14].

В связи с разным подходом к проблеме водопользования складывается конфликтная ситуация, которую Кристофер Р.Митчелл определяет как ситуацию, в которой два (или более) социальных субъекта (независимо от их определения или структурирования) воспринимают (осознают), что их цели несовместимы [15]. В теории конфликтологии отмечено, что в сложных социальных контекстах как внутринациональные, так и межнациональные конфликты возникают из-за дефицитности благ, которым приписывается качество «значимости и желательности» и в отношении которых существует конкуренция. И если какой-либо вид благ дефицитен, то почти неизбежно будет возникать несовместимость целей в отношении их распределения.

В складывающейся ситуации необходимо принимать меры по предотвращению назревающих конфликтов в сфере водопользования. Президент Таджикистана Э.Ш.Рахмонов призвал всех «... быть разумными и благожелательными друг к другу, толерантными и осторожными», чтобы не допустить новые конфликты в нашем регионе [16]. Был предложен и конкретный путь в решении насущных проблем – использование комплексного подхода, исключающего однородность, привлечение внутренних резервов и внимание мировой общественности, международных организаций и структур для выработки хорошо продуманной и научно обоснованной стратегии использования водных ресурсов Центральноазиатского региона [17]. Сама ситуация диктует неотложность мероприятий по урегулированию назревающего конфликта.

Проблемой разрешения водных споров занимается и Университет Мира ООН (Коста Рика, Сан Хосе). В программе по Центральной Азии на 2003 год намечен этап интенсивных исследований и развернутого диалога по теме «Региональные водные ресурсы» в сотрудничестве с правительствами центральноазиатских государств и международными и неправительственными организациями. К участию в осуществлении этой программы в 2003 году при-

влечены ученые, эксперты и официальные представители пяти стран Центральной Азии, совместно с экспертами и специалистами по управлению водными ресурсами, представляющими международные и неправительственные организации. Участие международных организаций и привлечение опытных экспертов имеют большое значение, так как в науке накоплен богатый опыт предупреждения конфликтов [18]. Программа предусматривает написание исследовательских работ, тренинг экспертов из Центральной Азии по проведению региональных переговоров по водным ресурсам, содействие экспертным дискуссиям на региональном уровне. Создается важный форум «Трек-2», в рамках которого официальные представители получают возможность для неформальных консультаций с целью сближения подходов и достижения консенсуса в области регионального управления водными ресурсами. Кроме того, предполагается содействовать укреплению взаимопонимания по отношению к недавно разработанному всеобъемлющему предложению Мирового Банка и другим международным агентствам по совместному инвестированию в региональные водные и энергетические

ресурсы, а также исследовать возможности по приданию Международному Фонду Спасения Арала (МФСА) и его Межгосударственной Координационной Водохозяйственной Комиссии (МКВК) по координации водных ресурсов официального статуса в рамках системы ООН, как было официально предложено странами Центральной Азии.

Университет Мира организует серию научных конференций, основной темой обсуждений будут региональные водные ресурсы (март – Кыргызстан; апрель – Узбекистан; октябрь – Таджикистан). Вышеуказанные мероприятия станут важными шагами для регулирования отношений центральноазиатских стран по региональным водным ресурсам.

Только совместными усилиями официальных представителей всех заинтересованных сторон и независимых экспертов высокого ранга и с учетом принципов межгосударственного вододелия, «Международной конвенции о воде», других документов международного права и международного опыта можно выработать соглашения, отвечающие требованиям и интересам всех государств Центральной Азии.

Литература

1. Петров Г.Н. Некоторые вопросы международного сотрудничества стран Центральной Азии в совместном использовании водно-энергетических ресурсов // Вода и устойчивое развитие Центральной Азии. – Бишкек, 2001. – С. 32–35.
2. Билалов А. Из истории ирригации Уструшаны // Материальная культура Уструшаны, вып. 4. – Душанбе, 1980. – С. 7–23; Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2-х кн. Кн. 1. – Душанбе, 1989. Там же, библиография вопроса.
3. The University for Peace. Peace: The Great Universal Task. – Prospectus 2003. – P. 13.
4. Рахмонов Э.Ш. Таджикистан на пороге XXI века. – Душанбе, 2001. – С. 43.
5. Мухаббатов Х. Водные ресурсы Таджикистана: формирование и использование // Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – №1(13).
6. Суюнбаев М., Мамытова А. Природные ресурсы как фактор развития Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – №1(13).
7. Мухаббатов Х. Водные ресурсы Таджикистана: формирование и использование // Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – №1(13).
8. Усубалиев Т. К вопросу о водных ресурсах Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – №1(13).
9. Петров Г.Н. Указ. Соч. – С. 33; Толиб И. Хар кас курпаро болон худ мекашад // «Сугд». – 6 ноябрь 2002 года; Гани Р. Что принесет ташкентская встреча? // «Asia-Plus», 3 января 2002 года; Шохинбод Н. Юрий Посейдон е худ Лужков – мироби асри XXI // «Сугд». – 18 декабря 2002 года.
10. Gleason Gregory. Upstream – downstreet: the difficulties of Central Asia's water and energy swaps // Eurasia net Bussines @ Economics (New York: OSI), 6 February 2001y. (<http://www.eurasianet.org>).
11. Usabaliev T.U. The Law of the Kyrgyz Republic «On interstate use of waterworks and water resources of the Kyrgyz Republic». Kyrgyzstan and the whole of Central Asia are under the threat of contamination with radioactive wastes. – Bishkek, 2002. – P. 4–5.

12. В ответ на выступление У.Султанова на брифинге, Т.Усубалиев отправил на имя Премьер-Министра «Открытое письмо», в котором приводились доводы в пользу своевременности и необходимости принятия закона. – См.: Uzbekistan Stands Heavily in Kyrgyzstan's Debt: An Open Letter to Utkir Sultanov, Prime Minister of the Republic of Uzbekistan – in: Usabaliev T.U. The Law of the Kyrgyz Republic «In interstate use of waterworks and water resources of the Kyrgyz Republic». – Bishkek, 2002. – P. 40–64.
13. Water Resources are Kyrgyzstan's National Riches which it Shares with its Neighbours: An Open Letter to D.Akhmetov, First Deputy Prime Minister of the Republic of Kazakhstan – Usabaliev T.U. The Law of the Kyrgyz Republic «On Interstate use of waterworks and water resources of the Kyrgyz Republic». – Bishkek. – P. 26–39.
14. Сидоров О. Реальные и потенциальные очаги напряженности между государствами Центральной Азии. – <http://www.ccm.freenet.kz/index.htm>.
15. Митчелл Кристофер. Структура конфликта // Конфликты. Теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / Под общ. ред. Е.Ю.Садовской, И.Ю.Чупрыниной. В 3-х т. Т.1. – Алматы, 2002. – С.103; Подробнее см. также: Mitchell C.R. Part 1: The Structure of Conflict In: C.R.Michell (ed.) The structure if International Conflict. New York, St. Martine Presso, 1989. – P. 15–70.
16. Рахмонов Э.Ш. Таджикистан на пороге XXI в. – Душанбе, 2001. – С. 43.
17. Там же. С. 43–44.
18. Adelman H. Theoretical Approaches to Developing an Early Warning Model // The Journal of Ethno-Development. Vol.4. No. 1.July 1994; Lund M.S. Concept, Tools and Targets. In: M.S.Lund (ed.). Preventing Violent Conflicts. A strategy for Preventive Diplomacy. Washington, D.C.: United States University of Peace Press, 1997. – P. 31–49; См. также: Адельман Ховард. Теоретические подходы к развитию модели раннего предупреждения // Конфликты. Теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследователей. В 3-х томах. Т.1 – Алматы, 2002. – С. 208–222.

ПОЛИТИКА УЧАСТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ОСВОЕНИИ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Жусипов Б.С.

Космическая эра началась с запуска в СССР искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г. с космодрома Байконур. А с 1958 г. соответствующая программа была развернута в США; с 1965 г. – в Великобритании, Италии, Канаде и Франции; с 1970 г. – в Австралии, Германии, Японии, Китае. Сейчас более 125 государств прямо или косвенно участвуют в космических программах (в 20 странах запускают собственные спутники).

С созданием ракетного оружия был сделан шаг к освоению космического пространства как специфического средства военных действий, отличающегося глобальностью, экстерриториальностью и разведывательно-информационной деятельностью в интересах вооруженных сил. Однако стремительное развитие космической деятельности в США намного обгоняет постсоветскую космонавтику. Кроме США, многие страны развертывают науч-

но-исследовательскую деятельность в военно-космической сфере для использования ее в интересах своей безопасности. В связи с этим хотелось бы сделать попытку проанализировать: во-первых, некоторые направления деятельности ряда государств по освоению космоса; во-вторых, стратегические задачи Казахстана по отношению к космическому комплексу «Байконур».

В условиях ядерного противостояния особую значимость для государства приобрели научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, связанные с наблюдением из космоса за территорией «противников» и деятельностью вооруженных сил, и в первую очередь за развитием стратегических систем оружия, ходом их испытаний и размещением.

В стратегии национальной безопасности США говорится: «Сохранение нынешнего международного статуса космоса

останется для США важнейшей задачей в интересах достижения целей национальной безопасности» [1].

Надо сказать, что американские специалисты широко рекламируют успехи, достигнутые в области создания средств космической разведки. Анализ действий по установлению мира и занятию территории американскими войсками или коалиционными силами, а также возможностей космической разведки показывает, что в части информационного обеспечения и выдачи целеуказаний ей будет, по всей видимости, отводиться главная роль в решении таких задач, как: захват обороняемых противником аэродромов, портов и других объектов и их удержание; осуществление контроля за передвижением войск и перевозками материальных средств через границу или в пределах страны, включая установление полной или частичной блокады для прекращения или ограничения морской торговли; создание зон безопасности для гражданского населения и их охрана от нападений извне; создание условий для передачи полномочий по обеспечению мира вновь сформированным гражданским властям [2].

Администрация США предоставляет данные космической разведки своим союзникам, когда это отвечает непосредственно интересам США. Так, разведывательная информация с американских спутников использовалась Израилем в ходе арабо-израильского конфликта. Снабжая Израиль разведывательной информацией, полученной из космоса, США были схвачены за руку и уличены в неблаговидных действиях. Расположенная близ Каира египетская станция слежения перехватила видеосигналы, передававшие на Израиль изображения военных объектов на территории Египта и Сирии. К протесту, направленному США правительством Египта, прилагалась копия одного из полученных снимков. Или другой пример, позднее, в ходе англо-аргентинского конфликта из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, Вашингтон предоставил данные космической разведки своему ближайшему союзнику по НАТО. Находившийся за пределами зоны боевых действий аргентинский крейсер «Хенераль Бельтрано» был обнаружен американским спутником разведки. Координаты и курс корабля переданы бри-

танскому командованию. 2 мая 1982 года английская подводная лодка «Конкерер» торпедировала аргентинский крейсер и отправила его на дно вместе с 368 моряками [3].

Анализ боевых действий в зоне Персидского залива свидетельствует о широком использовании многонациональными силами (МНС) космических средств. Достаточно сказать, что к моменту переброски союзных войск в Саудовскую Аравию военное командование уже имело полную картину развития событий в данном регионе. Космические аппараты видовой (оптико-электронной и радиолокационной) разведки США совершили к этому времени более четырехсот пролетов над территорией Ирака и Кувейта. Это позволило обеспечить наблюдение более чем за полсотней десятками тысяч объектов (с разрешением от долей до единиц метров). Были вскрыты практически все объекты сухопутных войск, система базирования ВВС, ракетные части и подразделения, а также предприятия оборонной промышленности. Среди частей сухопутных войск, ВВС и ВМС были выделены подразделения, оснащенные наиболее совершенной техникой, как первоочередные цели поражения [4].

Разработке противоспутниковых систем космического базирования в планах Пентагона отводится особое место. По замыслам теоретиков «звездных войн», такие системы смогут обеспечить уничтожение космических аппаратов других государств на любых орбитах, а также защиту собственных спутников. Предпочтение отдается орбитальным платформам, оснащенным лазерами или электромагнитными пушками. Американская космонавтика в значительной степени ориентирована на использование космоса в военных целях. Такие затраты составляют более половины расходов на ракетно-космическую тематику.

На сегодняшний день США имеют в оперативном использовании 17 обеспечивающих космических систем военного назначения. Это – спутники фото-, телевизионной, радиозлектронной, инфракрасной и радиолокационной разведки в глобальном и региональном масштабах, контроля космического пространства и предупреждения о ракетно-ядерном ударе, связи и боевого управления, навигационного,

топогеодезического и метеорологического обеспечения и т.д. Кроме того, в распоряжение министерства обороны США могут привлекаться гражданские космические средства. США активно разрабатывают и космическое оружие. В настоящее время такие средства принято подразделять на две основные группы: системы космического базирования, предназначенные для борьбы с баллистическими ракетами, и противоспутниковые средства как наземного, так и космического базирования. Пока реально существует авиационный ракетный противоспутниковый комплекс АСАТ, в котором носителем оружия является самолет F-15 [5].

Из всего сказанного видно, что США многие годы реализуют разнообразные космические программы, исходя из понимания огромного значения такой деятельности. В будущем американцы также намерены сохранить свои позиции.

На сегодня собственные космические системы военного назначения, помимо США, имеют только Франция, Великобритания и Китай, а также Объединенное командование вооруженных сил блока НАТО. В то же время работы в области военного космоса в ведущих зарубежных странах в последние годы заметно интенсифицируются. Так, руководство Франции в 1992 г. выдвинуло «концепцию ускорения процессов перевода космических средств в центр оборонной программы страны» и предполагает «увязать уже выполняемую программу развития военной космической техники с новой программой подготовки войск». Японские военные ведомства, несмотря на проводившуюся в течение десятилетий политику не использования космоса в военных целях, обусловленную, прежде всего, ограничениями 9-статьи национальной конституции, продолжают настаивать на официальном открытии программы по созданию и применению спутников разведки. Израиль, претендуя, с одной стороны, на роль регионального лидера, а с другой – имея определенную базу для освоения космоса, фактически уже создал собственные КА видовой разведки. Китай, рассчитывающий к началу третьего тысячелетия войти в число ведущих держав, также интенсифицирует свою военно-космическую программу и к середине 90-х годов планирует вернуть космическую систему оптико-

электронной разведки. Страны Европейского сообщества, стремясь догнать «космического лидера» – США и тем самым добиться независимости в вопросах военного использования космоса, с 1990 г. ведут работы в рамках совместной программы создания перспективных разведывательных спутниковых систем. Кроме того, в ближайшем будущем ожидается, что собственную космическую систему оптико-электронной разведки развернет Франция; имеют намерение закупить космические средства военного назначения (КС разведки) Объединенные Арабские Эмираты и Южная Корея [6].

Таким образом, даже беглый обзор рассмотренных демаскирующих признаков показывает, насколько необходима разведка космической военной деятельности для обеспечения решения чисто «земных» задач. Ее ведение тем более актуально с наступлением, как выше отмечалось, «войн космической эры». Если учесть, что военное руководство США вкладывает в это понятие и ведение ширококомандных боевых действий в космосе и из космоса, то задача разведки обстановки на этом потенциальном театре военных действий приобретает жизненно важное значение для обороны нашей страны. Наличие совершенной национальной системы разведки космической обстановки позволит своевременно информировать руководство государства о намерениях противоборствующей стороны для принятия адекватных ответных действий в рамках оборонительного характера советской военной доктрины. Вот почему даже на фоне тенденции сокращения ассигнований на строительство вооруженных сил необходимо совершенствовать систему контроля космической обстановки [7].

Здесь нельзя не обратить внимания на то, что окончание холодной войны и острого ракетно-ядерного противостояния между Россией и США, а также ликвидация пресловутой программы СОИ привели к некоторому снижению общественного интереса к проблемам противоракетной обороны, сама проблема, однако, не исчезла. В соответствии с этой зловещей стратегией в США разрабатываются концепции построения «тотальной» системы ПРО. Они предусматривают использование различных видов противоракетного

оружия наземного, воздушного и космического базирования, глубокое эшелонирование и массированное применение средств поражения целей. Ключевую роль, по взглядам стратегов Пентагона, должен играть «космический эшелон» ПРО, на который будут возложены основные задачи по уничтожению целей на нескольких рубежах. Ракеты планируется поражать на активном участке траектории их полета, то есть практически еще над территорией «противника», на участке разделения боеголовок, а также на среднем, заатмосферном, участке.

Мир с осторожностью воспринял желание США выйти из ПРО и создать собственную систему противоракетной обороны. Террористический акт 11 сентября «показал» уязвимость безопасности даже такого государства, как США. Значит, нужна форсированная модернизация системы защиты. Аргументы для выхода из ПРО и получения миллиардных заказов неоспоримы.

Национальная система ПРО США будет включать семь основных элементов. Это шесть оснащенных инфракрасными датчиками разведывательных спутников на высоких орбитах. Спутники будут фиксировать старт ракеты противника, а возможно, и подготовку к старту. В случае, если создание этих спутников не будет завершено к 2003 году, на первом этапе их функции будут выполнять уже существующие радиолокационные станции (РЛС), входящие в системы предупреждения о ракетном нападении. Другие РЛС – еще только разрабатываемые станции передового базирования – «выдают» траекторию атакующей ракеты еще до того, как она войдет в зону поражения, и «ведут» ее на всех этапах полета. При этом находящиеся на низких орбитах спутники – их будет 24 – должны следить за боеголовкой после ее отделения от ракеты-носителя. А РЛС третьего типа, которые тоже только проектируются, уже непосредственно связаны с американской ракетой-перехватчиком и выводят ее на цель. Сама же ракета состоит из двухступенчатого носителя и боевой части. Именно эта боевая часть и должна осуществить в космосе уничтожение ядерной боеголовки вражеской ракеты. При этом ядерная боеголовка должна быть разрушена просто от удара за счет кинетической

энергии перехватчика. На первом этапе развертывания ПРО в шахтах будет размещено всего 20 ракет. Наконец, все эти элементы ПРО объединены системой боевого управления, командования и контроля [8].

Основные надежды возлагают на ударные системы космического оружия, основанного на новых физических принципах и новейших средствах наблюдения, сопровождения и селекции целей.

Тем временем в Западной Европе осуществляются планы создания противоракетной обороны Европы. В апреле 1993 г. состоялась первая конференция Западно-европейского союза (ЗЕС) по вопросам создания системы противоракетной обороны (ПРО) Европейского континента. Разработчики данного проекта считают, что страны Европы имеют собственные технологии и технические возможности, необходимые для создания региональной ПРО, в области производства средств раннего обнаружения МБР и космических аппаратов (КА).

Предложенный проект плана создания европейской ПРО включает три этапа. Первый предусматривает инвестирование рядом европейских стран экспериментальной ограниченной системы предупреждения «EUROWISAT», состоящей из оптических средств разведки, размещенных на геостационарном спутнике, и наземной системы обработки данных. На втором этапе предполагается создание системы связи, объединяющей объекты наземного базирования в единую систему «EUROWINS», а также замена одного геостационарного спутника двумя, которые будут находиться: первый – над Оманским заливом, второй – над Габоном (Западная Африка). Один из них оснастит платформой телекоммуникационного типа с тремя степенями стабилизации и оптической системой, использующей мозаичные инфракрасные датчики. Третий этап предусматривает создание полномасштабной системы ПРО Европы и ее сопряжение с аналогичными системами США. Технически реализовать рассматриваемый проект планируется в следующей последовательности: исследование и испытание инфракрасного датчика – 1994 г., разработка опытной спутниковой оптической системы – к 1997 г. и вывод системы на орбиту – 1999 г. Запуск

оперативных спутниковых и полномасштабное развертывание системы ПРО планируется завершить к 2005 г. Следует отметить, что при создании системы ПРО предполагается интегрированно использовать как военные, так и гражданские космические системы ряда европейских стран. Примером является применение французского спутника «Гелиос» (военный вариант платформы «Spot»), а также системы связи «Сиракуз» (Франция) и «Скайнет» (Великобритания) [9].

На Среднем и Ближнем Востоке также наблюдается активизация некоторых стран по созданию баллистических ракет. Так, например, появление баллистической ракеты «Шихаб-3» у Ирана с дальностью полета 1300 км вызвала серьезную озабоченность не только у региональных соседей, в частности Израиля, но и США. Иран официально объявил, что претендует на статус мировой державы. На пресс-конференции министр обороны этой страны Али Шамхани гордо заявил: «Конечно, мы будем работать над проектами «Шихаб-4» и «Шихаб-5», но это не значит, что мы начнем завтра» [10]. Глава иранского оборонного ведомства, таким образом, подтвердил, что в перспективе его страна не удовольствуется статусом региональной державы и будет добиваться признания в качестве мировой. Потому что ни для чего другого ракета «Шихаб-5» с радиусом полета до десяти тысяч километров не нужна. Пакистан однозначно ответит на проведенные в Индии испытания баллистической ракеты «Агни-П», осуществив в ближайшие дни запуски собственных ракетных систем. Дело в том, что Пакистан в ответ на создание ракетно-ядерного оружия Индией развернул собственную программу строительства ракетных систем. У пакистанцев есть ракеты класса «земля-земля», «Гхори-1» (радиус – 1500 км), «Гхори-2» (радиус – 2000 км), «Шахин» (радиус – 600 км). Проводятся испытания нового средства доставки атомной боеголовки с дальностью 2300 км. Вполне вероятно, что реализации этой программы способствовали китайские разработки [11]. Об этом заявил председатель Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил Пакистана генерал П.Мушарраф. По его словам, вооруженные силы Пакистана готовы осуществить

испытательные пуски сразу двух баллистических ракетных систем – «Шахин» и «Гхори».

Здесь следует обратить внимание на то, что «администрация США предусматривает в бюджетном плане до 2005 финансового года выделение дополнительно 6,6 млрд долларов на возможное развертывание национальной системы ПРО, если решение о ее развертывании будет принято. Всего в этот период на работы в области стратегической ПРО может быть израсходовано до 10,5 млрд долларов» [12].

Все это подтверждает крайнюю необходимость глубокого изучения возможности превращения околоземного космоса в сферу вооруженной борьбы и определения изменения ее характера при глобальных противоречиях, вызванных стремлением США к мировому господству. Подобный подход в будущем чреват тяжелыми последствиями. На наш взгляд, идея «звездные войны-2» – опаснейший просчет с политической, научно-технической и военной точек зрения.

В этих условиях для Казахстана важное значение имели бы, на наш взгляд, разработка и осуществление новой политической концепции использования космического комплекса «Байконур», а также участие в создании коллективной системы ПРО. В политических и деловых кругах Казахстана обсуждается необходимость достоверной оценки последствий, к которым может привести осуществление космической программы, в том числе и с точки зрения развития научно-технического прогресса. Как подчеркнул Н.А.Назарбаев, «практически должна вестись целенаправленная подготовка плацдарма для будущего технологического прорыва... технопарков или технополисов международного характера на базе Семипалатинского полигона и космодрома Байконур» [13]. Комментарии тут, как говорится, излишни.

Почти сорок лет с казахстанской земли запускают ракеты для освоения необъятных просторов космоса. Уже настало время задуматься о том, что такое космос и какая польза от него республике? Потому что брошенное когда-то: «Казахстан – космическая держава» долго согревало наши души и тешило самолюбие, но, как говорится, всему свое время. После распада Союза и объявления Рес-

публики Казахстан суверенным государством космодром Байконур и город Ленинск юридически стали казахстанскими, хотя до последнего времени фактически все атрибуты власти все еще оставались в руках российских военных. Настало время для открытой дискуссии по таким вопросам, напрямую затрагивающим национальную безопасность Казахстана, ибо только она позволяет очертить четкие ориентиры политики, основывающейся на национальном интересе и внутривнутриполитическом консенсусе. Проблема ПРО, на наш взгляд, настоятельно требует широкой, открытой дискуссии как среди специалистов, так и казахстанской и мировой общественности.

По проблеме судьбы космодрома «Байконур» некоторые авторы выступают за его закрытие. Например, бывший вице-министр Г.Абильситов на пресс-конференции сказал, что «Казахстану космодром не нужен. Мы должны поддерживать его в рабочем состоянии не для казахстанской программы в перспективе, а для реализации российских планов, поэтому считаем справедливым, если весь объем затрат (по космодрому и Ленинску) возьмет на себя российская сторона» [14]. В отличие от этих высказываний, другие авторы высказываются за сохранение этого комплекса. Как правильно подчеркнул заместитель Премьер-министра, министр энергетики и минеральных ресурсов В.Школьник: «Мы за то, чтобы использовать уникальный космический опыт на благо процветания всех стран мира. Республика неразрывно связана с космической деятельностью. На ее территории находится самый большой и самый активный космодром на земле... Сегодня мы решаем многие задачи с помощью научных космических исследований и технологии. На этом основано множество программ и проектов» [15].

Космодром Байконур, на наш взгляд, нужен Казахстану, если думать о дальнейшем развитии космонавтики в нашей республике. На современном этапе необходимо подготовить и развить цикл «наука – техника – производство», чтобы совершить технологический скачок в третьем тысячелетии.

Казахстан, благодаря геополитическому положению, промышленному потенциалу бывших оборонных предприятий, уни-

кальному комплексу «Байконур», научно-техническому потенциалу, деловым контактам и связям с научно-техническими и промышленными комплексами аэрокосмической отрасли России, Украины, стран дальнего зарубежья, достаточно уверенно входит в международное космическое сообщество. На 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Казахстан принят членом Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС). В мае 1997 г. Казахстан ратифицировал часть существующих международных документов по космосу: «Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах»; «Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическим объектам»; «Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство»; «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела»; «Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство» [16]. Тем самым Республика Казахстан стала участником конвенции, соглашений и договоров, определяющих и регламентирующих космическое право. Это означает, что мировое космическое сообщество признало Казахстан суверенным государством в международных космических правоотношениях и наделило всей полнотой прав и обязанностей, перечисленных в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космических пространств, включая Луну и другие небесные тела.

В последние годы в Казахстане принимается ряд мер по преодолению отставания в области космических исследований. Среди них – участие первого казахстанского космонавта Тохтара Аубакирова и Талгата Мусабаева в Международной пилотируемой космической экспедиции на борту станции «Мир», создание республиканского агентства и Института космических исследований.

Прикладной характер будут иметь результаты геофизических экспериментов. Космические программы уже дают свои результаты в области сельского хозяйства, в медицине, металлургии и экологии.

Все большую роль пилотируемая космонавтика играет в системе контроля над состоянием окружающей среды. Космонавты ведут наблюдения за чистотой воздуха, водоемов, состоянием лесов и сельскохозяйственных угодий, травянистого покрова и эрозией почвы. «Во время полета Тохтара Аубакирова, – рассказывает У.Султангазин, – в 1991 г. был проведен комплексный аэрозольный эксперимент «Арал-91». Параллельно в проведении подспутниковых экспедиционных наблюдений принимали участие ученые из нескольких научно-исследовательских институтов Казахстана и специалисты Института космических исследований. Полученные совместными усилиями данные позволили оценить масштабы выноса общей массы песка, солей Арала и их направление. Однако эта работа все еще не завершена. Предстоит создать математическую модель явления, которая даст возможность решать уже практические задачи. И не случайно во время нынешнего полета Талгата Мусабаева будет проводиться эксперимент «Аральский аэрозоль» из научного блока «Природно-ресурсный мониторинг». Эта работа позволит создать ученым долгосрочный прогноз засоления территорий Аральского региона. В целом на проведение экспериментов и исследований по «Природно-ресурсному мониторингу» будет выделено 20 миллионов тенге, но практическая отдача и экономический, а точнее гуманитарный, эффект очевидны. Хотя в конкретных цифрах пока и не выражены» [17].

Наблюдение с орбиты и методы дистанционного зондирования дают возможность широких геологических обобщений, обнаружения и изучения геологических структур на нефть, газ и другие полезные ископаемые. «Космос – это ключи от кладовых земли. Сегодня по цвету фотоснимков можно распознавать местонахождение полезных ископаемых, по концентрации цвета – степень насыщенности месторождения. Космос, разумеется, требует больших денег. Но цель оправдывает средства. Наземные научные экспедиции могут работать только в одном направлении: исследования касаются либо, допустим, экологии, либо геологии, но никак не вместе. У космоса спектр охвата широкий. К тому же все исследования проходят гораздо проще и эффективнее благодаря отсут-

ствию гравитации. Сейчас, например, стоит вопрос о создании космической фабрики инсулина. Лекарство отсюда будет гораздо дешевле, а главное, чище, чем земное. Американцы и россияне на своих космических кораблях, кстати, уже наладили автоматы по выпуску инсулина. Хотя первыми с этим предложением выступили наши казахстанские ученые» [18].

Наиболее значительный вклад в развитие народного хозяйства дает дистанционное зондирование Земли – наблюдение, обнаружение и исследование объектов, образований и явлений визуально или с помощью чувствительных элементов и устройств, установленных на орбитальной станции. Большое достижение в науке и народного хозяйства республики – это появление полуметровой тарелки космической антенны в здании Института сейсмологии Национальной академии наук Республики Казахстан. В нем расположен центр приема и обработки спутниковой информации (CRPSI).

Все более широкое прямое и косвенное использование космонавтики в народном хозяйстве принесет пользу всем, в том числе и нынешним сторонникам сокращения ассигнований на космос, позволит более эффективно использовать накопленный в космонавтике научно-технический потенциал.

Казахстанские ученые в области биотехнологии сумели заглянуть «за горизонт» – первыми в мире устроили для клетки космическое тестирование. На опытных полях НИИ картофельного и овощного хозяйства Академии наук Республики Казахстан выращивают космическую картошку. В программе работ первого казахстанского космонавта на орбите входил ряд экспериментов, связанных с изучением биотехнологического потенциала клеточного материала картофеля, пшеницы и кукурузы. Дело в том, что условия космического полета представляют собой весьма своеобразную среду обитания, для которой характерны невесомость, отсутствие привычной суточной ритмики, повышенный радиационный фон, наличие вибрации и ускорения. Таким образом, «строительному материалу» названных выше растений были заданы несвойственные стрессовые ситуации. Что при этом произошло, какие достигнутые цели?

«Эксперимент, начатый Т.Аубакировым, – как рассказывает доктор биологических наук М.Карабаев, – был затем продолжен другими космонавтами, в том числе и Т.Мусабаевым. И установлено, что в первые 5–10 суток полета от перегрузок погибает до 98% клеток. Побеждают, как говорится, сильнейшие. Адаптируются и начинают интенсивно размножаться. Конкуренция для них уже не существует, поскольку невесомость способствует равномерному распределению клеток в питательной среде. Так, в течение месяца получается устойчивая клеточная линия, для чего на земле потребовался бы год, – вот как значительно ускоряется клеточная селекция... Свой космический полет Тохтар Аубакиров совершил в октябре 1992 г., а уже создан новый сорт картофеля, названный в его честь «тохтар» [19].

«Мы сейчас разработали проект, – как подчеркнул М.Молдабеков, – концепции национальной космической политики Казахстана. Считаем, что Министерство обороны должно принимать участие в ракетно-космической деятельности и определить в ней свой круг задач. Согласно разработанной концепции, мы, наверное, все-таки будем запускать свои спутники для дистанционного зондирования Земли и спутники связи. Это будут микроспутники. Спутники дистанционного зондирования решают экологические, биологические вопросы, оценивают состояние растительности, ну, и заодно наблюдают за тем, что происходит. У нас пока, к сожалению, нет возможностей отправить на орбиту спутник собственного производства. Мы запросили предложения от разработчиков подобных аппаратов в России, и даже английская фирма предложила нам свой вариант спутника. Выбор будет производиться на конкурсной основе. Мы хотим, чтобы это был небольшой аппарат, недорогой и его можно было бы выводить как попутную нагрузку при запуске больших спутников. Имея Байконур, мы в состоянии решить эту проблему очень быстро. Независимый аппарат, ресурсами которого Казахстан будет управлять сам, будет полезен и военным, и правительству – для правительственной связи. В то же время он сможет оказывать услуги потребителям на платной основе. Главная наша трудность – в

бюджете нет денег, поэтому все эти проекты мы планируем осуществлять на коммерческой основе. Запуск должен быть не только политическим мероприятием, но и экономически оправданным, целесообразным шагом» [20].

В этой сложной ситуации необходимо заняться подготовкой кадров, причем совместно с Россией, так как космодром приспособлен под ракетно-космическую технику, производимую в России. Ставился вопрос о создании специального университета, где в кооперации с Московским инженерно-физическим институтом (МИФИ), Московским авиационным институтом (МАИ) и рядом военно-инженерных академий были бы разработаны специальные программы, решающие кадровую проблему [21].

В настоящее время в республике идет отбор-тестирование самых подготовленных и достойных в отряд космонавтов. Ежегодно принимают 25 абитуриентов в Байконурский филиал Московского авиационного института. Сегодня там проходят обучение 90 казахстанских ребят [22].

«Казахстан, – как подчеркнул Талгат Мусабаев, – суверенное государство, которое должно заявить о себе. Казахстан – страна с огромным потенциалом, и она должна развиваться. Я понимаю, сегодня не хватает средств на необходимое, где уж найти деньги на космос. Но надо. Если хочешь быть великим, если хочешь быть в одном ряду с большими странами, то надо уже сейчас думать об этом. В республике есть свое космическое агентство. Его работники получают мизерную зарплату, но они делают большое дело, делают все для того, чтобы Казахстан был известен не только как страна, где пасутся бараны и ходят верблюды. Уверен, что в Казахстане можно найти молодых людей и подготовить их к космическим полетам. Я говорю об этом уже девять лет. Мне очень не хочется, чтобы на Талгате Мусабаеве список космонавтов-казахов завершился» [23].

Опыт тесных и дружеских взаимоотношений с Россией в области космической деятельности показывает, что вполне реально установление межгосударственных связей по рациональному взаимовыгодному использованию и развитию космической инфраструктуры, расположенной на

нашей территории. Казахстан, отдавая в аренду космодром на 20 лет, предполагал участие в различных космических программах, которые заранее оговаривались. Однако, по истечении времени, сотрудничество становилось все больше формальным, что иногда требовало вмешательства Президента Н.А.Назарбаева. Прошедшие годы эксплуатации комплекса «Байконур» Россией на условиях аренды показали, что этот вариант – не самый экономически выгодный для нашей республики. Авария «Протона» лишь ускорила решение многих давно назревших проблем между двумя странами. К тому же, в последнее время, на уровне аэрокосмических агентств и правительств России, Казахстана и Украины ведутся переговоры по созданию нового, экологически чистого, тяжелого ракетносителя. Необходимо, на наш взгляд, поддержать предложение, чтобы Россия решила, какая из ее государственных структур будет координировать всю работу на «Байконуре». Если до недавних пор это было Министерство обороны, то сейчас созрела необходимость постепенной передачи рычагов управления к Российскому авиационно-космическому агентству, где должно быть определенное участие и Казахстана.

Существенное значение для Казахстана, на наш взгляд, имело бы осуществление следующих мер:

1. Участие в космонавтике – фактор наращивания военного потенциала Республики Казахстан. Правительству Казахстана следует иметь государственную задачу – стать центром ракетно-космической техники и для ее выполнения организовать новые научно-исследовательские, проектно-конструкторские и производственные организации.

2. Важнейшим элементом экономического потенциала Казахстана является развитие ракетно-космической промышленности, имеющей научно-техническую и производственную базу. Производство ракет должно занимать одно из ведущих мест в индустрии страны, располагать высококвалифицированными кадрами и современной научно-производственной базой, позволяющей полностью обеспечить потребности национальных космических ракет.

3. Затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в

области ракетостроения должны быть на государственной дотации и частных инвестициях.

4. Казахстан должен больше внимания уделять развитию космической техники, в частности, ракетносителей для вывода в космос объектов военного и гражданского назначения. Изготовление ракетно-космической техники должно быть сосредоточено только на предприятиях Казахстана.

5. В перспективе Казахстан должен занять ведущее место среди производителей ракетно-космических аппаратов, что позволило ему не только полностью удовлетворять потребности национальных программ в ракетных системах, но и осуществлять значительные экспортные поставки, связывая с этим возможность проведения относительно независимого внешнеполитического курса.

6. Открытие на космодроме «Байконур» туристического центра. Здесь опасения напрасны. В отличие от нас, космонавтика для американцев не является закрытой темой, пригодной только для специалистов. Американский космодром, который находится на мысе Канаверал, является большим туристическим центром, приносящим немалые доходы. Рядовые американцы имеют возможность вкладывать свои сбережения в развитие космоса, при этом получая неплохие дивиденды.

7. Поскольку экологический вопрос является одним из важных, со стороны Казахстана требуется жесткий контроль экологических стандартов обеспечения запусков космических объектов. Вблизи них должна функционировать закрытая зона и специальные сооружения по экологической защите.

8. Желательно готовить лучшие технические кадры для работы над космическими проектами, так как мы стремимся претворить их в жизнь как можно быстрее и с наименьшими затратами. В реализации космических планов предусматривается развитие прямых контактов с Россией, Украиной и зарубежными предприятиями, компаниями, научными лабораториями. С точки зрения ученых, такой контакт наиболее продуктивен, поскольку позволяет избежать многих бюрократических формальностей и сэкономить время, которое требуется для прохожде-

ния документов через многочисленные государственные инстанции сотрудничающих стран. Прямое общение между разработчиками и производителями уменьшает возможность утечки информации, упрощает интеграцию науки с производством.

Таким образом, масштабы технологического рынка, к возникновению которого может привести космическая программа, зависят от реального масштаба финансирования научных исследований. Эта активность связана в первую очередь с тем, что космические средства обеспечивают эффективное решение таких важнейших задач экономики, как: мониторинг природной среды и ресурсов, наблюдение и контроль за состоянием крупных инженерных сооружений и коммуникаций; предупреждение чрезвычайных ситуаций; глобальное и высокоточное координатно-

временное обеспечение в любой точке территории и воздушного пространства; навигационное обеспечение и управление воздушным движением и транспортом; охват телерадиовещанием всей территории государства, обеспечение глобальной и непрерывной связи, ускорение информатизации страны; освоение геостационарных орбит, отработка технологии производства в космосе новых материалов; получение новых фундаментальных знаний в области астрофизики, планетологии, изучения Солнца и солнечно-земных связей в условиях международной интеграции; глобальное и непрерывное наблюдение и контроль за космической обстановкой; повышение эффективности обороноспособности вооруженных сил за счет применения космических средств разведки, связи, навигации, геофизического обеспечения и т.д.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности США // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1994. – №12. – С. 116–123 /123/.
2. Цыбульский И.В. Военно-космическая политика США: Концепции и программы // США: Э.П.И. – 1996. – №2. – С. 38–39.
3. Радов А. Спутники видовой разведки // Авиация и космонавтика. – 1989. – №3. – С. 47.
4. Романов В. Над заливом // Авиация и космонавтика. – 1991. – №12. – С. 42.
5. Романов В., Злогодухов С. США: путь в космос // Авиация и космонавтика. – 1992. – №2. – С. 46.
6. Меньшиков В.А. Военно-космическая деятельность за рубежом // Военная мысль. – М., 1996. – №4. – С. 77–80 /79–80/.
7. Романов В. По активности в космосе – о намерениях на земле // Авиация и космонавтика. – 1991. – №9. – С. 39.
8. Орлов А. США: национальная ПРО и contra // Итоги. – №6. – 9 февраля 1999. – С. 15.
9. Лелехов А.А. О планах создания противоракетной Европы // Военная мысль. – М., 1994. – №1. – С. 8.
10. Эггерт К. «Метеор» для аятолл // Известия. – 22 октября 1998 года.
11. Известия. – 16 сентября 1999 года.
12. Кондратьев А. Снова ПРО // Международная жизнь. – М., 1999. – №4. – С. 26.
13. Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. – Алматы, 1992. – С. 45.
14. Бильская А. Казахстан готов предложить Байконур для продажи или передать в арендное пользование // Панорама. – №45. – 11 декабря 1993 года.
15. Панорама. – 28 сентября 2001 года.
16. Казахстанская правда. – 16 мая 1997 года.
17. Султангазин У. Космическим тенью тенге сбережем // Казахстанская правда. – 17 февраля 1998 года.
18. Казахстанская правда. – 3 октября 1996 года.
19. Тараков А. Картошку из космоса назвали «тохтар» // Казахстанская правда. – 11 июля 1997 года.
20. Кубасов С. Летать так летать // Континент. – 2000. – 9–22 февраля. – С. 34.
21. Казахстанско-российская газета. – №4. – март 1995 года.
22. Казахстанская правда. – 12 января 2001 года.
23. Мусабаев Т. Не хочу, чтобы на мне список казахов-космонавтов закончился // Мы и Вселенная. – 2000. – №1. – С. 10.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЕДУЩИХ СТРАН

Гусева Л.Ю., Дмитриенко Т.А., Смирнов С.Л., Лян Е.Е., Нысанбек У.М.

Общая направленность развития мировой экономики во многом определяется экономической динамикой группы ведущих стран, таких, как США, страны ЕС, Китай, Япония и Россия.

Текущие тенденции развития этих стран показывают, что 2003 год практически становится третьим по счету годом, когда глобальная экономика по ряду основных показателей характеризуется снижением темпов роста.

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ,
ДИНАМИКА И ПРОГНОЗЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ВЕДУЩИХ СТРАН

Анализ основных тенденций глобального экономического развития показывает, что ожидаемого динамичного роста мировой экономики в первом и начале второго квартала текущего года не произошло.

Недостаточно благоприятные совокупные макроэкономические итоги первых пяти месяцев 2003 года показали, что многим ведущим индустриальным странам не удалось достичь потенциально возможных

темпов роста. Это обстоятельство послужило основой для понижения Международным валютным фондом прогнозов относительно роста мирового ВВП в 2003 году до 3,2%. В предыдущем сентябрьском докладе МВФ прогнозировал, что мировой ВВП вырастет на 3,7% (рисунок 1).

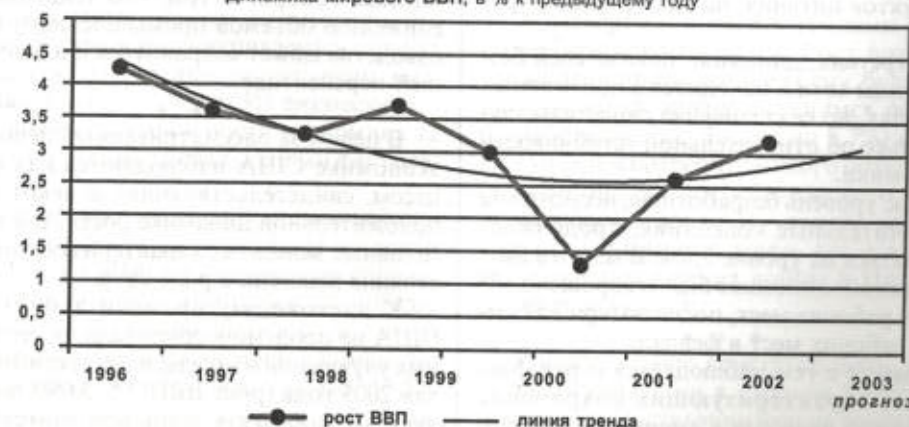
Большинство консенсус-прогнозов, подготовленных по состоянию на апрель месяц, предполагает возможность ускорения мировой экономики только к концу третьего квартала текущего года. На сегодняшний день общая тенденция развития мировой экономики носит характер слабого роста.

Соединенные Штаты Америки

С начала текущего года по настоящее время экономика Соединенных Штатов характеризуется неустойчивым состоянием. О некотором, но не стабильном, оживлении могут свидетельствовать следующие факторы.

Во-первых, возросло производство ВВП. За рассматриваемый период ВВП вырос на 1,9%, но оказался ниже прогнозируемого в начале года уровня (рисунок 2).

Динамика мирового ВВП, в % к предыдущему году

Источник: построено по данным АМЕ Minerals Economics.

Рисунок 2

Источник: построено по данным Census Bureau.

Главным фактором роста ВВП в первые пять месяцев 2003 года стало сокращение импорта. Это является относительно положительным фактором, поскольку указывает только на выросшую под воздействием ослабления доллара конкурентоспособность американских товаров. В то же время экспорт товаров и услуг, несмотря на ослабление доллара, тоже снизился, хотя и меньше, чем импорт.

Во-вторых, отмечается только незначительный прирост потребительских расходов (101,5%), что обусловлено небольшим ростом реальных располагаемых доходов населения 101,1% (рисунок 2). Такая динамика может обусловить сокращение потребительского спроса и как следствие – обострение проблем в тех отраслях промышленности, которые прямо или косвенно ориентированы на личное потребление (прежде всего, автомобилестроение, производство мебели, бытовой электроники, продуктов питания, но также и авиастроение).

В-третьих, динамика показателей безработицы хотя и находится в приемлемых пределах, но ее специфика свидетельствует только об относительной устойчивости экономики.

Так, уровень безработицы, несмотря на незначительные колебания, продолжает оставаться на уровне 5,8%. В марте в американской экономике было сокращено 108 тысяч рабочих мест, после потери 357 тысяч рабочих мест в феврале.

Вместе с тем наблюдается и ряд факторов, характеризующих сохранение процессов рецессии в американской экономике.

⇒ Сокращение инвестиций выступило одним из основных факторов экономической рецессии в США в 2002 году. За рассматриваемый период текущего года инвестиции в основной капитал сократились на 4,5% (рисунок 2).

⇒ Объем промышленного производства снизился за период с января по май на 0,9%. Сокращение объемов промышленного производства связано, прежде всего, с ухудшением ситуации в отрасли автомобильного машиностроения – производство в этой отрасли сократилось на 3,5%. Выпуск потребительских товаров длительного пользования (автомобилей, мебели, бытовой электроники и др.) сократился на 2,8%. Сокращение в пищевой промышленности составило 1%.

⇒ Продолжается сокращение индекса деловой активности. За рассматриваемый период его значение снизилось до - 8,8 пунктов. Отрицательные значения этого индекса говорят о том, что тенденция к снижению объемов промышленного производства может сохраниться и в ближайшей перспективе.

* * *

В целом за рассматриваемый период в экономике США наблюдаются как процессы, свидетельствующие о некоторой положительной динамике роста, так и негативные моменты, характеризующие состояние рецессии в ряде сфер.

К настоящему времени экономика США не продемонстрировала существенных улучшений и прогнозы на третий квартал 2003 года (рост ВВП 3,5–3,6%) позволяют предполагать лишь незначительное оживление американской экономики, ко-

торое пока не может рассматриваться как завершение рецессии.

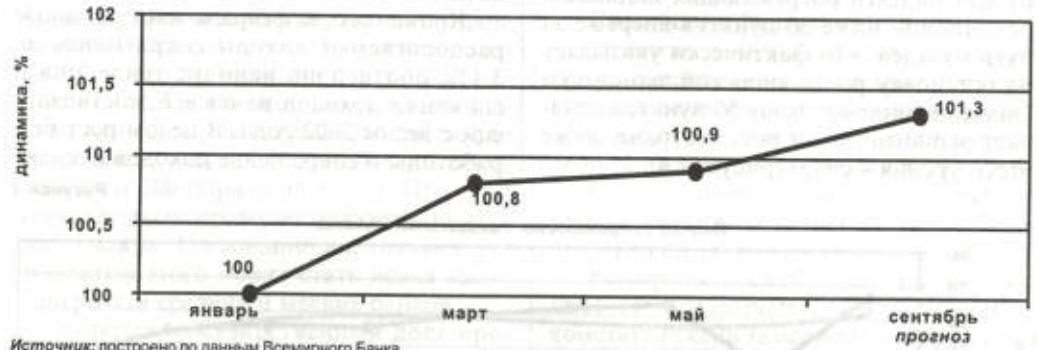
Еврозона

Анализ общей ситуации в экономике стран Еврозоны за период с января по май 2003 года показывает, что тенденция сокращения темпов экономического роста продолжается.

Несмотря на то, что совокупный ВВП вырос на 0,8% за период с января по май относительно аналогичного периода 2002 года, этого недостаточно для того, чтобы осуществить радикальный перелом конъюнктуры (рисунок 3).

Динамика ВВП, в % к январю

Рисунок 3

Источник: построено по данным Всемирного банка.

В целом наблюдается снижение темпов роста экономики «еврозоны». Это объясняется, прежде всего, тем, что в ведущих странах «еврозоны» Германии, Италии и Нидерландах темпы экономического роста в первом квартале 2003 года были нулевыми. Спад в экономике Германии по результатам данного периода составил 0,2%, а в экономике Италии и Нидерландов 0,1% и 0,3% соответственно.

Совокупные объемы промышленного производства в рассматриваемых странах также соответственно растут очень медленными темпами 0,2–0,3% ежемесячно.

Снижение темпов роста экономики 12 стран определяется следующими факторами.

Во-первых, замедлением темпов экономического роста в крупнейшей мировой экономике США, что во многом спровоцировало аналогичные процессы в Европе. Так, сокращение спроса со стороны американских потребителей ударило по европейским компаниям, так как 13,5% совокупного экспорта стран еврозоны приходится на США.

Во-вторых, продолжающимся усилением единой европейской валюты, котировки которой достигли четырехлетнего максимума – 1,16 доллар/евро. Дорожающий евро (за рассматриваемый период евро вырос на 27%) способствует замедлению экономического роста в Европе. Из-за сильного евро падают продажи европейских экспортеров, т.к. европейская продукция дорожает на американском рынке.

В-третьих, высокой учетной ставкой европейского Центробанка (2,5% против 1,25% ставки ФРС США). Снижение ставки рефинансирования с 2,75% до 2,5% годовых, осуществленное ЕЦБ в начале

марта, пока не смогло переломить сложившихся тенденций. Европейские ставки по краткосрочным инструментам остаются на 1,25–1,5 пункта выше, чем американские. Спрос на европейские бумаги повышает спрос на евро, что, в свою очередь, ведет к еще большему укреплению последнего. На конкурентоспособности европейских производителей это сказывается негативным образом.

В-четвертых, низкими темпами роста потребительского спроса. Рост потребительского спроса по-прежнему будет ограничиваться продолжающимся ростом безработицы (увеличение до 8,7%) и низким уровнем потребительского оптимизма (в марте индекс потребительского оптимизма сократился до 21 – самого низкого уровня за последние девять лет, а в апреле, после завершения войны в Ираке, – вырос всего до 19).

* * *

В целом можно констатировать, что в первом полугодии в странах Еврозоны отмечаются достаточно низкие темпы экономического роста. Прогноз роста ВВП

Еврозоны на 2003 год, с учетом данных за первые пять месяцев текущего года, составляет 1,0–1,1%, что фактически указывает на продолжение стагнации.

Япония

Анализ текущего экономического развития Японии показывает, что позитивные тенденции, проявившиеся в конце 2002 года, в январе–марте текущего года не получили развития.

Показатель экономического роста Японии в I квартале 2003 года был зафиксирован на рекордной нулевой отметке, что подчеркивает период стагнации.

Эксперты прогнозируют падение к концу мая индекса опережающих индикаторов Японии ниже 50 пунктов впервые за пять месяцев, что фактически указывает на остановку роста японской экономики (значение индекса выше 50 пунктов означает экономический рост в стране, ниже этого уровня – спад) (рисунок 4).

Рисунок 4

Источник: построено по данным <http://e-reports.hut.ru>.

После «скачка» промышленного производства в январе на 1,6%, в феврале–марте оно вновь вернулось практически к прежнему уровню, снизившись на 1,8%. В наибольшем объеме по состоянию на май сократилось производство автомобилей, алюминия и стали.

В целом ожидания в начале текущего года относительно улучшения ситуации на рынке труда, роста стоимости акций и улучшения экономической ситуации за счет экспорта себя не оправдали. Об этом свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, в целом в I квартале произошло снижение экспорта на 3,8%, импорт сократился на 1,3% по сравнению с IV кварталом прошлого года.

Снижение экспорта было вызвано замедлением роста мировой экономики, внутренними проблемами промышленной сферы и укреплением иены, которое продолжалось до середины марта. Начавшееся после этого периода ослабление иены, возможно, несколько улучшит привлекательность японских товаров на мировых рынках и вновь оживит фактор внешнего спроса.

Во-вторых, ситуация на рынке труда остается по-прежнему сложной. Безработица в феврале–марте не вышла за границы узкого коридора 5,3–5,5% от численности рабочей силы, в котором этот индикатор колеблется уже более полутора лет.

Кроме того, за февраль–март реальные располагаемые доходы сократились на 3,1%, подтвердив наличие тенденции к снижению доходов, начавшей действовать еще с весны 2002 года. В целом рост безработицы и сокращение доходов в после-

дние 1,5 года отрицательно сказываются на индексе потребительской уверенности и ведут к сокращению текущего потребительского спроса. Так, в марте 2003 года в Токио он снизился на 3,7%, подвывая к своим минимальным уровням, наблюдавшимся на рубеже 2001–2002 годов.

Поскольку потребительские расходы составляют 55% ВВП страны, снижение потребительской активности японцев напрямую сказывается на общей динамике развития экономики.

В-третьих, темпы экономического роста Японии за последние годы заметно снижаются вследствие того, что большая часть производства и рабочих мест переведена в Китай и другие страны региона.

Вместе с тем большой проблемой для японских фирм в настоящее время является ослабление их позиций на китайском рынке вследствие усиливающейся конкуренции со стороны местных и западных компаний. Крупным недостатком японских предприятий в КНР является отсутствие у многих из них надежной стратегии развития.

В-четвертых, отягощенность банковских балансов («плохими долгами») остается одной из важнейших структурных проблем, тормозящих выход японской экономики на траекторию устойчивого роста. В настоящее время даже крупные японские банки испытывают трудности из-за невозможности вернуть кредиты, выданные компаниям, которые к настоящему моменту практически обанкротились. Проблемные долги только 15 крупнейших банков Японии оцениваются в 150 млрд долл. США. Однако, по некоторым оценкам, реальная сумма безнадежных долгов японских банков достигает 700 млрд долл. США. При этом государство не проводит политику поддержки банков. По мнению аналитиков, результатом этого может стать новая волна банкротств средних и мелких банков.

В-пятых, государственный долг продолжает расти быстрыми темпами. По предварительным данным, к концу марта 2003 года (завершение финансового года), совокупный долг Японии, который включает задолженность центрального правительства и муниципальных администраций, достигнет 693 трлн иен (свыше 5,4 трлн долл. США), что составит 139,6% от размеров ее ВВП.

* * *

Таким образом, в целом можно утверждать, что правительство исчерпало основные ресурсы поддержания национальной промышленности и его меры не дают ожидаемого результата. При этом дефицит бюджета достиг катастрофических масштабов, отечественные товары с трудом находят спрос внутри страны, а в последнее время и за границей банковская система отягощена гигантскими сомнительными долгами, сокращение спроса на высокотехнологичные товары со стороны Запада и поддержание высокого курса иены наносят все новые удары по японским компаниям.

Российская Федерация

Развитие экономики Российской Федерации за период с января по май 2003 года позволяет говорить о завершении депрессивного периода и начале нового этапа экономического оживления в этой стране.

Среди основных наиболее существенных достижений российской экономики за этот период можно выделить следующие:

Во-первых, рост объемов производства ВВП. По предварительным оценкам Госкомстата России за период с января по май 2003 года ВВП вырос на 107,5%, что превышает показатель прошлого года на 3% (рисунок 5).

Прирост ВВП произошел в основном за счет увеличения инвестиций в основной капитал, которые за рассматриваемый период возросли на 116,7%, что выше на 5,8% показателя предыдущего 2002 года (рисунок 5).

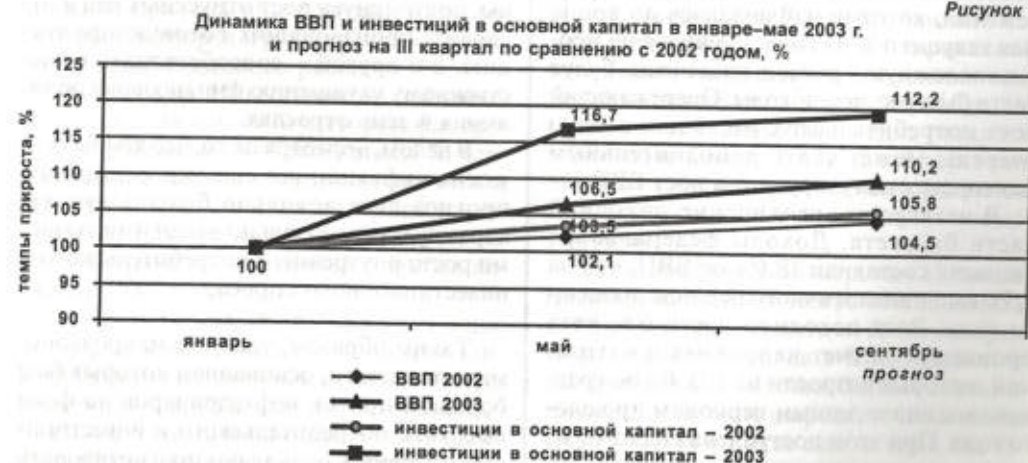

Рисунок 5

Источник: построено по данным Госкомстата России.

Во-вторых, рост промышленного производства. Анализ структуры роста промышленности показывает, что промышленное производство возросло на 105% к соответствующему периоду 2002 года, при этом электроэнергетика и топливная промышленность – 102,5%, что на 1,5% больше аналогичного периода 2002 года. В металлургической отрасли рост составил 102,2% против 101% в прошлом году, химико-лесной комплекс – на 103,4%, инвестиционный – на 105%, что выше показателя аналогичного периода предыдущего года на 2%.

В-третьих, рост доходов населения. Реальные располагаемые доходы населения возросли на 103%. За период с января по май 2003 года прирост заработной платы составил 111% против 116,2% за весь 2002 год. Темпы роста заработной платы в целом определялись ее динамикой в промышленности (как в экспортноориентированных отраслях, так и ориентированных на внутренний спрос). При этом наиболее существенный прирост оплаты труда наблюдался в бюджетной сфере, особенно в области занятых в научной сфере – 117% и в управлении – 129%.

Хотя первые пять месяцев текущего года реальные располагаемые доходы населения росли более высокими темпами (в полтора раза), чем оборот розничной торговли, в третьем квартале прогнозируется превышение темпов прироста розничных продаж над темпами прироста реальных располагаемых доходов – 4,5% против 3,9% соответственно. Это означает, что тенденция к более быстрому росту сбережений, которая наблюдалась до конца мая текущего 2003 года, сменится на противоположную – расходы населения будут расти быстрее, чем доходы. Опережающий рост потребительских расходов, в свою очередь, может стать дополнительным фактором, стимулирующим рост ВВП.

В-четвертых, увеличение доходной части бюджета. Доходы федерального бюджета составили 18,6% от ВВП, что на 1,3% выше аналогичного периода прошлого года. Рост доходной части бюджета произошел за счет налоговых поступлений, которые возросли на 103,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом поступления налогов не изменились по сравнению с прошлым годом и составили 5,6% от ВВП.

В-пятых, на российском фондовом рынке также наблюдается рост котировок и высоких объемов торгов. Различные позитивные корпоративные события и данные о хорошем темпе роста производства обусловили рост индекса РТС на 111,7%. Во главе роста находятся акции нефтяных компаний за счет устойчивого спроса на российскую нефть.

К числу главных проблем российской экономики по-прежнему относится инфляция, темпы роста которой в третьем квартале могут составить около 4,5%. Достижения Центрального Банка в преодолении высоких темпов инфляции пока незначительны. По данным Госкомстата России, рост цен на потребительские товары составил 5,2% за первые пять месяцев текущего года.

Темп роста цен производителей в результате инфляционных процессов за период с января по май 2003 года находился на уровне 1,2–1,4% ежемесячно. При этом темпы роста цен производителей продолжают ускоряться по сравнению с тем же периодом прошлого года, так, рост цен за рассматриваемый период составил 4,5% к январю против падения на 0,1% в прошлом году.

Лидерами роста продолжают оставаться электроэнергетика и металлургия. Цены на продукцию этих отраслей для производителей выросли на 5,1% и 2,2% соответственно. Темп роста на продукцию других отраслей замедлился до 0,5%. Однако в дальнейшем продолжительный и интенсивный рост цен на энергию и топливо, а также металл может, с одной стороны, подтолкнуть рост отпускных цен в отраслях, производящих готовую продукцию, а с другой – способствовать существенному ухудшению финансового положения в этих отраслях.

В целом, несмотря на то, что темпы снижения инфляции все еще недостаточные, прогноз дает довольно благополучную картину с относительно высокими темпами роста внутреннего потребительского и инвестиционного спроса.

* * *

Таким образом, удачные макроэкономические итоги, основанием которых был большой приток нефтедолларов на фоне высокого потребительского и инвестиционного спроса, позволяют прогнозировать прирост ВВП РФ в третьем квартале на

4,5%, инвестиций в основной капитал на 2,5%, а также увеличение выпуска промышленного производства на 4%.

Китай

Китай по итогам первых четырех месяцев является страной, демонстрирующей устойчивую положительную динамику роста национальной экономики.

Все экономические показатели КНР к настоящему периоду превзошли прогнозируемые в начале текущего года. Так, средние темпы роста экономики Китая сохранились на уровне выше девяти процентов, при планируемом росте ВВП в 2003 году на уровне семи процентов (рисунок 6).

В целом Народным банком Китая, даже с учетом влияния ряда неблагоприятных факторов, прогнозируется возможность осуществления запланированного на весь год 7-процентного прироста экономики (рисунок 6 – линия тренда).

Однако, в случае значительного ухудшения ситуации с распространением вируса атипичной пневмонии, по прогнозам западных экспертов, совокупный объем прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику может сократиться на 30% в текущем году и на 15% в 2004 году.

Экспорт. Согласно последним статистическим данным, общая величина экспорта за первые четыре месяца текущего года составила 122,03 млрд долл. США (прирост на 33,5%). В апреле с.г. внешнеторговый оборот Китая увеличился на 33,8% и составил 70,22 млрд долл. США – это первый случай, когда месячный объем внешней торговли страны превысил 70-миллиардную отметку.

Такие показатели экспорта достигнуты в результате роста промышленного производства электронного, машиностроительного и автомобилестроительного секторов, в которых ежемесячный экспорт

Рисунок 6

Источник: построено по данным Государственного статистического управления КНР /ГСУК/.

Локомотивом роста ВВП за рассматриваемый период стали традиционно основные для КНР сферы: постоянное наращивание притока иностранных инвестиций, рост экспорта и расширение внутреннего потребительского рынка.

Инвестиции. Инвестиции по-прежнему остаются главным стимулятором быстрого развития китайской экономики. За первые четыре месяца текущего года объем использованных иностранных инвестиций превысил 17 млрд долларов США, что на 51,3% больше по сравнению с тем же периодом 2002 года.

Таким образом, несмотря на имеющие место факты негативного воздействия эпидемии атипичной пневмонии на китайскую экономику, зарубежные инвесторы в целом пока положительно оценивают перспективы ее развития и продолжают финансовые вложения.

превышает экспорт за тот же период прошлого года более чем на 40%.

Рост внутреннего потребительского рынка. Экономика Китая на данный момент остается достаточно изолированной от влияния глобального замедления темпов экономического роста. Это обусловлено тем, что только лишь одна пятая его экономики зависит от внешней торговли, что значительно меньше, чем практически у всех остальных «успешных» экономик Азии.

Огромный внутренний рынок Китая потенциально является неограниченно емким для любого производителя. А так как разница в уровне доходов в Китае довольно значительна и прослойка бедных слоев населения достаточно широка, то повышение уровня жизни в Китае еще не один год будет означать прямопропорциональное повышение спроса на товары потребления.

Так, в первом квартале с.г. объем розничной продажи потребительских товаров в среднем вырос на 9,2% и составил примерно 1,12 трлн юаней. Наибольший спрос в январе-апреле 2003 года был отмечен на такие товары, как: автомобили, дома, электроника и бытовая техника.

В целом достаточно серьезным показателем, демонстрирующим значительные улучшения на внутреннем потребительском рынке, является рост индекса потребительских цен (CPI) в первом квартале на 0,5% – это первый рост за последние 15 месяцев.

Вместе с тем в экономическом развитии КНР отмечается сохранение и ряда проблемных моментов:

- ⇒ неравенство в распределении доходов по стране, из-за чего уровень жизни в разных регионах страны существенно отличается;
- ⇒ неудовлетворительное состояние сельского хозяйства;
- ⇒ проблема малой эффективности государственных предприятий;
- ⇒ растущая безработица (свыше 150 млн человек);
- ⇒ вопрос о «плохих» займах государственных банков.

Кроме того, многие эксперты отмечают реальную угрозу развития процесса так называемого «перегрева» китайской экономики, так как высокие темпы роста экономики неизбежно требуют повышенного напряжения в обслуживании этих темпов и значительных усилий по их поддержанию.

На данном этапе «перегрев» вызывается такими причинами, как нестыковка хозяйственных интересов субъектов на микро- и макроуровнях, искусственно заниженный курс национальной валюты, отсутствие механизма рыночных цен на энергоносители, сырье, транспорт и др.

На фоне этих негативных тенденций влияние фактора атипичной пневмонии может способствовать дополнительному ухудшению общей динамики экономического развития КНР в третьем и четвертом кварталах текущего года.

В социальном плане эта ситуация чревата, прежде всего, ростом безработицы. Так, в Пекине на неопределенное время закрыты увеселительные заведения, что означает вероятность увольнения или перевода на пособия десятков тысяч людей, занятых в этой сфере.

В целом, по совокупным оценкам, в случае разрастания эпидемии ущерб ЮВА и Китая может достичь 50 млрд долл., а рост китайского ВВП может приостановиться уже в третьем квартале. Однако, даже с учетом негативных факторов, Азиатский банк развития (АБР) прогнозирует, что совокупный экономический рост в Китае составит в этом году 7,3% (в прошлом году 8%).

* * *

Таким образом, в то время, когда во многих остальных крупных экономиках мира показатель темпов экономического роста ниже прогнозируемых на начало года уровней, Китай показывает результаты, превышающие прогнозные показатели. Таких результатов Китай достиг, сочетая привлечение значительных потоков иностранных инвестиций как в экспортноориентированные высокотехнологичные сферы, так и в материальную базу, а именно, в развитие инфраструктуры производства и недвижимости, тем самым способствуя относительному повышению уровня жизни населения и, соответственно, расширению внутреннего потребительского рынка.

В целом результаты экономического развития ряда ведущих стран в первом и начале второго квартала 2003 года демонстрируют следующие основные тенденции:

♦ практически все страны, за исключением Китая и в меньшей степени России, после рецессии 2001 года и низких показателей развития в 2002 году в настоящее время не в состоянии обеспечить выход на уровень стабильных положительных темпов экономического роста;

♦ окончание войны в Ираке и последовавшая определенная военно-политическая стабилизация незначительно улучшили настроения в потребительском, но не в предпринимательском секторе. Среди негативных моментов мировой экономики следует, в первую очередь, отметить возобновление свертывания инвестиций, сокращение промышленного производства (особенно заметное в отраслях, ориентированных на потребительский спрос) и продолжающееся сокращение рабочих мест;

♦ становится очевидным, что слабость экономики ряда ведущих стран во многом вызвана не только ростом неопределенно-

стей в связи с Ираком, но и более фундаментальными факторами.

Таким образом, несмотря на то, что новой волны глобального экономического спада не прогнозируется, на данный

момент существует достаточно много признаков того, что для преодоления слабости мировой экономики потребуется значительно больше времени, чем это предполагалось ранее.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА ЗЕРНА

Айгожина С.А.

Определение места и роли в мировой экономической системе, а также перспектив развития невозможно без анализа проблем развития мирового рынка, а также тенденций его развития.

В настоящее время мировой рынок зерна контролирует пять стран-экспортеров: США, Канада, Австралия, Аргентина и ЕС. Суммарные экспортные предложения зерна со стороны основной «пятерки» экспортеров составляют свыше 84% всего объема мировой торговли. Основными показателями, определяющими степень влияния страны на мировой рынок, являются: во-первых, доля в мировой торговле; во-вторых, отношение переходящих запасов к среднегодовому внутреннему потреблению в стране. По обоим показателям на сегодняшний день лидируют США, соответственно, США занимают ведущее положение на мировом рынке зерна, на их долю приходится 28% всего объема торговли; далее идут Канада –

17%, Австралия и ЕС – по 15% и Аргентина – 11% (см. диаграмму 1).

Основными потребителями зерна остаются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, такие, как Китай, Япония, Корея, Индонезия и Филиппины.

На мировом рынке зерна сложилась устойчивая специализация: производство зерна концентрируется в основном в развитых странах, а многие развивающиеся страны не в состоянии решить свои зерновые проблемы и вынуждены идти на широкий импорт зерна, кроме того, эксперты ОЭСР отмечают, что в условиях достаточного мирового зернового производства проблемы обеспечения зерном будут особенно остро стоять перед беднейшими странами, не имеющими средств на финансирование импортных поставок зерна. В настоящее время на мировом рынке зерна происходят изменения и можно наблюдать следующую картину: сократились посевы в США и Канаде;

Диаграмма 1

уменьшились переходящие запасы в крупнейших странах-экспортерах; на рынок вошли новые страны-экспортеры, такие, как Венгрия, Россия, Украина, Казахстан и Турция.

Основными видами зерновых культур на мировом рынке являются: пшеница, ячмень, овес, кукуруза, рис, гречиха и горох.

Мировое производство в 2001–2002 гг. оценивается в 1425,7 млн тонн (в том числе 571 млн тонн), мировое потребление зерна – 1910 млн тонн (в том числе пшеницы – 592,6 млн тонн). Объем мировой торговли зерном находился на уровне 233 млн тонн (в том числе пшеницы – 107,3 млн тонн).

В последнее десятилетие на мировом рынке идет процесс интенсификации зернового производства. Рассмотрим динамику показателей состояния мирового рынка зерна в 1990–2002 гг. (см. табл. 1).

снижению спроса на зерно и, соответственно, падению цен с последующей их стабилизацией. В 1997–1998 гг. цены на зерно упали в среднем на 25%. В 1998–2000 гг. среднегодовые колебания цен не превышали 5–8%. Падение привлекательности торговых операций на зерновом рынке стало причиной снижения насыщенности рынка. В 1999–2000 гг. на мировом рынке зерна начался спад производства. На этот период пришлось увеличение спроса на зерно со стороны ряда стран, снижение внутреннего производства в которых привело к росту потребностей в импорте. Рост мировой торговли в совокупности с увеличением объемов использования зерна привел к снижению остатков на конец года. По данным МСХ США, в 2001–2002 гг. произошло снижение мирового производства зерна на 10 млн тонн, увеличение объемов мировой торговли и внутреннего использо-

Таблица 1

Динамика показателей состояния мирового рынка зерна в 1990–2002 гг., млн тонн

Дата	Производство	Торговля	Использование	Остатки
1990/91	1403,0	189,7	655,4	362,3
1991/92	1334,3	206,2	644,9	349,1
1992/93	1433,7	206,4	663,2	388,7
1993/94	1357,0	187,9	654,2	351,4
1994/95	1395,2	199,8	669,5	340,1
1995/96	1341,4	186,9	638,3	291,3
1996/97	1490,4	191,3	673,4	330,9
1997/98	1493,3	189,6	682,7	336,9
1998/99	1478,5	198,3	677,0	389,8
1999/00	1464,2	216,5	681,7	377,7
2000/01	1436,0	203,5	680,8	351,5
2001/2002	1425,7	204,7	695,1	291,1

Источник: «International trade statistics 2000». – World Trade Organization, 2000.

При сокращении посевных площадей на 5,5% валовой сбор зерна вырос на 2,4%, урожайность зерновых культур в среднем возросла на 8,5%. Стимулом для увеличения производства стал рост объемов использования (потребления) и мировой торговли зерном соответственно на 4% и 7,3%.

Однако в 1997–1998 гг. объем производства зерна достиг своего пикового значения, что привело к росту насыщенности зернового рынка и как следствие к увеличению остатков на конец года, которые остаются высокими на конец 2000 – начало 2001 сельскохозяйственных годов. Данное обстоятельство привело к

вания зерна соответственно на 1,2 млн тонн и 14,3 млн тонн. К концу 2001 г. – началу 2002 г. мировые остатки зерна составили 291 млн тонн. Это самый низкий показатель за последние десять лет.

Анализ тенденций развития мирового рынка зерна позволяет отметить, что мировое производство зерна в краткосрочной перспективе способно в целом удовлетворить спрос на продукты зернового производства, даже при ожидаемом в ближайшие 20 лет ежегодном увеличении населения планеты на 80 млн человек. В этих условиях прирост зерновых культур будет происходить в основном за счет его развития в тех странах,

где имеются для этого благоприятные условия. В качестве отрицательных тенденций, способных сдерживать дальнейшее наращивание мирового производства зерна, являются ограниченность площадей земель, пригодных для посевов зерна, что связано с высоким уровнем урбанизации и необходимостью сохранения лесных массивов, экологические осложнения в связи с дальнейшим вовлечением незадействованных земель, ограниченность водных ресурсов, сокращение финансирования в целом сельскохозяйственного производства. Рассмотрим мировой рынок зерна. Как мы уже отмечали, на долю пшеницы приходится порядка 40% мирового производства и 52% мировой торговли зерном. Очевидно, что ситуация на рынке пшеницы фактически определяет развитие всего зернового рынка (см. диаграмму 2).

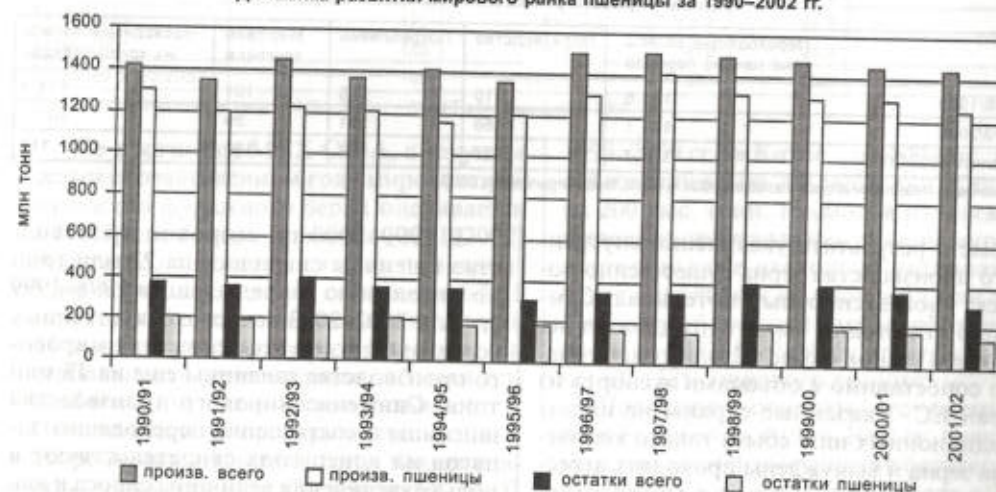
- производство снизится на 11,2 млн тонн, или на 1%;
- объем мировой торговли возрастет на 3,4 млн тонн, или на 3,3%;
- остатки пшеницы на конец года сократятся на 26,8 млн тонн, или на 17%.

Так как пшеница является доминирующей зерновой культурой на мировом рынке зерна, то сокращение остатков пшеницы означает сокращение остатков зерна всего мирового рынка зерна.

Подготовленный МСХ США в августе 2001 г. прогноз состояния зернового рынка свидетельствует о том, что тенденция снижения производства и остатков в последующем сельскохозяйственном году продолжится. Основным фактором, который будет влиять на состояние баланса мирового рынка, станет увеличение использования зерна на 2,1%, которое в условиях снижения мирового производства

Диаграмма 2

Динамика развития мирового рынка пшеницы за 1990–2002 гг.

Как и на рынке зерна в целом, пик производства пшеницы пришелся на 1997–1998 гг., ситуация наибольшего спада производства пшеницы наблюдалась в 1994–1995 гг. В 2001–2002 гг. также мы наблюдаем спад производства пшеницы. Это снижение связано, как мы отмечали выше, с сокращением посевных площадей, ограниченностью водных ресурсов, а также с проблемами финансирования сельскохозяйственного сектора.

По прогнозам МСХ США, мировой рынок пшеницы в 2001–2002 гг. будет развиваться под действием следующих факторов:

приведет к существенному сокращению остатков. Кроме того, показатель увеличения или уменьшения остатков имеет наибольшее влияние на изменение цен мирового рынка зерна (см. табл. 2) Увеличение остатков ведет к снижению, а их уменьшение, соответственно, к росту цен. Таким образом, опираясь на прогноз МСХ США, сегодня можно ожидать, что в целом динамика цен на зерно в 2001–2002 гг. будет иметь тенденцию к повышению.

Как мы уже отмечали, ценовая динамика формируется в основном под влиянием изменения остатков на конец сельскохозяйственного года. Все показатели

Таблица 2

Соотношение показателей остатков пшеницы на конец года среднегодовых цен на пшеницу мягк. красн. озимая пшеница (США FOB Мекс. залив)

Дата	Остатки на конец года, млн тонн	Среднегодовые цены долл./тонна мягкая красн. озимая пшеница (США FOB Мекс. залив)
1997/98	145,6	131,25
1998/99	171,1	102,5
1999/00	167,9	99,2
2000/01	157,7	103,1
2001/02	130,9	

Источник: «International trade statistics 2000». – World Trade Organization, 2000.

позволяют прогнозировать укрепление мировых цен на пшеницу. Исходя из математических зависимостей, рост среднегодовых цен на пшеницу может составить 12–15%.

В текущем году в структуре мировой торговли пшеницей можно прогнозировать некоторые изменения, т.к. на мировом рынке появились новые серьезные игроки – Казахстан, Россия и Украина, ко-

10–12% в год. Однако в целом уровень мировых цен будет во многом зависеть от экспортной политики США, т.к. сегодня роль первой скрипки в мировой торговле зерном играют именно США (на их долю приходится 31% мирового экспорта).

В 2001–2002 сельскохозяйственных годах, исходя из баланса мирового рынка пшеницы, производство пшеницы в мире сократилось (см. табл. 3).

Таблица 3

Баланс мирового рынка пшеницы (млн тонн)

	Переходящие запасы на начало периода	Производство	Потребление	Мировая торговля	Переходящие запасы на конец периода
1998/1999	145,6	610	585	101	171,1
1999/2000	171,1	588	591	99	167,9
Прогноз 2002/2003	157,7	575	588	100	118

Источник: «International trade statistics 2000». – World Trade Organization, 2000.

торые в результате увеличения внутреннего производства зерна существенно повысят свой экспортный потенциал. Суммарно эти страны смогут предложить на мировой рынок около 12 млн тонн зерна, что сопоставимо с объемами экспорта из стран ЕС. Указанные страны не имеют традиционных ниш сбыта такого количества зерна и вынуждены проводить агрессивную ценовую политику, т.е. предлагать зерно по низким ценам, что может замедлить темпы роста мировых цен на зерно до

В 1999–2000 гг. мировое производство пшеницы снизилось на 22 млн тонн по отношению к предыдущим 1998–1999 гг. А в 2002–2003 сельскохозяйственных годах прогнозируется снижение мирового производства пшеницы еще на 13 млн тонн. Снижение мирового производства пшеницы и сокращение переходящих запасов на конец года свидетельствуют в пользу увеличения величины спроса и как следствие повышения уровня цен на мировом рынке зерна (см. табл. 4).

Таблица 4

Мировые цены на пшеницу, 2001 г., FOB, USD/t

Производство	Качество	FOB	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
США	2SRW	Мекс. залив	97,10	99,65	107,95	110,85	113,85
США	2SRW	Озера	98,95	98,95	105,70	105,70	-
США	2SW	Тихий океан	117,95	118,70	119,80	121,25	122,35
Дания	SM	Дания	99,50	101,60	405,85	111,95	113,90
Франция	SM	Франция	98,75	99,80	103,80	109,40	111,05
Германия	SM	Германия	110,85	114,20	118,10	124,45	126,35
Англия	SM	Великобритания	98,35	99,95	104,45	110,65	112,80

Источник: «Global Economic Indicators». – World Bank, 1995–2000; «Global Economic Prospects and the Developing Countries». – World Bank, 2000; «International trade statistics 2000». – World Trade Organization, 2000.

По фьючерсным контрактам на декабрь 2001 г. в США наблюдалось повышение мировых цен на продовольственную пшеницу до 113–125 долл./тонн, в Европе до 111–126 долл./тонн. В конечном счете история распорядилась, чтобы специализацию на пшенице сохранили в первую очередь районы, находящиеся в переселенческих странах: США (пшеничный пояс), Канаде (степные провинции), Аргентине (Пампа – специализированное кукурузное хозяйство в районе к северо-западу от Буэнос-Айреса), Австралии и Казахстане (на его северных целинных землях).

Мировой рынок кормового зерна в последние три года характеризуется стабильным уровнем производства (см. табл. 5). Рассмотрим баланс мирового рынка кормового зерна.

Баланс мирового рынка кормового зерна

Год	Переходящий остаток с прошлого года	Производство	Потребление	Мировая торговля	Переходящие остатки
1998/1999	128	880	872	85,5	135
1999/2000	135	878	870	91,4	143
Прогноз 2002/2003	143	879,1	880	92,5	140,9

Источник: «International trade statistics 2000». – World Trade Organization, 2000.

По прогнозам МСХ США, в текущем сельскохозяйственном году мировое производство фуражного зерна оценивается в 879,1 млн тонн, в прошлых (2001–2002) сельскохозяйственных годах производство кормового зерна составило 878,1 млн тонн. Т.е. наблюдается стабильность объемов производства. Несмотря на стабильность производства, объемы потребления кормового зерна повышаются. По сравнению с прошлым годом объем потребления в текущем году, как ожидается, вырастет на 1,2% (см. табл. 6). С ростом объемов потребления в прямой пропорциональности растут объемы мировой торговли (рост прогнозируется также на уровне 1,2%). В прошлом сельскохозяйственном году рост составил 7%. Около 95% всего товарного объема кор-

мового зерна приходится на шесть основных экспортеров: США, Аргентину, Австралию, Китай, Канаду и страны ЕС.

Мировой рынок фуражного ячменя. В структуре мирового производства грубых зерновых на долю ячменя приходится 15%.

Рассмотрим состояние мирового рынка фуражного ячменя.

Мировой рынок фуражного ячменя в 1999–2000 гг. характеризовался снижением производства с 136 млн тонн до 128 млн тонн. По прогнозам МСХ США, в 2002–2003 гг. объемы мирового производства будут продолжать сокращаться и составят 131 млн тонн. Наиболее значительно на мировую ситуацию будет влиять сокращение объемов производства в странах ЕС на 2,4 млн тонн уровня

Таблица 5

1999–2000 гг., в Китае – на 500 тыс. тонн, в Австралии – на 290 тыс. тонн, Канаде – на 200 тыс. тонн. Несмотря на снижение мирового производства, объемы мировой торговли даже несколько увеличатся и будут находиться на уровне 16 млн тонн. Роль первой скрипки в мировой торговле на этапе 2002–2003 гг. будут играть страны ЕС (52% мирового экспорта).

Необходимо отметить, что объемы мировой торговли в 1999–2000 гг. будут сохранены за счет сокращения остатков переходящих запасов на конец года с 28 до 24 млн тонн. Остатки переходящих запасов ячменя будут сокращены во всех основных странах-экспортерах: ЕС – на 3 млн тонн, Канаде – на 330 тыс. тонн, Австралии – на 50 тыс. тонн. Цены мирового рынка определяются в основном еже-

Таблица 6

Показатели состояния мирового рынка ячменя в 1999–2002 гг., млн тонн

	Производство	Потребление	Торговля	Остатки
1990/00	128,1	132,8	12,6	24
2000/01	132,8	132,5	16,6	24,4
2001/02	131,9	134,4	16,2	22

Источник: Khusalov B.D. «The Economies of Kazakhstan and Russia After the Crisis: a Macroeconomic Analysis» (english), in Business Magazine «Exporters», 2000. – №2-3. – P. 12–15.

годными показателями производства и потребления ячменя и наличием остатков переходящих запасов. В 1999–2000 гг. ожидается снижение мирового производства и сокращение остатков переходящих запасов на конец года, эти факторы свидетельствуют в пользу повышения уровня цен на мировом рынке.

щено увеличением экспорта остальными странами –экспортерами кукурузы. США увеличивают экспорт кукурузы на 6,1 млн тонн, Южная Африка – на 0,8 млн тонн, Аргентина – на 0,6 млн тонн, Украина – на 0,5 млн тонн. Поэтому мировая торговля кукурузой в 2000–2001 гг. сокращается на 0,6 млн тонн.

Таблица 7

Соотношение показателей остатков ячменя на конец года среднегодовых цен на фуражный ячмень (ФОБ Франция), млн тонн

Период	Остаток млн тонн	Среднегодовые цены долл/тонна
1997/98	32,187	102,6
1998/99	28,784	75,2
1999/00	24,08	97,3
2000/01	24,47	97,5
2001/02	21,98	

Источник: Khusainov B.D. «The Economies of Kazakhstan and Russia After the Crisis: a Macroeconomic Analysis» (english). In Business Magazine «Exporters», 2000. – №2-3. – P.12–15.

Мировой рынок кукурузы в 1998–1999 гг. характеризовался ростом производства с 573 млн тонн до 592,5 млн тонн (см. табл. 8).

По прогнозам Министерства сельского хозяйства США, объемы мирового производства в 1999–2000 гг. будут продолжаться увеличиваться и составят 606 млн тонн. Наиболее значительно на мировую ситуацию будет влиять рост производства в Аргентине на 1,7 млн тонн, Бразилии – 0,5 млн тонн, Мексике – 1 млн тонн, странах ЕС – на 1 млн тонн. Увеличение мирового производства сопровождается ростом потребления, уровень которого в 1999–2000 гг. составит 595 млн тонн. Однако в 2000–2001 гг. значительно сокращается экспорт кукурузы из Китая – почти на 6 млн тонн. Доля Китая в мировой торговле кукурузой уменьшается с 13,6% в 1999–2000 гг. до 5,5% в 2000–2001 гг. Почти на 2 млн тонн уменьшается экспорт кукурузы из стран Восточной Европы. Суммарная доля Венгрии и Румынии в мировой торговле кукурузой уменьшается с 2,9% до 0,4%. Существенное уменьшение экспорта кукурузы из Китая и стран Восточной Европы только частично будет возме-

Ведущим мировым экспортером в 1999–2000 гг. будут являться США (74% мирового экспорта). В 1999–2000 гг. США сохраняют объемы торговли на уровне прошлого года (49 млн тонн).

Оценка результатов ожидаемого мирового баланса наглядно показывает развитие мирового рынка кукурузы в 2000–2000 гг. Объемы производства превышают потребление, остатки переходящих запасов возрастают, увеличиваются объемы мировой торговли. Как правило, вышеперечисленные факторы свидетельствуют в пользу снижения цен мирового рынка кукурузы.

В течение последних десяти лет объем мировой торговли рожью колебался в пределах от 0,7 млн до 2,4 млн т в год. В 1999–2000 гг. торговля заметно увеличилась за счет необычно крупных отгрузок этого зерна в Россию, преимущественно в качестве продовольственной помощи. В 2000–2001 гг. торговля снова уменьшилась приблизительно на 0,6 млн т, при этом сокращение импорта России и Республики Корея было отчасти компенсировано увеличением польских закупок, достигших почти 450 тыс. т. Обычно значительная доля

Таблица 8

Баланс мирового рынка кукурузы (тыс. тонн)

Годы	Запасы на начало года	Производство	Потребление	Экспорт	Запасы на конец года
1998/1999	92,9	573,5	580,0	62,8	86,4
1999/2000	86,4	592,5	580,5	65,6	98,3
2000/2001	98,4	606,2	594,8	65,8	109,7

Источник: «International trade statistics 2000». – World Trade Organization, 2000.

мирового импорта ржи приходится на страны Восточной и Юго-Восточной Азии, при этом размеры закупок колеблются в зависимости от уровня цен. В 1995–1996 гг. на долю данного региона приходилось 80% мировой торговли рожью. Одна только Республика Корея в указанном сезоне импортировала около 1,1 млн т ржи. В последний раз показатель южнокорейского импорта достиг уровня в 0,4 млн т в 1999–2000 гг., после чего в следующем сезоне понизился до 100 тыс. Значительным и стабильным рынком ржи является Япония, закупающая ежегодно 0,3–0,4 млн т этого зерна. Более 3/4 мирового экспорта ржи приходится на ЕС, а остальная часть отгружается в основном Канадой и Украиной. В 2001–2002 гг. прогнозируется дальнейшее падение мировой торговли рожью. Сократятся закупки Польши, получившей значительно более высокий урожай, чем в предыдущем году. Учитывая сравнительно большие экспортные ресурсы в ЕС, можно предположить, что фактический объем мировой торговли будет зависеть от уровня цен, в особенности на азиатских рынках кормовых ингредиентов.

Прогноз МСХ США мирового производства грубых зерновых увеличен на 2,2 млн тонн, потребления – на 3,8 млн тонн, мировой торговли – на 1,45 млн тонн. Увеличение оценки производства грубых зерновых вызвано, прежде всего, ростом производства этого вида зерна на Украине – 0,9 млн тонн, в Австралии – на 0,4 млн тонн, в Венгрии – на 0,3 млн тонн, Канады и Египта – 0,2 млн тонн.

Повышение спроса на зерно и предполагаемый рост мировых цен на него будут способствовать в ряде стран использованию земельных резервов, которые в настоящее время не задействованы в соответствии с программами вывода земель из оборота. В этих условиях прирост производства зернового сектора будет происходить в странах, где для этого имеются все условия. В целом мировой рынок зерна в кратко- и долгосрочной перспективе способен удовлетворить мировой спрос на зерновые культуры. В связи с этим можно выделить следующие основные тенденции в развитии мирового рынка зерна:

- в наиболее развитых и богатых странах спрос на продукты зернового произ-

водства будет оставаться примерно на одном уровне, изменения коснутся в основном структуры потребления и качества продуктов питания;

- торговля переработанными и готовыми к употреблению продуктами будет развиваться быстрее, чем товарами, не прошедшими обработку;

- на первое место в мировом экспорте зерна выйдут США, Австралия и Новая Зеландия, потеснив страны ЕС;

- ряд развивающихся стран в Восточной Азии и Восточной Европе превратится в нетто-импортеров зерновых продуктов, следовательно, у крупных стран – производителей зерновой продукции и продовольствия появятся новые рынки сбыта;

- в результате ослабления протекционистских мер страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) увеличат импорт с 7% в 1992 г. до 20% в 2020 г., что может заставить эти страны провести структурную перестройку своего сельского хозяйства.

Общая тенденция в развитии зернового производства на рубеже веков заключается в следующем. До второй мировой войны продукцию отрасли поставляли на мировой рынок, как правило, страны, отнюдь не числившиеся передовыми в экономическом отношении, а главными импортерами были промышленные державы. В настоящее время сложилась другая картина: мощные потоки зерна перетекают с «Севера» на «Юг». Даже Великобритания, которая, казалось, была обречена зависеть от внешних источников снабжения продовольствием, сумела войти в десятку ведущих экспортеров зерна. Их чистый годовой вывоз из страны уже в середине 80-х годов превысил 3 млн тонн – и это при том, что на душу населения приходится лишь 0,12 га обрабатываемых земель. Такая ситуация произошла благодаря правильной, скоординированной политике стимулирования экспорта в этих странах. Однако растущее противодействие со стороны многих стран использованию их торговыми партнерами мер по стимулированию экспорта, типа субсидий, ставит вопрос о том, в каких формах может осуществляться экспортное стимулирование, с тем чтобы оно не встречало жесткого противодействия на мировых рынках.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Жуматаева А.Р.

Угольная промышленность является важной составляющей энергетического сектора Республики Казахстан. Однако на фоне инвестиционной привлекательности предприятий нефтяной и газовой промышленности угольные компании объек-

На шахтах УД ОАО «Испат-Кармет» на техническое перевооружение действующих предприятий в 2000–2002 гг. было израсходовано 64,7% общего объема освоенных капитальных вложений на производственное строительство (табл. 1).

Таблица 1

Виды производственного строительства в общем объеме освоенных капитальных вложений на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет» за 2000–2002 гг., %

Вид производственного строительства	Проценты в общем объеме освоенных капиталовложений
Реконструкция действующих предприятий	9,1
Техническое перевооружение действующих предприятий	64,7
Расширение действующих предприятий	2,7
Строительство новых предприятий	–
Поддержание действующих мощностей	23,5

Источник: Статданные шахт УД ОАО «Испат-Кармет».

тивно проигрывают по эффективности вложения средств.

В настоящее время подавляющая часть инвестиций в угольной промышленности формируется за счет собственных источников. Однако абсолютная величина сформированных финансовых ресурсов недостаточна для реализации крупных инвестиционных проектов. По этой причине практически все финансовые ресурсы используются на решение текущих задач.

На втором месте, как видно из табл. 1, – доля затрат на поддержание действующих мощностей (23,5%). Однако, несмотря на достаточно высокий удельный вес затрат на поддержание действующих мощностей, их объемы не соответствуют пока потребностям отрасли. Дело в том, что в последние годы на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет» в еще большей пропорции выросли удельные затраты на подготовку новых горизонтов, на выполнение работ, связанных с удовлетворением возросших

Таблица 2

Данные, характеризующие структуру горно-капитальных затрат на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет» за 2000–2002 гг.

Основные функциональные назначения выработок	Удельный вес горно-капитальных работ, планируемых по направлениям, % к итогу		Удельный вес затрат на горно-капитальные работы, планируемые по направлениям, % к итогу	
	2000 г.	2002 г.	2000 г.	2002 г.
Вскрытие месторождения	12,8	9,7	13,7	8,6
Транспортирование угля и породы	69,5	70,2	64,0	65,4
Вентиляция	8,9	8,5	9,9	15,9
Электропередачи и связь	0,2	2,3	0,7	1,4
Доставка людей	7,2	6,4	6,6	6,2
Водотлив	1,2	2,1	4,8	1,8
Выработки, пройденные в соответствии со специальными требованиями ПБ	0,2	0,8	0,3	0,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Статданные шахт УД ОАО «Испат-Кармет» по годам.

потребностей по обеспечению безопасных условий труда, охраны природы, а также стоимость приобретаемого горно-шахтного оборудования. При подземном способе добычи угля на горно-капитальные работы приходится значительная часть общих капитальных вложений, осуществляемых в период эксплуатации шахт, планируемых по направлениям. В этой связи нами исследована структура горно-капитальных затрат на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет» по основному функциональному назначению выработок. Полученные данные представлены в табл. 2.

капитальных работ, планируемых по направлениям, на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет».

Из таблицы следует, что на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет» преобладают затраты на проведение наклонных выработок (уклонах, бремсбергов и ходков при них), так как углубка горных работ уклонными полями все еще является преобладающей на пологих и наклонных пластах Карагандинского бассейна.

Фактически достигнутая эффективность реструктуризации угольной промышленности Казахстана представляет

Таблица 3

Фактическая структура горно-капитальных работ, планируемых по направлениям, на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет» за 2000–2002 гг.

Выработка	Удельный вес затрат на горные работы в общих капитальных затратах, планируемых по направлениям, %	
	2000 г.	2002 г.
Откаточные и вентиляционные штреки	18,4	18,3
Уклоны, бремсберги	24,1	23,8
Квершлаг	10,9	11,7
Стволы	9,6	9,0
Камеры	19,9	20,0
Прочие горные выработки	17,1	17,2

Источник: Статданные шахт УД ОАО «Испат-Кармет» по годам.

Около 2/3 всех рассматриваемых затрат приходится на выработки, служащие в основном для транспортирования угля и породы в шахте. Однако основное увеличение затрат произошло за счет проведения вентиляционных выработок, стоимость которых наиболее точно реагирует на рост газообильности и пластов по мере углубления горных работ на действующих шахтах.

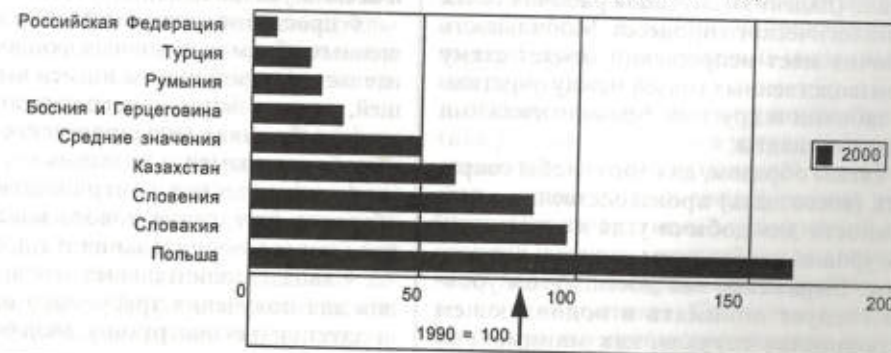
В табл. 3 приведены данные, характеризующие фактическую структуру горно-

капитальных работ, планируемых по направлениям, на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет».

капитальных работ, планируемых по направлениям, на шахтах УД ОАО «Испат-Кармет».

Рисунок 1

Капиталовложения на 1 млн т добытого угля в отдельных странах с переходной экономикой в 2000 г. (1990 г. = 100)

мышленности. Это обстоятельство может поставить под угрозу сам процесс реструктуризации, что весьма актуально и для нашей страны (табл. 4).

В настоящее время особо ощущается нехватка инвестиционных ресурсов, необходимых для воспроизводства основных фондов отрасли. Дело в том, что одной из специфических особенностей угольной, как и любой другой отрасли горнодобывающей промышленности, является то, что нормальный ход производственного процесса требует постоянного воспроизводства основных фондов.

По мере отработки запасов угля основные фонды, с помощью которых обеспечивалась нормальная добыча полезного ископаемого, в значительной мере ликвидируются и вместо них необходимо вводить (а для этого надо сначала создать) новые, которые позволят в дальнейшем (при других конкретных производственных условиях) нормально вести отработку запасов полезного ископаемого. Шахта в технологическом отношении является непрерывной стройкой.

допустимую величину. Дело в том, что по мере строительства происходят различные технические усовершенствования, которые органически ведут к увеличению объемов производства. В отдельных случаях при отработке запасов угля, при резком ухудшении горно-геологических условий залегания, а также в период реконструкции приходится поддерживать мощность шахты на меньшем уровне, чем был достигнут раньше. По принятой (условной) терминологии эти затраты называют «затратами на поддержание мощности».

Особенностью угольной промышленности как добывающей отрасли является то обстоятельство, что строительство новых шахт неразрывно связано с величиной запасов полезного ископаемого и условиями его залегания.

И, наконец, следует отметить еще одну важную особенность: каждая угольная шахта имеет свойственную только ей производственную структуру, которая сложилась в результате влияния специфических условий; двух одинаковых шахт не бывает.

Таблица 4

Динамика основных показателей реструктуризации угольной промышленности в Казахстане

Показатели	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Добыча угля, млн т	72,6	69,7	58,7	74,8
Число занятых, тыс. чел.	48,1	47,0	45,7	51,1
Рост производительности труда (1990 г. = 100), %	74,8	95,8	108,9	108,7
Капитальные вложения, млн долл. США	69,2	25,8	21,1	22,5

Источник: Зыков В. М., Скрыль А. И. Основные результаты 10-летней реструктуризации угольных отраслей стран с переходной экономикой // Уголь. - 2002. - №4. - С. 69-72.

В отличие от предприятий большинства других отраслей промышленности строительство на действующей шахте является необходимой составной частью производственного процесса добычи угля. По мере отработки запасов угля непрерывно меняется по горизонтали (простиранию) и вертикали (падению) ситуация рабочих точек технологического процесса. Мобильность рабочих мест непрерывно меняет схему производственных связей между очистными забоями и другими технологическими звеньями шахты.

Таким образом, для того чтобы сохранить (воссоздать) производственные возможности для добычи угля на достигнутом уровне, необходимы капитальные затраты. Выражение «на достигнутом уровне» следует понимать в подавляющем большинстве случаев, как минимально

затраты на поддержание производственной мощности действующих предприятий являются частью общих капитальных вложений, используемых в процессе расширенного воспроизводства. С теоретической точки зрения общая величина вложений в отрасль может быть (хотя и весьма условно) использована на:

♦ простое возмещение физически изношенных объемов основных фондов (строительство новой шахты взамен выбывающей, строительство нового горизонта взамен отработываемого, проведение горных выработок взамен погашаемых и т.д.);

♦ техническое совершенствование объектов (внедрение нового вида крепи, ввод нового оборудования и т.д.);

♦ ввод дополнительных основных фондов для получения требуемого прироста продукции (реконструкция, ввод очистных

забоев в дополнение к действующим, проведение дополнительных горных выработок, строительство на поверхности капитальных зданий и т.п.);

♦ прирост основных фондов в связи с углублением горных работ и усложнением горно-геологических условий (увеличение протяженности стволов, внедрение дегазации, кондиционирования и т.п.);

♦ улучшение техники безопасности и условий труда (проведение дополнительных выработок, строительство профилаториев и т.п.).

К каждой из этих групп могут быть отнесены затраты на ликвидацию диспропорций в пропускной способности смежных звеньев производственного процесса.

На эффективность пользования капитальных вложений в целом, и особенно на уровень затрат, расходуемых на поддержание мощности действующих угольных предприятий, влияют существенные изменения горно-геологических условий.

Влияние природных факторов на экономические показатели объясняется неодинаковостью «категорий земли» [2], лучшие из которых отличаются наличием «естественных условий повышенной производительной силы труда...» [3]. Анализируя экономические последствия использования некоторых таких «естественных факторов производства» [4] в промышленности, Маркс пишет: «Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем производительная сила труда, применяемого в большинстве фабрик такого же рода. Его большая производительная сила обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да, кроме того, требуется и меньшее количество живого труда... Эта большая индивидуальная производительная сила применяемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства...» [5].

На показатели экономической эффективности разработки угольных месторождений влияют такие природные факторы, как вынимаемая мощность угольного пласта и количество пластов; объемный вес угля; общая величина промышленных запасов участка; глубина залегания пластов, угол падения и расстояние между пласта-

ми; газообильность пластов; тектоническая нарушенность месторождения; крепость и вязкость угля и боковых пород; устойчивость пород кровли и почвы пласта; водообильность участка; наличие и относительная мощность природных прослоев в пласте; потребительские свойства угля (пригодность для коксования, теплота сгорания, зольность; содержание серы, влаги и др.). Часть перечисленных факторов проявляется независимо, другие корреляционно связаны между собой. Так, газообильность пласта и склонность к внезапным выбросам угля и газа заметно повышаются по мере углубления горных работ; объемный вес угля в какой-то мере характеризует его теплоту сгорания, поскольку оба эти показателя связаны с геологическим возрастом месторождения и т.д.

Экономическая оценка природных факторов в горной промышленности тесно связана с определением кондиций угольных пластов, под которыми подразумевается выявление границ технически возможной и экономически выгодной эксплуатации месторождений. Методология установления кондиций основывается на экономическом сравнении издержек производства, имеющих место в случае разработки тех или иных запасов и в случае отказа от их эксплуатации.

Регулирование человеком природными факторами путем установления эксплуатационных кондиций имеет негативный характер и сводится к установлению наимыгоднейших границ отказа от разработки отдельных месторождений и участков. Несмотря на такую, казалось бы, ограниченность в средствах воздействия на природный фактор, эти средства весьма эффективны. Обоснованное установление границ целесообразной разработки месторождений оказывает большое влияние на экономическую эффективность капитальных вложений, направляемых в горную промышленность и связанные с ней отрасли.

Таким образом, инвестиционная политика угольной отрасли в условиях формирования рыночных отношений сталкивается с рядом острых специфических проблем. Производственно-технический потенциал отрасли запущен ввиду длительного недофинансирования и требует коренного обновления. Социальная инфраструктура и условия проживания шахте-

ров во многих угольных районах находятся на низком уровне.

К числу наиболее острых проблем относится рост зарегистрированной и скрытой безработицы и неполной занятости на предприятиях, усиление тенденции долговременной безработицы. Ряд теоретиков и практиков считают, что в известном смысле полезна «маленькая» безработица, которая усиливает заинтересованность в труде и его результаты: человек якобы дорожит своим рабочим местом, повышается его ответственность, производственная дисциплина и т.п. Однако наличие «маленькой» безработицы в Казахстане, да и в других странах СНГ, не подтвердило такого оптимизма. Более того, с появлением безработицы возникли новые социальные трудности. Моральные потрясения безработных, чувство лишних людей в обществе, апатия, назревание социальных взрывов – все это подтверждает вышеизложенное.

На предприятиях угольной промышленности Казахстана изменение уровня занятости не соответствует динамике производства. Высвобождение работников в процессе реструктуризации угольной отрасли значительно усиливает напряженность на рынке труда в угольных регионах. Ожидание значительного сокращения рабочих мест, в связи с начавшимся структурным преобразованием шахтного фонда и закрытием (ликвидацией, объединением) ряда шахт Карагандинского бассейна, определяет необходимость проведения мероприятий по диверсификации производства с созданием рабочих мест в областях, далеких от угледобычи. Для низко рентабельных производств и затухающих угледобывающих предприятий Казахстана диверсификация производства имеет особое значение.

Как показывает мировой опыт, получение дополнительной прибыли от мероприятий по диверсификации позволяет стабилизировать финансовое положение, накопить средства для реконструкции производства и создания новых рабочих мест. Другой целью диверсификации является удовлетворение потребностей собственно угледобывающих предприятий в продукции, работах и услугах.

В течение 1997–1998 гг. только по угольному департаменту ОАО «Испат-Кармет» – главному угледобывающему

предприятию Карагандинской области – снижение численности работающих составило 7381 чел. За эти же годы не было создано ни одного рабочего места для работников, высвобождаемых с угольных предприятий. Кроме того, имеется огромная армия шахтеров с ликвидируемых шахт и находящихся в отпусках без сохранения содержания, так называемые скрытые безработные, т.е. считающиеся занятыми по действующему законодательству, но не работающие и не получающие заработной платы на самом деле. Такое положение вызывает озабоченность со стороны государства, профсоюзов, работодателей и трудящихся. Поэтому в целях снижения социальной напряженности в угольных регионах при реструктуризации отрасли должна быть разработана четкая программа мероприятий по диверсификации производства в Казахстане. Правительство и работодатели должны выделять средства для финансирования создания новых рабочих мест, переподготовки кадров и т.п.

В настоящее время состояние окружающей среды в большинстве угледобывающих регионов Казахстана находится в тяжелом положении, во многом в прямой зависимости от деятельности угледобывающих предприятий и потребителей добываемого угля низкого экологического качества [6, 7, 8].

Экологические факторы, возникающие при функционировании угольной шахты, включают в себя воздействия, оказываемые угледобывающими предприятиями на окружающую среду, и воздействия, оказываемые окружающей природной средой на работу угледобывающего предприятия.

Воздействие угольной шахты осуществляется через атмосферу, земельные ресурсы и недра. Воздействие на воздушную среду происходит при горении и пылении породных отвалов, образующихся при добыче угля и выходе на поверхность шахтных газов, вызывающих парниковый эффект, таких, как углекислый газ и метан. Воздействие на земельные ресурсы происходит при изъятии под породные отвалы и охранные зоны, а также в виде провалов, пучения и проседания почв, образующихся в результате ведения горных работ. Водная среда подвержена следующим негативным последствиям, оказываемым угледобывающим предприятием: за-

грязнение поверхностных и подземных вод и изменение гидрогеологического режима. Воздействие на недра осуществляется путем их загрязнения, воздействия на объекты в зоне земельного отвода и нарушения естественной целостности массива пород в результате ведения горных работ.

Окружающая среда также оказывает воздействие на угледобывающее предприятие, которое отражается на технологии ведения горных работ технико-экономических показателях. Воздействие окружающей среды на угольную шахту проявляется в основном в виде опасности обрушения массива горных пород, выделения из угольных пластов летучих газов и притока подземных вод в горные выработки. Данные воздействия сильно влияют на технологию добычи угля. Обводненность усложняет процесс угледобычи и зависит от величины водопитока. Выделение летучих газов увеличивается с увеличением глубины разработки, вызывая при этом проведение предварительной дегазовки угольных пластов.

В сложившихся условиях главной стратегической целью инвестиционной политики отрасли на ближайшую перспективу является возрождение и перевооружение лучшей части ее предприятий на новой технологической основе, наращивание производственного потенциала с учетом возрастающей потребности в угольном топливе.

Основной путь решения этих проблем – мобилизация угольными предприятиями собственных источников инвестиций, в том числе:

♦ повышение размера амортизационных отчислений предприятий в соответствии с увеличением рыночной стоимости ранее созданных объектов основных фондов;

♦ прирост прибылей предприятий за счет снижения издержек производства на основе реструктуризации отрасли, диверсификации производства, нормализации взаимоотношений с потребителями угольной продукции, повышения качества реализуемого угля.

Необходимо совершенствовать амортизационную политику, которая должна стимулировать ускоренное списание средств производства и труда и увязать такую практику с реальной активизацией выбытия устаревшей техники, что явится

стимулирующим фактором роста затрат на обновление основного капитала.

Одним из источников инвестиций в отрасль должно стать получение заемных средств (кредитов). Из-за низкой рентабельности отрасли (при сложившихся ценах и тарифах) для большинства угольных предприятий долгосрочное кредитование пока малодоступно, однако отдельные высокорентабельные предприятия могут финансировать развитие за счет заемных средств. В этой связи предусматривается разработка приемлемых методов использования залога (ипотечное кредитование) и таких форм аренды оборудования, как финансовый лизинг.

В связи с большой капиталоемкостью и низкой рентабельностью угольной отрасли целесообразно временно, на период ее становления в рыночных условиях, освободить предприятия отрасли и доходы инвесторов от взимания налогов на прибыль до полного возмещения капитальных затрат, произведенных инвестором, и погашения кредитов.

Для повышения эффективности использования инвестиционных средств вырабатываются приоритеты: первоочередное финансирование объектов, наиболее эффективных по своим экономическим параметрам; развитие необходимых мощностей в регионах с неудовлетворенным спросом на уголь; техническое перевооружение лучших действующих предприятий; нормализация социальной структуры предприятий и угольных регионов (совместно с региональными органами власти); создание необходимого числа новых, в основном непрофильных (для шахтеров), рабочих мест для трудоустройства горняков, высвобождающихся с закрываемых неперспективных шахт; диверсификация продукции предприятий угольной отрасли.

Возможность решения перечисленных проблем и разработка методов их решения определяют основные направления научных исследований в области разработки отраслевой инвестиционной политики на ближайшие годы. Таковыми являются:

♦ выработка критериев и методики оценки вариантов отраслевой инвестиционной политики;

♦ разработка методов и систем управления отраслевым инвестиционным процессом;

♦ создание благоприятного инвестиционного климата для предприятий и организаций отрасли;

♦ совершенствование методики оценки инвестиций в угольную отрасль, в том числе в мероприятия по диверсификации и созданию новых рабочих мест в условиях ее реструктуризации;

♦ совершенствование методики ранжирования и конкурсного отбора инвестиционных проектов как для угольной отрасли, так и в рамках программ местного развития шахтерских городов и поселков;

♦ прогнозирование потребности угольной промышленности в инвестиционных ресурсах;

♦ поиск и исследование источников инвестиционных ресурсов для развития отрасли;

♦ методы и схемы финансирования инвестиций в развитие предприятий угольной промышленности и др.

Реализация отраслевой инвестиционной политики невозможна без укрепления и развития строительной базы отрасли. Однако в связи с ограниченностью средств на научные исследования и разработки работы в области экономики, организации и управления шахтным строительством могут быть ограничены условиями необходимости и возможности обслуживания

ими развития основного производства. С этих позиций основными направлениями исследований в области шахтного строительства могут быть:

♦ прогнозирование потребности в строительных мощностях специального (шахтопроходчики, шахтомонтажники и т.д.) и общестроительного профиля;

♦ исследование возможности удовлетворения потребностей развития отрасли в строительных мощностях специального и общестроительного профиля;

♦ исследование возможности сохранения необходимых объемов производственной базы шахтного строительства в условиях временного спада производства и спроса на строительную продукцию;

♦ повышение эффективности функционирования шахтостроительного комплекса, снижение издержек производства и цен на готовую продукцию;

♦ экономические методы управления развитием шахтостроительного комплекса с целью обеспечения функционирования и развития угольной отрасли.

Исследования в перечисленных направлениях помогут найти подходы и повысить эффективность использования ограниченных инвестиционных средств для воспроизводства основного капитала отрасли.

Литература

1. Зыков В.М., Скрыль А.И. Основные результаты 10-летней реструктуризации угольных отраслей стран с переходной экономикой // Уголь. – 2002. – №4. – С. 72.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: Издание 2, том 25, часть II. – С. 216.
3. Там же. С. 196.
4. Там же. С. 193.
5. Там же. С. 192.
6. Каренов Р.С. Эколого-экономические проблемы в условиях рынка: (на материалах горной промышленности). – Алматы: Гылым, 1998. – 304 с.
7. Ракишев Б.Р., Омаров Т.Ш., Васильев О.В. Снижение загрязнения атмосферы при технологических процессах на разрезе «Майкубенский» // Комплексное использование минерального сырья. – 1996. – №4. – С. 77–80.
8. Ридель Р.И., Цыганков А.Н., Антоненко И.Г. Актуальные экологические проблемы г. Экибастуза // Уголь. – 1991. – №10. – С. 41–43.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КАЗАХСТАНЕ

Батпенев Т.

Сегодня ясно, что реализация принятой Программы инновационного развития Республики Казахстан является наиболее эффективной мерой обеспечения экономического роста, поскольку придаст существенный импульс развитию производства.

Для перевода экономики на инновационный путь развития необходимо создание разветвленной инновационной инфраструктуры. В нее входят производственно-технические структуры (инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы и т.п.), объекты информационной системы (аналитические и статистические центры, информационные сети и базы), организации по подготовке и переподготовке кадров в области инновационного менеджмента, финансовые структуры (бюджетные и частные венчурные фонды, страховые фирмы), системы экспертизы, патентования, лицензирования, сертификации, стандартизации и аккредитации.

Процесс создания инновационной инфраструктуры занимает длительное время. Даже в таких экономически развитых странах, как США, Германия и Япония, на это ушло около 10–15 лет.

В Казахстане за последнее десятилетие были юридически созданы такие элементы инновационной инфраструктуры, как бизнес-инкубаторы и технопарки. В настоящее время зарегистрировано около десятка технопарков и сорока бизнес-инкубаторов, которые на практике показывают свою определенную эффективность.

В основной своей массе существующие технопарки и технологические бизнес-инкубаторы созданы как коммунальные предприятия при местных органах государственного управления. Основной целью создания данных структур является попытка загрузить пустующие производственные площади и увеличить занятость трудоспособного населения. Деятельность этих структур в какой-то мере соответствует решению задач, которые обычно ставятся перед технопарками и технологичес-

кими бизнес-инкубаторами в соответствии с их классическим определением, таких, как:

- предоставление в аренду производственных и административных площадей;
- организация проката технологического оборудования;
- предоставление общих коммунальных и коммуникационных услуг.

Однако сегодня в их деятельности отсутствует главный фактор, определяющий их как технопарки и технологические бизнес-инкубаторы – создание и внедрение инноваций.

Наглядным тому примером является правопреемник «Казахсельмаша» ОАО «Астана-Технопарк».

Так, в соответствии с Уставом ОАО «Астана-Технопарк» из пятнадцати видов деятельности общества только три относятся к научно-технической сфере, а именно:

- разработка проектно-конструкторской и технологической документации, подготовка производства продукции машиностроения, изделий и товаров народного потребления;
- сбор и обработка информации по высоким технологиям, научно-техническим и опытно-конструкторским разработкам и созданию инновационной базы;
- научно-техническая и экономическая экспертиза инновационных проектов.

В момент формирования ОАО «Астана-Технопарк» дирекцией технопарка была определена следующая стратегия развития:

• первый этап – «промышленный парк» – улучшение финансового положения технопарка за счет привлечения инвестиций на новые, готовые к реализации инновационные проекты и коммерческие предложения, диверсификации производства, оптимизации структуры управления;

• второй этап – «технологически ориентированный промышленный парк» – формирование и внедрение системы взаимоотношений «наука-производство», т.е. установление долгосрочного сотрудниче-

ства технопарка с ведущими отечественными научными учреждениями и зарубежными парками, техническое перевооружение и модернизация технологий;

• третий этап – «исследовательский парк» – за счет финансовых средств технопарка развитие научно-исследовательских работ по высоким технологиям, опытно-экспериментальной зоны, внедрение высокотехнологичных проектов, создание социальной зоны технопарка.

С целью установления долгосрочного сотрудничества технопарка с отечественными научными учреждениями между ОАО «Астана-Технопарк» и Карагандинским государственным техническим университетом, Научно-исследовательским центром по прогнозированию машиностроения в 2000 году был заключен договор о совместном сотрудничестве.

В соответствии с этим договором университет и центр, с целью развития прикладных научно-исследовательских, конструкторских работ и организации производства, брали на себя обязательства по передаче технопарку новых технологий, ноу-хау, методических и информационных материалов, а также проведению технической и экономической экспертизы инновационных проектов, подготовке специалистов в области машиностроения и создания на территории технопарка совместного предприятия для реализации совместных импортозамещающих инновационных проектов.

Однако эти мероприятия остались не реализованными.

Некоторыми отличиями обладают технопарки, созданные при научных центрах, но и их нельзя считать в полной мере отвечающими классическому определению технопарков.

Так, например, Технопарк Казахского национального университета им. аль-Фараби – это скорее исследовательское подразделение КНУ, т.к. существуют:

- недостаток частных инновационных предприятий как малых и средних предприятий (МСП), так и крупных;
- статус подразделения КНУ.

Однако, на мой взгляд, в случае если данный Технопарк не получит достаточных инвестиций и поддержки со стороны промышленности, то наиболее приемлемое его название – Университетский центр прикладных исследований.

Для всех технологических бизнес-инкубаторов характерным является отсутствие инновационной направленности в деятельности малых и средних предприятий, созданных в этих инкубаторах.

Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости разработки нормативных документов, позволяющих провести аттестацию существующих и создаваемых технопарков и бизнес-инкубаторов, с целью определения их соответствия требованиям, предъявляемым к подобным структурам, и оказания им в последующем поддержки со стороны государства.

Другие субъекты инновационной инфраструктуры в республике практически отсутствуют. Причиной этого в первую очередь является недостаточность нормативно-правовой базы и неразвитость рынка ценных бумаг.

Одним из первых шагов по формированию необходимой нормативно-правовой базы является принятие Закона Республики Казахстан «Об инновационной деятельности». Законом определены специализированные субъекты инновационной инфраструктуры, компетенция государственных органов, формы государственной поддержки инновационной деятельности.

В ближайшем будущем планируется разработка подзаконных актов, формирующих правовое поле инновационной деятельности.

В дальнейшем необходимо внести изменения в действующее законодательство с целью стимулирования хозяйствующих субъектов к внедрению новых разработок, совершенствованию технологических схем. В частности, необходимо предусмотреть налоговые и таможенные льготы и преференции для предприятий, создающих инновации.

Использование в производстве достижений науки и техники всегда было наиболее узким звеном в цепи наука – производство. Одними из причин этого являются недостаток информации о новых разработках как отечественных, так и зарубежных, отсутствие анализа потребностей реального сектора в инновационном продукте.

В связи с этим требуется создание специального органа, занимающегося формированием и актуализацией информационных сетей и баз данных об инновациях, анализом рынков инновационных продук-

тов, тенденций развития науки и новых технологий.

В мировой практике чаще всего этими вопросами занимаются так называемые «центры трансферта технологий». Наряду с информационным обеспечением и анализом, эти структуры осуществляют мониторинг инновационного развития и контроль над экспортом и импортом технологий.

Одной из наиболее важных составляющих инновационной инфраструктуры и требующей значительного развития является система финансирования инновационных проектов. Наряду с прямым инвестированием таких проектов, в мировой практике широкое распространение получило венчурное финансирование.

Венчурный капитал как альтернативный источник финансирования частного бизнеса зародился в США в середине 50-х годов, а в Европе он появился в конце 70-х годов прошлого столетия.

В Европе венчурная индустрия наибольшее развитие получила в Великобритании. В целом по Европе за последние десять лет венчурный бизнес аккумулировал более 46 млрд евро долгосрочного капитала, проинвестировано около 200 тыс. частных компаний. В Европейскую ассоциацию венчурного капитала, основанную в 1973 году, входит 320 венчурных фондов и компаний, а в целом в Европе их число достигает 500. В то же время в одном лишь штате Техас венчурных фондов и компаний насчитывается свыше 200, а в Силиконовой долине (штат Калифорния) – свыше 600.

Функциональной задачей венчурного капитала является содействие развитию бизнеса путем предоставления определенной суммы денежных средств в обмен на участие в компании – пакет акций. Венчурные фонды и компании – это посредники между синдицированными инвесторами и предпринимателями.

Целью венчурного капитала является получение высокого дохода от инвестиций. При этом рост доходов определяется не объемами производственной прибыли, а ростом курсовой стоимости акций инвестируемых предприятий.

Как свидетельствует мировой опыт, увеличение капитала в десять раз за 5–7 лет считается нормально ожидаемым результатом для европейского и американс-

кого фонда. По оценкам российских специалистов, в России такие результаты ожидаемы и за 1–2 года.

Учитывая низкую технологическую укладность сырьевых отраслей промышленности в Казахстане, инновационные проекты могут иметь высокую экономическую эффективность.

Процесс венчурного финансирования условно можно разделить на три части: «сбор средств», «определение объектов инвестирования и само инвестирование» и «получение доходов за счет роста курсовой цены акций».

Реализация первого этапа, на мой взгляд, уже в настоящее время является реально осуществимой. В Казахстане в достаточной степени присутствует финансовый капитал, накопленный такими финансовыми институтами, как банки второго уровня, страховые компании и пенсионные фонды. Эти институты в настоящее время инвестируют свободные средства в государственные казначейские обязательства и ноты Национального банка. Хотя эти финансовые обязательства не являются высокодоходными, они, в первую очередь, – высоконадежные финансовые инструменты получения прибыли. Таким образом, основным фактором, при определении объектов вложения средств, для финансовых институтов является фактор гарантированного возврата инвестируемых средств. Свидетельством этого также является двух- и более кратное превышение кредитной ставки банков второго уровня над ставкой рефинансирования.

Минимизация рисков возвратности вложенных средств для вышеупомянутых институтов возможна двумя путями: государственным страхованием таких рисков и развитием венчурного финансирования.

Государственное страхование, на мой взгляд, возможно осуществить путем создания специализированной государственной страховой компании или передачей этих функций «Банку развития Казахстана». При этом государство получит возможность косвенного регулирования негосударственных инвестиционных потоков путем определения приоритетных для инвестиций секторов экономики, для которых предоставляются государственные гарантии.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ И РЕФЕРЕНДУМОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ НА ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Муканова Н.А.

Для развития венчурного бизнеса необходимо задействование как минимум двух основных факторов:

1) наличие венчурных фондов и компаний, обладающих достаточным потенциалом для оценки перспективности инновационного проекта и рисков его реализации;

2) наличие вторичного рынка ценных бумаг.

Для достижения доверия к венчурным фондам и компаниям необходимо на начальном этапе привлечение специалистов из-за рубежа и организация переподготовки кадров из имеющегося числа менеджеров и экспертов, а в дальнейшем размещение государственного заказа в вузах на подготовку специалистов такого профиля.

Процесс формирования и развития вторичного рынка ценных бумаг требует активного государственного вмешательства. На начальном этапе формирования вторичного рынка ценных бумаг интерес к биржевым операциям с ценными бумагами в первую очередь определяется не столько высокой доходностью, сколько ликвидностью акций и гарантией получе-

ния дохода. В связи с этим государству необходимо вынести на вторичный рынок часть принадлежащих ему акций крупных компаний, гарантируя выплаты дивидендов и обратную скупку акций по рыночному курсу, а на начальном этапе – не ниже номинала. Это позволит привлечь негосударственный капитал в виде портфельных инвестиций без потери государственного контроля над предприятиями и сформировать первоначальную биржевую активность.

Привлеченные таким образом средства необходимо использовать на развитие предприятий, акции которых были реализованы на рынке ценных бумаг, путем размещения заказа на разработку и производство инновационного продукта.

Кроме того, такие действия вызовут необходимость создания дееспособных биржевых контор, что в дальнейшем будет способствовать выходу на рынок акций других акционерных обществ.

Таким образом, на мой взгляд, реализация вышеизложенных предложений должна стать одним из первых шагов по формированию перспективной инновационной инфраструктуры в Казахстане.

Уважаемые читатели!

Казахстанский институт стратегических исследований предлагает Вашему вниманию серию книг, выпущенных в 2002–2003 гг.

- ✦ **Политика и интересы мировых держав в Казахстане.** Коллектив авторов: Б.К.Султанов, Л.М.Музапарова, А.Е.Абишев, В.Ф.Галямова, Л.Г.Ерекешева, А.Г.Кожихов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- ✦ **New challenges and new geopolitics in Central Asia: after September 11.** Коллектив авторов: М.Ашимбаев, М.Лаумулин, Е.Тукумов, Л.Гусева, Д.Калдиева, А.Кожихов. На английском языке. Алматы: КИСИ, 2003.
- ✦ **Каспийский регион на современном этапе: проблемы, тенденции, перспективы.** Сборник материалов конференции. Алматы: КИСИ, 2003.
- ✦ **Экономические аспекты интеграционных процессов: опыт Европейского Союза.** Материалы международной конференции. 5 марта 2003 г. Алматы: КИСИ, 2003.

По вопросам приобретения книг обращаться в редакцию журнала по телефонам: 646-667, 645-571.

Очевидно, что апрельское Послание Президента РК, где основной упор был сделан на социальные реформы, электорат Казахстана воспримет как предвыборную платформу.

С приближением очередных выборов в маслихаты (осень 2003 г.) и в Мажилис Парламента РК (осень 2004 г.) актуализируется анализ электорального поведения. Ведь выборы – это тот период, в который мнения избирателей о политике и деятельности политических выборов, находящихся у власти, резко обостряются.

В связи с этим считаем целесообразным проанализировать электоральное поведение граждан Казахстана на общенациональном и региональном уровнях на последних Президентских и Парламентских выборах 1999 г.

Из всех форм политической активности, прежде всего, выделяется *электоральное поведение*. В широком смысле под «электоратом» понимают избирательский корпус населения данного района, округа, страны или население, делегировавшее свои избирательские голоса определенному кандидату, партии и т.д. В публицистической литературе термин «электорат» становится символом слова «народ».

В западной литературе понятием «электоральное поведение» описывается преимущественно активность электората, или, другими словами, степень активности участия граждан в голосовании и других связанных с ним политических действиях. Наиболее удачно, на наш взгляд, интерпретировал понятие «электорат» югославский социолог С.Михайловски: «Электорат – это все совершеннолетние граждане, у которых есть общие условия и возможность добровольно и ответственно, с равными правами участвовать в выборном процессе и оказывать воздействие на его ход и конечный результат» [1].

Итак, электорат – это граждане, обладающие избирательным правом. Электоральное поведение – это поведение граждан в период проведения избирательных кампаний, референдумов и других политических акций, связанных с делегированием властных полномочий.

Политология исследует структурные элементы поведения избирателей и факторы, определяющие их решения. В ней к структурным элементам, объясняющим поведение избирателей, относят общественную структуру и политическую систему, на микроуровне – связь избирателя с его социальной и культурной средой, общественными организациями, а также коллективный исторический опыт. К политическим элементам электорального поведения относятся условия партийной конкуренции, численность и перспективы альтернативных партий (кандидатов), уровень гражданской культуры в обществе, осуществляемая в данный момент внутренняя и внешняя политика определенного государства, экономическая ситуация, масштаб предвыборной борьбы и т.д. К личностным факторам относятся стабильные, уже сформированные в процессе социализации общества, нормы, образцы поведения, а также политические взгляды в данный исторический момент.

Электоральное поведение как проявление политического участия в нашей стране изучается сравнительно недавно. В основном в фокусе казахстанских исследователей находятся такие проблемы, как степень политического участия граждан Казахстана, ход избирательных кампаний как президентских, так и парламентских выборов. За первые годы перестройки и обретения независимости в стране прошли следующие политические кампании:

• в 1989 г. – выборы народных депутатов СССР, выборы депутатов местных советов;

• 25 марта 1990 г. – выборы Верховного Совета КазССР XIII созыва;

• 1 декабря 1991 г. – выборы первого Президента Казахстана;

• 7 марта 1994 г. – выборы депутатов Верховного Совета РК XIII созыва;

• 29 апреля 1995 г. – референдум по вопросу продления полномочий Президента РК до 1 декабря 2000 г.;

• 30 августа 1995 г. – референдум, посвященный принятию Конституции РК;

• 5 декабря 1995 г. – выборы депутатов Сената;

• 9 декабря 1995 г. – выборы депутатов Мажилиса;

• 10 января 1999 г. – выборы Президента (досрочные);

• 7 июля 1999 г. – выборы в Сенат;

• 10 октября 1999 г. – выборы в Мажилис и маслихаты.

Анализируя ход избирательных кампаний, специфику электорального поведения казахстанцев, мы пришли к следующим заключениям.

В советское время у населения отмечался стойкий политический навык участия в выборах. До 1989 г. участие в выборах было обязательным. С 1989 г. выборы становятся открытыми для всех желающих реализовать свое пассивное избирательное право. С началом демократизации в нашей стране можно наблюдать последовательное снижение числа участвующих в голосовании: если в выборах в Верховный Совет СССР в 1989 г. приняло участие 90% граждан, в выборах в местные и республиканские органы власти в 1990 г. – около 83–87%, то в парламентских выборах в 1995 г. в РК участвовало уже около 79–84% избирателей (во втором туре голосования 64,69%).

В выборах первого Президента Казахстана 1 декабря 1991 г. приняло участие 88,23% избирателей. Высокий процент участия на Президентских выборах и референдумах можно объяснить как активностью властных структур по мобилизации электората, так и тем, что люди продолжают сохранять веру в сильных лидеров.

По данным информационно-аналитического центра Верховного Совета только пятая часть избирателей знала тех, за кого они голосуют, почти половина избирателей не знала о них ничего. Голосование из гражданского долга – было основным мотивом участия.

На общенациональном уровне в 1991–1999 гг. отмечалось снижение численного состава электората – с почти 8,8 млн до 7,3 млн избирателей, что объясняется как демографическими тенденциями, прежде всего отрицательным сальдо миграции, так и наличием абсентизма. Одновременно с утратой одних навыков граждане Казахстана приобретали другие. Участие в выборах становилось хотя и менее массовым, но появляется и определенная компетентность в отношении самого голосования. Граждане стали более ориентироваться на то, какие политические позиции выражают политики и меньше – на личные симпатии.

Казахстанский избиратель на президентских выборах в основном руководствовался наиболее понятными и близкими ему ценностями сохранения общенациональной экономической и политической стабильности. Общенациональное единство обнаруживается в желании всех поддержать политическую стабильность. Голосование же на выборах депутатов Мажилиса уже требует от него компетентного понимания своих интересов как представителя определенной социальной группы, что не было достигнуто на предыдущих парламентских выборах.

Несмотря на широко распространенное мнение об аполитичности населения, на выборы в Парламент в 1999 г. пришло 62,56% населения, что свидетельствует о приоритетности выборов по сравнению с другими формами политического участия. Когда все способы давления на власть ею успешно игнорируются, то выборы в этом отношении – наиболее приемлемый способ отстаивания интересов. При сохранении динамики выборных ожиданий бойкотирование выборов маловероятно.

Рассмотрев общие тенденции электорального поведения по стране, обратимся к анализу особенностей на уровне региона.

Начнем со сравнительного анализа уровня политического участия по республике и двух областей Западного Казахстана (Атырауской и Мангистауской). Атырауская и Мангистауская области – доноры, имеющие устойчивые показатели роста в экономической сфере, относятся к числу перспективных нефтедобывающих регионов, где производство ВВП на душу занятого населения возросло в

наибольшей степени по стране (120–130%). В то же время эти области относятся к регионам с серьезным разрывом, с одной стороны, в экономическом, а с другой – в социально-экологическом развитии. Здесь отмечается резкий контраст в социальном развитии промышленных центров и села.

Снижение уровня жизни за годы реформ увеличило число пессимистов и тех, кто отдал предпочтение на последних выборах за коммунистов и за представителей национально-патриотических сил. Их число увеличили социально-уязвимые слои населения – творческая интеллигенция, пенсионеры, работники аграрного сектора, многодетные женщины и безработные.

Общеизвестно, что после 1993 г. социальная активность населения пошла на спад. Как отметили политологи, в то время «народ устал от политики». Думается, что усталость от политики стала следствием того, что социально-политическая активность людей не оправдала их надежд и ожиданий, прежде всего в плане улучшения их материального благосостояния, а провозглашенные властями реформы не принесли благополучия в семьи. Так, со-

циально-экономическое развитие Атырауской и Мангистауской областей в 1993 и 1994 гг. характеризуется продолжающимся спадом производства, снижением уровня жизни населения.

Потеря традиционных рынков сбыта, разрыв хозяйственных связей, разбалансированность механизма взаиморасчетов, высокий уровень дебиторской и кредиторской задолженностей привели к кризисному состоянию экономики и социальной сферы данных областей.

Постоянный рост цен и тарифов на потребительском рынке, несвоевременная выдача заработной платы, скрытая безработица снизили жизненный уровень основной массы населения областей.

Наиболее негативное влияние на развитие экономики и социальной сферы оказала низкая платежеспособность предприятий всех отраслей народного хозяйства из-за непрохождения платежей в страны СНГ, замедления прохождения их внутри Республики [2].

Однако по итогам двух референдумов, проведенных в 1995 г. (принятие новой Конституции 30 августа 1995 г. и референдум по продлению полномочий Президен-

Таблица 1

Политическая кампания	Республиканский референдум 30 августа 1995 г. по принятию Новой Конституции	Республиканский референдум 29 апреля 1995 г. по вопросу продления полномочий Президента РК
Всего по республике	89,14	95,46
Всего по области	94,68	95,58
Атырау	90,97	95,18
Жылыойский район	98,04	98,06
Индерский район	95,88	95,74
Исатайский район	98,32	90,56
Курмангазийский район	96,50	90,47
Макатский район	98,44	98,40
Махамбетский район	98,40	98,00

Таблица 2

Политическая кампания	Республиканский референдум 30 августа 1995 г. по принятию Новой Конституции	Республиканский референдум 29 апреля 1995 г. по вопросу продления полномочий Президента РК
Всего по республике	89,14	95,46
Всего по области	94,50	97,40
Актау	92,80	96,80
г. Жана-Озен	97,60	99,00
Бейнеуский район	98,00	97,20
Каракиянский район	98,80	96,40
Мангыстауский район	99,30	98,20
Тупкараганский район	95,40	97,90

Источники: 1. Сообщение об итогах выборов депутатов Мажилиса Парламента РК – «Казахстанская правда», 4 мая 1995 года, 30 августа 1995 года. 2. Протоколы областной избирательной комиссии Атырауской и Мангистауской областей.

та РК 29 апреля 1995 г.), мы видим высокую активность политического участия граждан Атырауской и Мангистауской областей при голосовании. Так, согласно статистическим данным, процент проголосовавших «За» на референдумах по Атырауской и Мангистауской областям превышает даже общенациональные показатели.

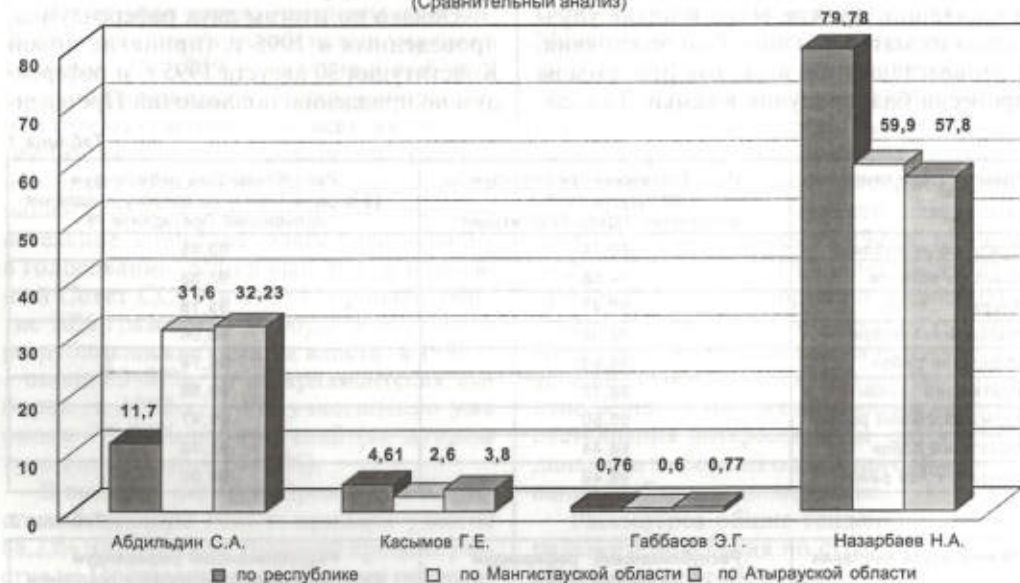
На наш взгляд, тенденция увеличения числа голосов в этих областях произошла скорее всего в результате мобилизации, поскольку сохраняется противоречие между демократическим императивом согласования интересов и практикой формирования политической воли вне электорального процесса.

В данном случае электоральное поведение граждан исследуемых двух областей характеризуется концепцией поведения референтной группы, которая, как замечает российский ученый Лабковская Е.Б., означает, что избиратель стремится

Очевидно, что в казахстанской политической системе для большинства граждан более значимым институтом является Президент, так как он располагает достаточными полномочиями для формирования общеполитического курса [4].

В среднем в выборах Президента РК в январе 1999 г. в Атырауской области приняло участие 200 585 избирателей, в Мангистауской области – 119 428 избирателей, включенных в списки избирателей. Первые альтернативные выборы Президента показывают, что более половины населения Мангистауской и Атырауской областей была за кандидатуру нынешнего Президента (59,9% и 57,8%). Вместе с тем эти же выборы показали высокую поддержку кандидатуры лидера коммунистов С.Абдильдина по двум областям и районам в целом (31,6% и 32,23%, что намного превышает общенациональные показатели 11,7%).

Динамика голосов, полученных на выборах Президента Республики Казахстан в 1999 г. (Сравнительный анализ)

поддерживать аттитюды и повторить поведение, принятое внутри его демографической или социальной группы [3].

При изучении политических симпатий мы имеем возможность показать, что электоральная активность зависит от значимости уровня выборов для избирателей. Наиболее важными для них являются президентские выборы, где, согласно результатам исследования, приняло участие 74,6% всех избирателей.

Подобное голосование нельзя однозначно связывать с доминированием коммунистического электората, т.к. уровень персонификации власти остается высоким.

Кроме этого, делая свой выбор, граждане определяли не только конкретных людей, но и альтернативные пути социально-экономического и политического развития, где главной задачей их избранника должна была стать защита местных социальных интересов.

На наш взгляд, повышение рейтинга лидера коммунистов в Мангистауской и Атырауской областях можно связать с предвыборной борьбой коммунистов, где умело была использована сформировавшаяся в обществе атмосфера недовольства и разочарования издержками социально-экономического развития как по стране в целом, так и по регионам в отдельности. Поэтому идея ликвидации социального неравенства в обществе, пропагандируемая КПК, оказалась выигрышной и привлекательной как для лидера КПК, так и для самой партии.

Анализируя итоги голосования выборов по партийным спискам, мы видим, что если по стране число сторонников КПК по сравнению с партией «Отан» было почти в два раза меньше, то по Атырауской и Мангистауской областям голоса распределились почти поровну.

Если учесть, что партия «Отан» считается проправительственной партией, а КПК – партией оппозиции, то электоральное поведение жителей Атырауской и Мангистауской областей можно охарактеризовать как протестное. Ведь главной особенностью протестного участия явля-

Таблица 3

Политическая партия	% поданных голосов		
	по республике	по Атырауской области	по Мангистауской области
КПК	17,75	25,07	27,24
АПК	12,63	5,05	5,30
Отан	30,89	26,05	31,21
Партия Народный Конгресс Казахстана	2,83	3,10	2,58
Партия Возрождения Казахстана	1,97	2,94	3,18
ДПК Азамат	4,57	5,01	3,77
НПК Алаш	2,76	3,69	4,40
Респ. партия труда	1,38	2,17	1,52
ГПК	11,23	12,94	6,74

Источник: Сообщение об итогах выборов депутатов Мажлиса Парламента РК. – «Казахстанская правда», 19 октября 1999 г.

Согласно данным Центризбиркома, результаты голосования по партийным спискам 10 октября 1999 г. были представлены следующим образом:

После опубликования результатов голосования Атырауская и Мангистауская области, наряду с Костанайской (25,7%) и Павлодарской (27,3%), были причислены отечественными политологами в регион «красного пояса».

При этом были указаны две причины таких результатов электорального поведения граждан вышеуказанных областей:

1. Преобладание избирателей, занятых в промышленной сфере, традиционно поддерживающих КПК.

2. Близость обозначенных областей к России, где сильны прокоммунистические настроения и преобладание граждан русской национальности [5].

На наш взгляд, особенность такого голосования нужно искать не в этнической и геополитической сферах, а скорее всего в социально-экономическом положении данных областей на момент проведения выборов и в историческом прошлом идеологии ком. партии.

ется отказ вовлеченных в него индивидов и групп от конструктивного сотрудничества с существующими в рамках данного социально-политического порядка структурами центральной и местной власти.

Как и во всех случаях протестного участия, источником такого поведения явилась депривация, то есть субъективные чувства недовольства большинства граждан Атырауской и Мангистауской областей по отношению к своему настоящему.

Факторами депривации в этих областях явились экономический спад, рост цен и налогов, утрата привычного социального статуса и завышенные ожидания, связанные с проводимыми реформами. Ситуация усугубилась еще и тем, что разочарование жителей Атырауской и Мангистауской областей оказалось тем сильнее, чем больше они поверили в то, что с обретением независимости эти области, сосредоточившие на своей территории большие запасы углеводородного сырья и имеющие большой транзитный потенциал, станут одним из основных звеньев стратегического плана развития Республики и определяться как самодостаточный регион с

высоким социально-экономическим уровнем развития, подобно второму Кувейту.

Выявляя связь между социально-экономическим развитием и уровнем политического участия граждан Атырауской и Мангистауской областей, прослеживается модель «стандартной социоэкономической мобилизации».

В соответствии с этой моделью повышение уровня социально-экономического развития граждан приводит к усложнению и интенсификации гражданских установок индивидов. Граждане в таких условиях испытывают более высокий интерес к общественным делам и нормам, определяющим необходимость политического участия. Рост гражданских ориентаций, таким образом, определяет расширение масштабов участия [6].

В числе факторов социоэкономического развития, оказавших особое влияние на вид политического участия граждан Атырауской и Мангистауской областей, следует указать, прежде всего, рост доходов, цен и тарифов, структуру занятости населения, правонарушения и др.

Так, по итогам социально-экономического развития Атырауской и Мангистаус-

числа обратившихся в службы занятости в поисках работы [8].

Кроме этого, согласно статистическим данным, на протяжении 1993–1998 гг. на потребительском рынке Атырауской и Мангистауской областей наблюдалась устойчивая тенденция в колебаниях темпов роста цен. Так, если 1995 г. прирост составил 108,8% по сравнению с 1994 г., то 1998 г. он сократился до 2,2%. В 1999 г. произошел очередной всплеск цен (на 18,6%), после перехода в 1999 г. к режиму свободно плавающего обменного курса тенге.

Ценовая политика производителей с 1993 по 1996 гг. осуществлялась в условиях массовых неплатежей, во многом определялась спросом на готовую продукцию. Из-за отсутствия средств у потребителей большое распространение получил бартерный обмен продукцией между предприятиями. В 1998 г. на снижение индексов цен в промышленности оказало влияние мировое снижение цен на нефть (на треть). А в 1999 г. произошло повышение цен на 95%, прежде всего из-за инфляции, издержек производства, поскольку опережающими темпами росли цены на продукцию промежуточного потребления [9].

Таблица 4

Годы	По Атырауской области (человек)	По Мангистауской области (человек)
1995 г.	12 808	12 948
1996 г.	25 613	13 008
1997 г.	19 680	16 985
1998 г.	10 767	21 182
1999 г.	16 000	18 439

кой областей, начиная с 1996 г. по 1999 г., по основным видам промышленной продукции уровень производства превышает объемы предыдущих лет. Внешнеторговый оборот области, сальдо торгового баланса, экспорт товаров и продукции в дальнее зарубежье характеризуются как положительные. Вместе с тем акимами Атырауской и Мангистауской областей и районов недостаточно принималось мер по стабилизации социально-экономического положения, преодолению спада производства, решению проблемы неплатежей, обеспечению своевременной выплаты заработной платы, снижению безработицы, укреплению правопорядка [7].

Так, в период структурной перестройки отраслей экономики в Атырауской и Мангистауской областях, начиная с 1995 г., устойчивой тенденцией становится рост

При анализе деятельности хозяйственных субъектов областей четко прослеживаются все этапы экономических реформ, различающихся как по глубине трансформации экономических отношений, так и по главным направлениям.

Пик ухудшения финансового состояния в сфере реальной экономики пришелся на 1997–1998 гг., при этом увеличилось число убыточных предприятий и организаций области, достигнув в 1998 г. своего максимального значения в 45,8% от числа отчитавшихся. Для справки: процент убыточных хозяйствующих субъектов за период 1995–1999 гг. составлял: 29,7%, 35,2%, 44,3%, 45,8%, 36,3% соответственно с суммами убытков: 1,4; 4,2; 25,2; 6,8; 9,1 млрд тенге. Следствием всего этого явились задолженности работникам по заработной плате и другим выплатам.

Так, задолженность предприятий по оплате труда на отраслях экономики Мангистауской области составляла: 1995 г. – 2545,7; 1996 г. – 4309,1; 1997 г. – 6877,1; 1998 г. – 6885,3 млн тенге [10].

Все это не могло не повлиять на электоральное поведение граждан Атырауской и Мангистауской областей, поскольку наш электорат находится на той стадии, когда идентификация возможна в большей мере на базе идеологии. Актом голосования избиратель делает выбор, соответствующий интересам и отвечающий его идеологическим предпочтениям. В то же время осознание невозможности влиять на исход выборов подталкивает его к минимизации усилий. Выбор избирателя зависит от индивидуальной оценки им экономической политики Правительства и собственных условий существования [11].

Соответственно, у либеральной идеологии электоральная база более узкая и состоит из элиты (государственных служащих, культурной и научной элиты).

На социал-демократическую идеологию ориентированы, главным образом, научно-техническая интеллигенция, врачи, учителя, госслужащие, промышленные рабочие. Коммунистические идеи оказались привлекательны почти для всех малоимущих и недовольных властями слоев населения, промышленных рабочих.

По мнению Р.Кадыржанова, за последние годы люди стали меньше бояться государства, но доверие к нему не возросло. Это неудивительно, поскольку главным вдохновителем и проводником реформ переходного периода в Казахстане является государство, но реформы пока что не повысили, а наоборот, значительно понизили жизненный уровень граждан.

Поэтому люди по-прежнему ощущают свою отчужденность от государства, от власти [12].

И именно поэтому, на наш взгляд, значительная часть электората Мангистауской и Атырауской областей на парламентских выборах по партийным спискам проголосовала за КПК, лидеры которой лишь отточили и усилили социально-политические притязания уязвленных слоев населения и своевременно использовали их в своих интересах. Обещания же Правительства по улучшению жизни народа, по мнению масс, повисли в воздухе, и ожидания людей по-прежнему оставались неудовлетворенными.

При анализе электорального поведения жителей Западного Казахстана мы исходили из ретроспективного анализа предыдущих электоральных кампаний, из местного эмпирического материала электорального характера, собранного и систематизированного во время предыдущих избирательных кампаний.

Электоральное поведение граждан в Казахстане имеет ряд особенностей, связанных с тем, как отражается процесс реформирования общества на социальном положении населения, общественном мнении и настроениях различных социально-демографических групп. В то же время условия жизни людей в рамках отдельных регионов страны обладают спецификой, влияющей на предпочтения электората.

Акцент на социальных приоритетах в последнем Послании Президента народу Казахстана создает условия для снижения остроты проблем бедности, безработицы и социальной защиты уязвимых слоев населения. Безусловно, это должно отразиться на электоральном поведении граждан Казахстана.

Литература

1. Михајловски С. Изборните субјекти во изборниот процес. Изборните за собранисткине тела во 1969 година – Скопје, 1972. – С. 38.
2. Об итогах социально-экономического развития Атырауской и Мангистауской областей за 1993–1994 гг. Государственный архив Атырауской области. Ф. 376, О. 1, Д. 29, Л. 350–354; Ф. 376, О. 2, Д. 92, Л. 225, 226; Текущий архив акимата Мангистауской области. – С. 26–30.
3. Лабковская Е.Б. Исследование поведения избирателей в американской политической психологии. – СПб, 1997. – С. 42.
4. Насимова Г.О. Электоральное поведение казахстанских избирателей // Саясат. – Январь 2000 года. – С. 36.
5. Мурзалин Ж.А. Тенденции развития партийной системы в Казахстане // Саясат. – Октябрь 1999 года. – С. 39, 40.
6. Гончарев Д.В., Гоптарева И.Б. Введение в политическую науку. – М., 1996. – С. 149.

7. Об итогах социально-экономического развития Атырауской области. Государственный архив Атырауской области. Ф. 376, О. 2, Д. 4, 11, 39; Статистический ежегодник Мангистауской области. – Актау, 2001.
8. Областная программа занятости населения Атырауской области на 1996–1999 гг. Ф. 376, О. 2, Д. 4, 79.; Статистический ежегодник Мангистауской области. – Актау, 2001. – С. 327–328.
9. Статистический ежегодник Мангистауской области. – Актау, 2001. – С. 546.
10. Там же. С. 539.
11. Ешпанова Д.Д. Парламентские выборы: электоральное поведение // Саясат. – 1999. – №7. – С. 35.
12. Кадыржанов Р. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. – Алматы, 1999. – С. 149, 150.

О ПРЕДМЕТЕ СОЦИОЛОГИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Джаманбалаева Ш.Е.

Понятие «девиантного» (отклоняющегося поведения) получило широкое распространение в зарубежной социологии в связи с развитием теории социальной дезорганизации Э.Дюркгейма, который понимал под ним поведение, несогласующееся с общепринятыми в обществе нормами. Дальнейшие исследования этого феномена способствовали появлению новых теорий и концепций отклоняющегося поведения. Многообразие научных теорий и школ значительно усложнило структуру современной западной социологии девиантного поведения. Оно, характеризуя стремление зарубежных исследователей к междисциплинарному научному подходу и рассмотрению проблемы девиантного поведения, внесло определенную концептуальную «загрязненность» в социологию девиантного поведения. В связи с увеличением числа работ, посвященных различным проявлениям отклоняющегося поведения и продолжающимся процессом вовлечения в проводимые исследования все новых отраслей науки, предмет социологии отклоняющегося поведения продолжает расширяться и видоизменяться. В результате под «девиантным поведением» стали пониматься разнокачественные явления как социального, так и психофизиологического свойства.

Итак, для исходного определения предмета исследования социологии девиантного поведения необходимо определиться с тем, какие именно явления следует относить к девиациям. Так, А.Козн называет отклоняющимся поведение, «которое идет

вразрез с институциональными ожиданиями» [1].

Д.Уолш утверждает, что «социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус, то есть только субъективное обозначение, «ярлык», а не объективное явление» [2]. Дж.Смелзер «девиацией» считает отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя [3]. Следует отметить, что, в традициях расширительного употребления зарубежными социологами термина «девиация», под «девиантностью» понимается любое отклонение от принятых в обществе социальных норм, начиная с самых незначительных, заканчивая самыми серьезными. В узком значении «девиантность» обозначает незначительные поступки, не подпадающие под статью Уголовного кодекса. Для более серьезных форм нарушения специалисты применяют другие термины, а именно «делинквентность» и «преступность».

В.И.Добренков и А.И.Кравченко называют отклоняющимся «всякое поведение, которое вызывает неодобрение общественного мнения» [4]. Я.И.Гилинский под «девиантным поведением» понимает конкретный поступок либо массовое социальное явление, выражающееся в поведении, нарушающем фактически сложившиеся или официально установленные в определенном обществе нормы и влекущие за собой санкции [5]. К основным формам девиантного поведения в широком смысле Я.И.Гилинский и В.С.Афанасьев относят:

- 1) пьянство и алкоголизм;
- 2) наркоманию;
- 3) преступность;
- 4) самоубийство;
- 5) проституцию;
- 6) гомосексуализм [6].

Взяв за основу определение «отклоняющегося поведения», данное Я.И. Гилинским, отметим следующее: во-первых, все формы проявления поведения (поступок, деятельность, образ жизни); во-вторых, отклонения не только от официальных, но и от неофициальных, фактически сложившихся, негласных социальных норм; и, в-третьих, различные виды санкций, которые всегда влечет за собой любая девиация – от группового и общественного неодобрения до полной изоляции девианта от общества.

При определении содержания категории «девиантное поведение» важно ответить еще на один вопрос: во всех ли случаях социальные отклонения негативны или они могут быть социально полезны?

Проблема позитивных девиаций обычно рассматривается с позиций креативного источника развития общества (социальное, научное, техническое и художественное творчество) и понимается как двигатель прогресса, однако признается не всеми. Мнения по этому поводу разделились. Так, например, В.Н.Кудрявцев считает, что с позиции и в рамках определенной системы, установившей жесткие границы должного, никакое отклонение от нормы не может рассматриваться как позитивное, «иначе не нужна была и норма» [7]. По мнению Б.Кутырева, отклонения могут быть направлены и в положительную сторону: «Мы имеем в виду, – пишет он, – например, проявление инициативы, предприимчивости» [8]. Я.И.Гилинский считает, что понятие «социальное отклонение» распространяется и на полезные поступки, к которым он, в частности, относит новаторство, социальное творчество [9].

С.С.Фролов позитивными девиациями называет культурно одобряемые отклонения, к которым относит сверхинтеллектуальность, особые склонности личности, сверхмотивацию, некоторые личностные качества [10].

На наш взгляд, возможность позитивной оценки некоторых форм девиантного поведения не вызывает сомнения. Данную позицию последовательно аргументирует

в своих трудах Я.И.Гилинский. «Развитие общества, – утверждает он, – есть процесс созидающий, утверждающий и – одновременно – отрицающий, разрушающий». Новое всегда выступает отклонением от нормы. Любое противоречие, любой процесс, система имеют положительную и отрицательную стороны. Отклонения от нормы также могут иметь двойкий характер: негативный – дисфункциональный, дезорганизующий систему, и – позитивный, служащий средством прогрессивного развития системы, повышения ее организованности. Так, позитивно отклоняющееся поведение, преодолевая устаревшие нормы и заменяя их новыми, прогрессивными, содействует развитию общественных отношений. Негативно отклоняющееся поведение – другой полюс социальной активности – способствует сохранению или реставрации старых, консервативных или реакционных элементов общественных отношений. При этом качества «позитивное» и «негативное» не имманентно присущи определенным формам деятельности, а выражают отношение к ним социального целого. Граница между социально-позитивным и негативным подвижна и изменяется в пространственно-временном континууме социума, образуя полярные (дополнительные) противоположности отклоняющегося поведения как системы. Диалектическое противоречие между организацией, порядком и беспорядком, нормой и аномалией служит необходимым условием развития.

Социальная норма есть сложное образование, объединяющее общественную необходимость, полезность, обязательность, желательность и фактическую необходимость. Часто позитивные и негативные отклонения от социальных норм не могут быть оценены как таковые с точки зрения одной и той же нормативной системы. В рамках определенной нормативной системы всякое отклонение от нее может рассматриваться создавшей эту систему социальной общностью в качестве негативного. И, напротив, отклонение от нормы может признано позитивным только с точки зрения более прогрессивной системы. Тогда такая норма будет рассматриваться как негативное явление.

Накапливаясь как массовый образец более прогрессивного поведения, такого рода позитивные отклонения постепенно

приводят к созданию новой социальной нормы, которая приобретает все большую распространенность и, наконец, становится общепризнанной.

При этом любая девиация может быть рассмотрена под углом зрения, во-первых, интересов той или иной социальной группы, в которой оно имеет место, во-вторых, перспектив развития общества. Оценки полезности, вредности или нейтральности поступка, его дозволенности или запрещенности, общественной необходимости или бесперспективности и т.п. со всех указанных выше позиций могут не совпадать и даже противоречить друг другу.

Таким образом, можно выделить три аспекта содержания категории «девиантное поведение» – во-первых, под «девиацией» может пониматься любое, даже прогрессивное отклонение от нормы. Во-вторых, традиционно под «девиантным поведением» понимаются негативные девиации как проявления социального «зла». В-третьих, в наиболее узком понимании под «девиантным поведением» подразумеваются такие отклонения, которые не влекут за собой уголовного наказания, иначе говоря, не являются противоправными.

Характерной чертой девиантного поведения является культурный релятивизм: один и тот же поступок может считаться в одном обществе положительным, в другом – рассматриваться как социальная патология. Много примеров тому можно было бы привести из семейного права и семейных традиций, обычаев у разных народов. Если в таких странах, как Голландия, Швеция, Норвегия, официально разрешены гомосексуальные браки и государством обеспечивается право усыновлять таким парам детей, то в казахстанском обществе, как и во многих других странах, подобное невозможно ни с точки зрения общественной морали, ни с позиции законодательства. Осложнения возникают даже в одном государстве, где действует единое законодательство, но проживают народы, следующие в быту разным традициям, особенно если эти традиции поддерживаются религиозными нормами. Таков, например, конфликт между требованием единобрачия по существу в Казахстане гражданскому праву и традицией многоженства, признаваемой исламом. Культурный релятивизм может быть сравнительной характеристи-

кой не только двух разных обществ, но также двух или нескольких больших социальных групп внутри одного общества. Пример таких групп – политические партии, правительство, социальный класс или слой, верующие, молодежь и подростки, женщины, национальные меньшинства. Так, по данным нашего социологического опроса, большинство современных подростков (65%) не считает девиацией ранние половые связи, а с позиции их родителей и учителей – добрые сексуальные связи в подростковой среде недопустимы.

Кроме того, критерии девиантности меняются во времени даже в рамках одной и той же культуры. После второй мировой войны курение получило в США широкое распространение и снискало социальное одобрение. Курить в квартире или офисе считалось нормальным поведением. Постепенно широкая общественность начала кампанию против курения. И сегодня в США курильщики превратились в объект всеобщего осуждения.

При исследовании девиантного поведения следует различать два типа отклонений: индивидуальное, когда отдельный индивид отвергает нормы своей субкультуры, и групповое, рассматриваемое как конформное поведение члена девиантной группы по отношению к ее субкультуре [11]. Так, самый обычный юноша из стабильной семьи, находящийся в окружении порядочных людей, может отвергнуть принятые в его среде нормы и проявлять явные признаки преступного поведения. В этом случае мы сталкиваемся с индивидуальным отклонением от норм в пределах одной субкультуры. Такая личность обычно рассматривается как индивидуальный девиант. Вместе с тем в каждом обществе много отклоняющихся субкультур, нормы которых осуждаются общепринятой, доминирующей моралью общества. Например, подростки из трудных семей проводят большую часть своего времени в подвалах. «Подвальная жизнь» кажется им нормальной, у них существует свой «подвальный» моральный кодекс, свои законы и культурные комплексы. В данном случае налицо не индивидуальное, а групповое отклонение от норм доминирующей культуры, так как подростки живут в соответствии с нормами собственной субкультуры. Субкультура в данном случае содер-

жит образцы поведения, привнесенные индивидуальными девиантами. В рассматриваемом примере каждый подросток, возвращающийся к общепринятому в обществе образу жизни, будет индивидуальным девиантом с точки зрения данной «подвальной» субкультуры, которая может применять по отношению к нему свои меры социального контроля.

Существуют различные классификации отклоняющегося поведения подростков. Одни авторы нарушения поведения у подростков подразделяют на следующие группы:

1) реактивно-обусловленные (побеги, суициды), обычно имеют в своей основе психотравмирующую ситуацию;

2) вызванные низким моральным уровнем личности (употребление наркотиков, алкоголизация, правонарушения), являются следствием неправильного воспитания;

3) обусловленные патологией влечений (садизм и др.), базируются на биологических факторах [12].

Другие рассматривают девиации в двух основных направлениях:

а) по форме проявления нарушения – делинквентность, побеги из дома, бродяжничество, ранняя алкоголизация, сексуальные девиации, суицидальное поведение;

б) в отношении причин, факторов, мотивов, лежащих в их основе, – биологические факторы, а также социально-психологические основы: социальная среда и психологические особенности подросткового возраста [13].

Третьи все нарушения поведения у детей и подростков подразделяют на девиантное поведение и нарушения поведения при психических заболеваниях [14].

Анализируя литературу, посвященную вопросам девиантного поведения у подростков, можно констатировать тот факт, что в последнее время девиантность также все больше становится объектом социологических и психологических исследований. Нарушения поведения у детей и подростков с их динамичностью и изменчивостью, нестойкостью и обратимостью, хотя и являются предметом подростковой психиатрии (так как в качестве причин девиантного поведения могут выступать конституциональные и другие отрицательные биологические факторы), тем не менее девиантность связывают в

большей мере с неблагоприятными социальными влияниями как в широком, так и в узком понимании. «Между явно патологическим и “нормальным” криминальным поведением существует цепь переходов, высказывается мнение, что различие между ними заключается в том, насколько в поведении представлены неосознанные, примитивные побуждения, с одной стороны, или преднамеренные и осознанные – с другой» [15]. Во главу угла ставится фактор контроля человека за своим поведением. Следовательно, при нормальном поведении сохраняется способность человека к моральному или этическому контролю над своим поведением, тогда как патологические личности следуют лишь немедленным побуждениям к получению удовлетворения, они не проявляют привязанности или преданности к другим людям или группам, к правилам поведения и, последнее, они не способны изменить свое поведение.

Возвращаясь к вопросу о предметной области социологии девиантного поведения, нельзя не отметить, что под влиянием уголовно-правовой теории и практики преобладающая часть исследований нацелена на изучение преступности. Поэтому отклоняющееся поведение как социальное явление зачастую трактуется в уголовно-правовом смысле. Но, как справедливо указывают Н.Аберкромби, С.Хилл и Б.Тернер, наиболее адекватным пониманием предмета социологии девиантного поведения является понимание его в качестве реакции на традицию криминологии [16]. Криминология и социология девиантного поведения резко расходятся в трех важных областях.

Исторически криминология интересовалась прежде всего феноменом нарушения правовых норм, тогда как в исследованиях девиантности используется гораздо более широкое определение отклонения, или девиации как всякого социально запрещаемого расхождения с нормой. Таким образом, множество различных форм поведения может подвергаться социальному осуждению даже в том случае, если поведение не является специфически незаконным. В качестве очевидных примеров могут служить сквернословие, принадлежность к «дурной компании», привычка не следовать договоренностям или злоупотребление спиртным. Таким образом, со-

циология девиантного поведения по сравнению с традиционной криминологией рассматривает в качестве предмета своего исследования гораздо более широкие, более разнородные образцы поведения. Она также склонна анализировать в качестве своего предмета любые типы поведения, которые самим обществом определяются как «девиантные». Исследования девиантности охватывают великое множество различных видов поведения (от употребления наркотиков до футбольного хулиганства и колдовства) как поведение, которое с точки зрения общественных норм считается девиантным.

Вторая область расхождений с криминологией состоит в том, что традиционная криминология сосредоточивалась на причинах преступления, находящихся как бы «внутри» отдельного преступника, тогда как социология девиантного поведения утверждает, что, по крайней мере, некоторые типы преступного поведения являются результатом осуществления социального контроля над подчиненными или маргинальными социальными группами. Теория девиантности занимается, в частности, ролью криминальных стереотипов и стигмы в создании девиантных карьер.

В-третьих, интерес криминологии к аналитическому различению между существованием преступности в обществе, преступной личностью (или характером) и преступным действием весьма незначителен. Объяснение существования преступников, казалось, означало объяснение наличия преступности в обществе. Социология же отклоняющегося поведения полагает, что вопросы девиантности в обществе и вопросы превращения в девианта должны рассматриваться как аналитически различные.

Следует отметить, что по степени массовидности, распространенности и форме проявления различаются три качественно специфических типа девиантного поведения: единичное девиантное поведение, совокупность однородных актов девиантного поведения и девиантное поведение как массовое явление. Эти разновидности девиантного поведения имеют особенности в детерминации, генезисе и развитии.

В связи с этим единый теоретико-методологический подход применительно к каждому типу девиантного поведения должен быть конкретизирован следую-

щим образом. При анализе генезиса единичного отклоняющегося поведения в качестве исходных понятий следует изучать потребности личности как психологическую побудительную, мотивирующую и регулирующую силу девиантной активности. Исследование типичных потребностей и мотивов, лежащих в основе однородного вида девиантного поведения, позволяет раскрыть механизм и особенности данного вида. Изучение девиантного поведения как массового социального явления необходимо основывать на анализе социальной позиции личности, являющейся ее интегративным, социально психологическим качеством, предопределяющим характер и направленность поведения в конкретных социальных ситуациях личности.

Социальная природа девиантного поведения как массового явления более чем очевидна. Можно рассматривать следующую причинную зависимость, продуцирующую девиантность как социальное явление: взаимодействие социальных процессов – объективные противоречия – дисфункции социальных институтов – деформация ценностных и нормативных структур – нарушение социальных норм. Официальная статистика и социологические исследования прямо указывают на связь структуры, состояния и динамики правонарушений с социально-экономическими условиями жизни общества. Иностранцами и отечественными исследователями эта взаимосвязь была достаточно прослежена. Известный американский криминолог Э.Шур, например, отмечал, что в наши дни «ни один думающий американец не может дольше игнорировать тесной зависимости между нищетой, неравными социальными возможностями, чувством обездоленности и несправедливости, с одной стороны, и преступности – с другой» [17].

Таким образом, социологическая интерпретация девиантного поведения должна включать в себя такие показатели, как объективная социальная направленность и общественные результаты поведения с точки зрения функционирования и развития личности, социальных групп, общностей и общества в целом; соответствие поведения социальным ценностям и нормам; оценку общественным мнением и социальные санкции.

Литература

1. Козн. А. Исследования проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. – М.: Наука, 1965. – С. 520.
2. Новые направления в социологической теории. – М.: Наука, 1978. – С. 98.
3. Смельзер Н. Социология / Перевод с англ. – М.: Феникс, 1994. – С. 239. – 688 с.
4. Добренев В.И., Кравченко А.И. Социальные институты и процессы. – М., 2002. – 368 с.
5. Гилинский Я.И. Социология отклоняющегося поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. – 1991. – №4. – С. 73.
6. Гилинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. – СПб: Филиал Института социологии РАН, 1993. – 246 с.
7. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 86.
8. Кутырев Б. Стимулы порядка // Наука и жизнь. – 1983. – №10. – С. 26.
9. Гилинский Я.И. Творчество: норма или отклонение // Социологические исследования. – 1990. – №2. – С. 41–49.
10. Фролов С.С. Социология: Учебник для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – С. 114, 117. – 360 с.
11. Горьковская И. Склонность к делинквентности как социально-психологическая проблема // Молодежь. Цифры. Факты. Мнения. – 1995. – №3. – С. 113.
12. Там же. С. 160.
13. Психологические механизмы насильственного преступного поведения. – М.: 1993. – С. 137.
14. Ковалев В.В. Патологические формы девиантного поведения у детей и подростков // Тезисы докладов VII Международного симпозиума детских психиатров социалистических стран. М.: Всесоюзное общество невропатологов и психиатров, 1986. – С. 134–143.
15. Горьковская И. Склонность к делинквентности как социально-психологическая проблема // Молодежь. Цифры. Факты. Мнения. – 1995. – №3. – С. 163.
16. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь / Пер. с английского под ред. к.социол.н. С.А. Ерофеева. – М.: Экономика, 2000. – С. 61–63.
17. Шур М.Э. Наше преступное общество. – М.: Издательство Прогресс, 1978. – С. 94.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см. со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (Word, Excel).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку. Автор (ФИО), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных [...] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

Бисенбаев А.К. Другая Центральная Азия. Алматы: «Аркас», 2003. – 300 с.

В своей новой книге А.К.Бисенбаев темой исследования избрал Центральную Азию как значительного и непосредственного актора евразийского пространства. В его книге затрагиваются этапы развития цивилизаций, существовавших в прошлом в регионе, и анализируются традиции, влияющие на формирование настоящего и будущего Центральной Азии.

В качестве послышки своего исследования А.К.Бисенбаев отметил тезис о том, что Центральная Азия должна рассматриваться как тип локальной цивилизации, т.к. определение ее места в мировой истории несет в себе политический подтекст. В частности, практически все лидеры государств Центральной Азии называли свои страны своего рода мостом между Западом и Востоком, и это местоположение должно указывать на возможность универсального восприятия достижений обеих частей света.

Автором комплексно анализируются общие тенденции развития стран Центральной Азии. Политическая конъюнктура определяет отношение к государствам этого региона как системе «N-станов», имеющих общие экономические, политические, социальные основы и единое цивилизационное происхождение, а также близкие по своему типу политические режимы и экономическую политику.

А.К.Бисенбаев, благодаря глубокому экскурсу в историю региона, детально изучает поэтапное развитие цивилизаций, их взлеты и падения, а также причинно-следственные связи имевших место тенденций развития.

Так, XX век он рассматривает как усиление пропасти по линии государственных границ некогда единого межцивилизационного пространства. В это время активные связи между Индией, Афганистаном, Ираном, Восточным Туркестаном были прерваны. Сильнейшей деформации подверглась система отношений в Центральной Азии в годы революции и установления тоталитаризма. Это был экспорт российской революции, который не мог встре-

тить отпора в силу множества обстоятельств.

Таким образом, в это время народы Центральной Азии смогли испытать на себе три варианта развития – в рамках моделей третьего мира (Афганистан, Иран, Пакистан, Индия), социалистического перехода к социализму, минуя капитализм (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан), китайский путь модернизации (СУАР).

Книга в композиционном плане состоит из двенадцати глав, в которых фундаментально раскрываются система взаимоотношений народов, населяющих данный регион, включая мировую торговлю, военные противодействия, культурные взаимосвязи, интеграционные процессы. Кроме того, рассматриваются этапы развития Центральноазиатского региона, подчеркивая значимость влияния мировых религий на судьбы народов, затрагивая процесс модернизации и современные тенденции глобализации.

Отдельно автором выделяется тема кочевничества, в частности, кочевая цивилизация, номадизм, как специфическая система социальных отношений и общественной организации, а также противостояние между номадами и земледельцами. Здесь А.К.Бисенбаев акцентирует внимание на вопросе о наличии государства у кочевников, который имеет широкий спектр мнений.

Исторические факты говорят о важном вкладе, который внесли кочевые народы в развитие мира.

Существенное значение на развитие Центральноазиатского региона, по словам автора, оказал Великий Шелковый Путь. Взаимоотношения между оседло-земледельческими и скотоводческими обществами вышли на новый уровень, ввиду открывшихся возможностей получения дополнительных доходов. Номады Евразийских степей были активными участниками торгово-обменных операций в качестве потребителей и распространителей продукции земледельческого производ-

ства. Занимая центральные области Евразии, они осуществляли контакты с цивилизационными центрами от Китая до Центральной Европы. Постепенно складывалась великая система движения товаров, технологий, ценностей, идей.

Изложения исторических фактов в книге активно подкрепляются сравнительным анализом. Основы создания государства в Европе и кочевой Азии существенно отличаются друг от друга. Если Европа шла по пути создания классового государства, в котором существуют противопоставленные демократического и аристократического элемента, а в позднее время и формирование бюрократии, то иначе обстояла ситуация в Степи. Естественно, что немаловажное значение имело соотношение государственных и негосударственных начал в жизни кочевых народов. Излишняя централизация вела к активному сопротивлению, а децентрализация – к превращению общества в архаичные, догосударственные объединения.

Здесь автор указывает на невозможность прямого утверждения о существовании структуры государства в силу того, что общепризнанная система сохранения и передачи власти играла важную роль в поддержании других государственных институтов – налогов, мобилизации, судебной системы и т.п. В этом случае можно говорить о существовании национального государства. Если же эти институты не развивались или отсутствовали, то речь должна идти о конфедерации племен.

В анализе исторического развития цивилизаций, существовавших на территории Центральной Азии, автор книги разделяет их по природной среде обитания и специфике ведения хозяйства. По его словам, кочевая и земледельческая цивилизации имеют определенные границы выживаемости, которые в основном соответствуют природно-климатическим зонам. Исключения составляют естественные пограничные зоны, в которых могли развиваться как земледелие, так и кочевое скотоводство. Именно эти территории были в основном аренами битв. Но принцип невмешательства во внутренние процессы развития оседлых регионов после их завоевания был доминирующим в кочевых государствах.

Таким образом, автор выявляет тезис о существовании в пространстве Централь-

ной Азии двух цивилизаций – кочевой цивилизации, ограниченной естественными пределами степного ареала, и оседло-земледельческой цивилизации речного пояса, тяготеющего к великим цивилизациям Востока. Приграничной линией между двумя мирами был регион, который занимали присырдарьинские города и Семиречье.

Как отмечает далее автор, отношения земледельцев и кочевников – это не только борьба, но и взаимное поглощение. История знает достаточно большое количество примеров, когда осуществлялся переход от оседлости к кочевничеству, и наоборот. Тесное взаимодействие кочевников с оседлыми народами приводило к различным процессам, в том числе к оседанию номадов и формированию сильных государств.

Также раскрываются причины последовательного расширения кочевой цивилизации. По словам А.К.Бисенбаева, единая кочевая цивилизация простиралась от Волги до Забайкалья. Поэтому, захватив часть территории, нельзя было останавливаться, а предстояло идти до последнего предела. Сама система функционирования кочевой цивилизации определяла логику взятия под свое крыло всех народов, живущих за войлочными стенами. Именно поэтому рождались огромные империи кочевников.

Целостное развитие региона исторически было насыщено как событиями, характеризующимися интеграционным сближением центральноазиатских государств, так и определенной степенью разобщенности народов. По словам автора книги, на сегодняшний день ситуация такова, что понятия «интеграция», «единство», не говоря уже об общности исторических корней и судеб, встречают всеобщее одобрение. В то же время понятия, соответствующие разобщенности, разной ментальности, цивилизационному надлому, воспринимаются как негативные.

Данный феномен имеет множество оснований, порой самых противоречивых. К ним можно отнести синдром пребывания в некогда едином государстве, обеспечивающем равенство и защиту интересов; стремление войти в единое общемировое пространство; психологический комплекс новых субъектов международного права, боящихся оказаться вне общемирового цивилизационного потока.

По мнению А.К.Бисенбаева, необходимо время для того, чтобы понять себя, а затем войти в общество других. К сожалению, это стремление к поиску идентичности понимается как движение к изоляции, что не соответствует действительности.

В итоге автор приходит к выводу, что сформировавшийся в этих сложных условиях миф о единстве и общности судеб, сходном уровне развития государств Центральной Азии остается таковым и сегодня начинает уже играть негативную роль в оценке современных процессов в регионе.

Кроме того, автор высказывает сомнения по поводу абсолютного укоренения демократии в регионе. Отчасти это обусловлено тем, что в Центральной Азии все еще существуют традиционные институты, которые создают определенные трудности для развития гражданского равенства и становления рыночно ориентированного социального слоя.

Традиционная система, направленная на защиту конкретного члена общины, семьи, требовала и соблюдения неравенства внутри нее и осознания места данной группы по отношению к другим – подчиненное, равное или преобладающее. Данное неравенство индивида внутри общины и по отношению к другим и является мощным препятствием на пути развития индивидуализма, а значит, и равенства всех перед законом, построения реального гражданского общества. Но, тем не менее, автор указывает на то, что осознание проблем и сложностей развития общества в

условиях транзита позволяет более точно избирать маршруты развития, преодолевать существующие и прогнозируемые проблемы.

Книга, представленная казахстанской общественности, характеризуется системностью исследования и оригинальностью мысли. В своей работе автор обобщает исторические факты и события государств и народов, населявших Центральную Азию, выявляя общие закономерности в территориальном, государственном, экономическом, политическом, культурном и религиозном развитии, раскрывая целостную картину взаимоотношений народов региона, проводя сравнительный анализ с современными тенденциями развития. Тем самым анализ исторического прошлого Центральноазиатского региона позволяет взглянуть по-новому на современные и будущие этапы развития государств, с тем чтобы на основе особенностей стран этого региона выстраивать дальнейшую эффективную стратегию действий.

В целом книга А.К.Бисенбаева «Другая Центральная Азия» является достаточно глубоким исследованием и представляет большой интерес для тех, кто интересуется историей Центральной Азии и особенностями развития на ее территории различных цивилизаций. В книге содержится богатый историко-методологический материал, который сопровождается аналитическими исследованиями и выкладками.

М.С.Ашимбаев,
кандидат политических наук

Нурмагамбетов А.А. Образовательная политика Республики Казахстан в контексте трансформации системы высшего образования. – Алматы: Казак университеті, 2002. – 354 с.

Вступление стран – мировых лидеров в постиндустриальную стадию по-новому заставляет взглянуть на проблему роли образования в обществе. Если основными двигателями прогресса в индустриальном обществе были труд и капитал, то в постиндустриальном на первый план выдвигаются знания и информация. Поэтому конкурентоспособность государств в XXI веке будет определяться не только экономической, политической и военной мощью

стран, но и развитостью национальных систем образования, выступающих их фундаментом.

В апрельском Послании Президента народу Казахстана «Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 год» значительное внимание уделяется проблеме образования. Глава государства тесно увязывает будущее страны с развитостью научно-технического и образовательного потенциала. На первый

план выдвигаются проблемы развития высоких технологий, создания технопарков и элитных университетов.

Недавно вышла в свет книга Амантая Нурмагамбетова «Образовательная политика Республики Казахстан в контексте трансформации системы высшего образования». В ней автор ставит и решает ряд чрезвычайно актуальных вопросов казахстанского общества.

В первой главе он анализирует основные концепции образования, доминирующие научные подходы к его исследованию, характер взаимосвязи политики и образования, концептуальные основы и принципы реализации государственной образовательной политики. Автор выделяет четыре основные модели в развитии мирового образования: гумбольдтский «исследовательский университет», британская модель интернатного типа, французская модель «больших школ», чикагская модель (с. 19–20).

Среди методологических подходов внимание акцентируется на компартивном, системном, структурно-функциональном, факторном анализе, контент-анализе и методе стратегического менеджмента на основе SWOT-анализа. На последнем стоит остановиться подробнее. Нельзя не согласиться с автором в том, что «...университеты отличаются от работающих на прибыль коммерческих фирм, так как у них высшие социальные цели, большая общественная ответственность. Однако они могут только выиграть, если примут на вооружение в своей деятельности два базовых принципа менеджмента – производительность и эффективность» (с. 28). К примеру, если взять экономические показатели одного из ведущих вузов мира – Калифорнийского университета (Беркли), занимающего четвертое место в мировом рейтинге, то его годовой доход вполне сопоставим с бюджетами некоторых государств – 1,1 миллиарда долларов США (www.berkeley.edu). Поэтому в современных условиях актуализируется проблема интеграции науки, производства и образования, затронутая в Послании Главы государства.

В первой главе А.А.Нурмагамбетов убедительно доказывает системный характер взаимосвязи политики и образования, выявляет зоны взаимодействия политической и образовательной систем. Интересен

его вывод о том, что, в случае отсутствия или нарушения обратной связи в образовательной системе, ее восстановление становится задачей образовательной политики государства.

Вторая глава посвящена сравнительно-политологическому анализу политики демократических стран и государств переходного типа в сфере высшего образования. Она насыщена цифрами, фактами, концепциями, что дает богатую пищу для размышлений. Несомненным достоинством работы является наглядность: диаграммы, таблицы, графики позволяют образно представить в сравнении состояние высшего образования в США, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Японии, Китае, России и государствах Центральной Азии.

Впечатляют количественные и качественные параметры системы образования США – мирового лидера в этой сфере. Общее количество студентов составляет 15,2 миллиона человек, что больше населения Казахстана. При этом количество иностранных студентов – 455 тысяч, а в одном только Гарварде обучается 2800 иностранных студентов из 125 стран мира (с. 83). Силен и профессорско-преподавательский состав американских вузов. Достаточно сказать, что только в университете Беркли работает восемь лауреатов Нобелевской премии (www.berkeley.edu). Все это позволяет Америке поддерживать свою гегемонию в мировом масштабе и с уверенностью смотреть в будущее.

В цивилизованном мире большое значение уделяется концепциям «человеческого капитала» и «человеческого развития». Не случайно в основу индекса человеческого развития из тысяч возможных показателей заложены только три наиболее фундаментальных и интегральных критерия: объем ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни и уровень образованности граждан.

Как справедливо отмечает автор, именно образование, а не природные ресурсы, могут стать залогом устойчивого развития Республики Казахстан в XXI веке, обеспечения ею достойного места в мировом сообществе наций. Эта мысль «красной нитью» проходит сквозь книгу, звучит рефреном во всех главах.

В подтверждение своей позиции он приводит убедительные факты: «В развитых

странах к образованию относятся как к коммерческой высокодоходной сфере: по подсчетам специалистов, в США, Голландии и Японии образование окупает вложенные затраты в 4–5 раз. По мнению японских исследователей, ничто в действительности не внесло такого большого вклада в превращение Японии в страну с гигантским экономическим потенциалом и высокоразвитой технологией производства, как ее система образования» (с. 150).

На основе широкого эмпирического материала в монографии выявлены концептуальные основы и генеральные тенденции развития государственной образовательной политики в странах Запада и Востока, а также в транзитных политических системах. В ней определены слабые и сильные стороны различных стратегий, закономерности и специфические особенности исследуемых образовательных систем, доказано определяющее влияние типа политического режима на характер проводимой образовательной политики.

Значительный интерес представляет третья глава – «Формирование государственной образовательной политики Республики Казахстан в процессе модернизации системы высшего образования». В ней рассматриваются современное состояние, особенности реформирования и тенденции развития системы высшей школы, влияние образования на национальную безопасность, а также анализируются основные направления государственной образовательной политики.

В данной части работы предложена авторская периодизация развития государственной образовательной политики Республики Казахстан, включающая два этапа: 1) начало становления и реформирования новой структуры системы высшего образования и формирования образовательной политики (1991–1999 гг.); 2) начало реальных процессов модернизации системы высшего образования (с 1999 г. по настоящее время) (с. 178). При этом выводы построены на скрупулезном анализе концептуальных документов, нормативно-правовых актов, статистических и социологических данных, в том числе полученных лично А.А.Нурмагамбетовым.

Значительный интерес представляет раздел, посвященный анализу образования как фактора обеспечения националь-

ной безопасности. Прямая зависимость между этими сферами подтверждается результатами экспертного опроса: 95% респондентов считает, что снижение образовательного потенциала влияет на национальную безопасность Казахстана (с. 220).

Среди угроз национальным интересам страны автором выделяются:

- вынужденный уход профессорско-преподавательского состава из системы высшего образования в другие сферы деятельности, а также «утечка мозгов» за границу;
- снижение образовательного потенциала республики;
- снижение образовательного, научно-интеллектуального уровня населения республики;

• сокращение численности государственных вузов, возможностей получения бесплатного образования (с. 230).

О масштабах проблемы «утечки умов» говорят сравнительные данные по России, которая намного мощнее Казахстана по научно-образовательному потенциалу. После 1991 г. страну покинули 70–80% математиков, 50% физиков-теоретиков, работающих на мировом уровне. За этот период РФ потеряла треть своего интеллектуального потенциала. Ежегодные прямые и косвенные убытки России, подсчитанные по методике ООН, составляют 30–50 млрд долларов в год, что значительно больше, чем прямой вывоз капитала из страны. При этом не происходит восстановления качества человеческого капитала по причине недостаточного финансирования. К примеру, на научно-исследовательские работы Швейцария тратит 2,88% от своего ВВП, чуть меньше – Япония, Швеция, Германия, США. Этот показатель у России составляет 1,7%, у Казахстана – 0,18% (с. 226).

На основе SWOT-анализа в монографии выделены и систематизированы сильные и слабые стороны, присущие системе высшего образования Республики Казахстан, а также возможности и угрозы, таящиеся во внешней среде. Это позволило автору сформулировать миссию высшей школы – расширение доступа всех граждан Казахстана к качественному образованию. Ее выполнение возможно при реализации следующих задач:

- повысить качество высшего образования;

• внедрить меры, обеспечивающие равенство доступа к образованию;

• обеспечить единство систем обучения и воспитания;

• обеспечить реальную интеграцию образования и науки;

• обеспечить мобилизацию ресурсов и повышение эффективности системы образования;

• обеспечить мобильность студентов и преподавателей;

• совершенствовать систему управления образованием;

• повысить эффективность системы финансирования (с. 249–250).

В заключительной главе книги идет поиск форм и принципов вхождения Казахстана в мировое образовательное пространство, определяются приоритетные направления международного сотрудничества РК в сфере высшего образования. Глобализация является одним из самых острых вызовов современной эпохи, предъявляя новые требования ко всем без исключения странам. От того, насколько успешно они справятся с этим, зависит не только их процветание, но порой и само существование.

Серьезнейшим адаптационным ресурсом в условиях глобализации выступает система высшего образования. Степень ее развитости и интегрированности в мировое научно-образовательное простран-

ство определяет уровень конкурентоспособности нации, что переводит значимость образования на более высокий качественный уровень.

Поэтому заслуживает внимания читателей разработанная автором концепция развития международных связей флагмана высшего образования страны – Казахского национального университета имени аль-Фараби, которая может послужить в качестве модельной для других отечественных университетов. Важно подчеркнуть, что выводы опираются не только на сравнительно-политологический анализ, но и на личный профессиональный, педагогический опыт А.А.Нурмагамбетова в качестве доцента высшего учебного заведения, руководителя отдела международных связей КазНУ имени аль-Фараби, а также использование метода включенного наблюдения.

Резюмируя, можно отметить, что появилась интересная книга о современных проблемах казахстанского общества, написанная на высоком профессиональном уровне. Надеемся, она займет достойное место в библиотеках всех, кому близки и дороги ценности образования и прогресса.

*Султанов К.С.,
доктор политических наук,
Председатель комитета
по социально-культурному развитию
Сената Парламента РК*

SUMMARY

Article: «Kazakhstan in Search of National Idea»

Author: A. Nysanbaev, Director of the Institute of Philosophy and Political Science under the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of the NAS of RK, Doctor of Philosophical Sciences

The article is devoted to a problem of the essence and status of the national idea. The author sees formulation of Kazakhstani national idea as a form of solution of interethnic confrontations, as a way of interethnic integration on the basis of a competent combination of the Kazakh nation and other diasporas' interests within a single unitary state in which a united Kazakhstani nation is being formed.

Article: «Religious Processes in Kazakhstan; Dialogue, Discussions, Discourse»

Authors: K. Kazkenov, Member of Political Council of «Otan» party, Political Scientist, D. Nurgaziev, Political Scientist, Member of «Otan» party

Due to its geopolitical location, Kazakhstan lies at intersection of influence spheres of two biggest religions – Islam and Christianity. That is why the policy of our state in the sphere of religion should be well balanced and inclusive of interests of all religious people, with due respect to rights of all nations living in Kazakhstan. The authors note that spiritual unity of Kazakhstani people is a necessary and sufficient condition for political, social and economic development of the country and for its independence strengthening.

Article: «Problem of Poverty in Context of Kazakhstan's Security»

Authors: M. Abisheva, Applicant at the Department of Political Science at Al-Farabi KazNU, B. Bekbutaev, Instructor at the Department of Political Science at Al-Farabi KazNU

The authors review the current problem of poverty in Kazakhstan considering such factors as economic recession, vulnerable groups of population, poverty in agricultural regions and cities, poverty and education, poverty and sex, polarity of society, etc. Analysis of the situation with poverty in Kazakhstan points out concomitant factors of poverty. The authors determine negative effects of poverty on security of the country.

Article: «Sociological Pools as Factor of Communicative Impact»

Authors: S. Konovalov, Post-graduate Student of the Institute of Philosophy and Political Science at the MES of RK, Applicant of the Department of Political Science at Al-Farabi KazNU

Now opinion pools are in the center of attention of political technologists. It is explained by the fact that sociological methods allow a greater degree of reliability in modeling and forecasting of election and other political campaigns. The authors note that sociological pools impact electorate, and especially so, if their results have become an object of political communications.

Article: «Main Directions of State Interaction with Youth Organizations: Russian Experience»

Author: D. Kaletaev, Head of the Sector of Administration of the President of the Republic of Kazakhstan

The author examines different models of Russian state interaction with youth associations. He emphasizes that for today Russia has gained a wealth of experience in the sphere of the state's youth policy. It would be expedient to study and implement this practice more widely in development of this direction in the state's policy of Kazakhstan.

Article: «Some Problems of Moral Responsibility of Religious Confessions and International Security»

Author: S. Amirgazin, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Academy of Financial Police at the AFP of RK

The article is devoted to analysis of factors that pose a threat to internal political security and influence on modern social and political development of RK, notable for its ethnocultural variety. Often ethnopolitical and ethnocultural processes become an independent political force that goes beyond the religious life. In this connection, as the author notes, the main task of the state in the process of interreligious relations settlement is a principal position of the state's institutions in relation to religion, to promote their optimal interaction.

Article: «About Problems of Customs Service and Customs Policy Institutionalization in the Republic of Kazakhstan»

Author: A. Shaltykov, Candidate of Historical Sciences, Professor at the M. Tynyshpaev KazATC

The article examines the problems of institutionalization of customs service in conditions of an independent state. It reveals the stages of customs bodies formation in the Republic of Kazakhstan as a political institute, an attribute of its sovereignty.

Article: «Some Aspects of Transatlantic Cooperation between the USA and EC in the Sphere of Security»

Author: F. Kukeyeva, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of RK, Al-Farabi KazNU

Under new conditions of economic globalization and growing dependence of economies, security issues continue to be considered as the priority ones in the relationship of the USA and EU. The author analyzes the development of the transatlantic partnership in the sphere of security and points out that it will mainly depend on such factors as: degree of American military and political liability; readiness of the European Union's governments to provide economic maintenance to European defense and security; and also coordination of the allies in external political operations in the framework of NATO.

Article: «Collaboration of the Republic of Kazakhstan with Structures of European Security»

Author: K. Baizakova, Head of the Chair of International Relations and Foreign Policy of RK, Al-Farabi KazNU, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor

Development of the regional cooperation has a paramount importance for our country. Alongside with it the Republic should strengthen its relations with the leading countries of the world. The European vector in Kazakhstan's foreign policy is also being analyzed.

Article: «Water Resources— Source of Conflicts in Central Asia»

Authors: A. Holiki, Tajik National University of Law, Business and Politics, Head of Political Science and International Relations Department (Diplomacy), Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, N. Rakhimov, Russian-Tajik Contemporary Humanitarian University, Head of the Chair of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer

The second half of the 90s in the XX century was marked by a growing significance of water resources in the relationships of the Central Asian States. According to the opinion of a number of political scientists, a struggle for control over water resources will be a major potential source of national and interstate conflicts in the XXI century. As the authors believe, this problem will determine the whole system of interstate relations of the Central Asian countries.

Article: «Policy of Kazakhstan's Participation in Development of Outer Space»

Author: B. Zhusipov, Scientific Secretary of the Institute of Philosophy and Political Science of the MES of RK, Candidate of Political Sciences

The article analyzes some trends in the states' activities on development of space and also strategic tasks of Kazakhstan in regard to the cosmic complex «Baikonur».

Article: «Global Trends in Economic Development of Leading Countries»

Authors: L. Gusseva, Head of the Department of Geoglobalistics and Economic Security, T. Dmitrienko, Senior Research Fellow, S. Smirnov, Senior Research Officer, Ye. Lyan, Research Fellow, U. Nysanbek, Research Fellow

A common trend of the world economy in many respects is being determined by the economic dynamics of the leading countries, such as the USA, countries of the European Union, China, Japan and Russia. The current tendencies of development in these countries show that the year 2003 is the third year in a row when recession in growth rates of the world economy on a number of main parameters is being observed.

Article: «**Analysis of Problems and Trends of the World Grain Market's Development**»

Author: **S. Aigozhina**, *Applicant of the Institute of Economy of the Ministry of Education and Science of RK*

Today the world grain market is controlled by five exporter countries – the USA, Canada, Australia, Argentina and the EU. This situation has occurred due to a correct, coordinated policy of export stimulation in these countries. The author emphasizes that in many countries the growing counteraction to such use of measures for export stimulation like subsidies brings about the following question: In which forms export stimulation should be realized not to meet a tough counteraction in the world markets?

Article: «**About the Problems of Investment Policy in Coal Industry**»

Author: **A. Zhymataeva**, *The Buketov KarNU*

The coal industry is an important component of the power sector of the Republic of Kazakhstan. Although on the background of oil and gas enterprises' attractiveness for investors, coal companies are objectively less promising for investors. The author thinks that systemic marketing studies will help finding correct approaches and rising the efficiency of limited investments use for reproduction of the fixed capital of the industry.

Article: «**State and Prospects of Innovation Infrastructure Formation in Kazakhstan**»

Author: **T. Batpenov**, *Head of the Department of Science and Innovations of the Ministry of Economy and Budget Planning*

The article is devoted to the problem of innovation infrastructure creation in Kazakhstan. The author thinks that to shift the economy to an innovative way of development, it is necessary to create a ramified innovation infrastructure. It will include industrial and technical structures, objects of informational systems, organizations on preparation and staff retraining in the sphere of innovation management, financial structures, systems of expert examination, patenting, licensing, certification, standardization and accreditation.

Article: «**Electorate's Behavior During Elections and Referendums. The General and Particular at National and Regional Levels**»

Author: **N. Mukanova**, *Applicant of Analytical Center «Strategia»*

The article examines the problems of electorate's behavior before elections and referendums at national and regional levels. The author investigates the causes of the protest voting of citizens of Mangistau and Atyrau oblast. The reason of the protest participation of population Mangistau and Atyrau areas for the period of elections in 1999 was a low social and economic level of life.

Article: «**About the Subject of Sociology: Deviation Behavior of Teenagers**»

Author: **Sh. Dzhamanbalaeva**, *Senior Lecturer at the Department of Sociology at Al-Farabi KazNU*

The article is devoted to a sociological interpretation of the problem of deviation behavior among teenagers. As the author believes, the problem includes such indicators as objective social orientation, public behavior from the point of view of functioning and individual development, social groups, commonness and community on the whole.

- Абишева М.А.** – соискатель кафедры политологии КазНУ им. аль-Фараби
Айгожина С.А. – соискатель Института экономики АН МОиН РК
Амиргазин С.Т. – доцент Академии финансовой полиции АФП РК, к. филос. н.
Байзакова К.И. – зав. кафедрой международных отношений и внешней политики РК КазНУ им. аль-Фараби, доцент, к. и. н.
Батпенов Т. – начальник Отдела науки и инноваций Министерства экономики и бюджетного планирования
Бекбутаев Б.А. – преподаватель кафедры политологии КазНУ им. аль-Фараби
Гусева Л.Ю. – заведующая отделом геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
Джаманбалаева Ш.Е. – доцент кафедры социологии КазНУ им. аль-Фараби
Дмитриенко Т.А. – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
Жусипов Б.С. – ученый секретарь Института философии и политологии МОН РК, к. п. н.
Жуматаева А.Р. – КарГУ им. Е.А.Букетова
Казкенов К.М. – член Политсовета партии «Отан», политолог
Калетаев Д.А. – заведующий сектором Администрации Президента РК
Коновалов С.А. – аспирант Института философии и политологии МОН РК
Кукеева Ф.Т. – доцент кафедры международных отношений и внешней политики РК КазНУ им. аль-Фараби, к. и. н.
Лян Е.Е. – научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
Муканова Н.А. – соискатель Аналитического центра «Стратегия»
Нургазиев Д.А. – член партии «Отан», политолог
Нысанбаев А.Н. – директор Института философии и политологии Министерства образования и науки РК, член-корреспондент НАН РК, д. филос. н.
Нысанбек У.М. – научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
Рахимов Н.Т. – заведующий кафедрой «Правовые науки» Российско-Таджикского Современного Гуманитарного Университета, доцент, к. и. н.
Смирнов С.Л. – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК
Холики А. – заведующий кафедрой «Политология» Таджикский Государственный Университет права, бизнеса и политики, доцент, к. и. н.
Шалгыков А.И. – профессор КазАТК им. М.Тынышпаева, к.и.н.